

A close-up, high-angle photograph of a heavy-duty metal chain. The chain consists of several interlocking links, each made of a dark, weathered metal. The links are connected by large, circular rivets. The lighting is dramatic, highlighting the textures and shadows of the metal, giving it a gritty, industrial appearance.

ЖЕЛЕЗНОЦВЕТ

АЗИЗ АЛИМОВ

АЗИЗ АЛИМОВ
Железноцвет

«Автор»

2018

Алимов А. Т.

Железноцвет / А. Т. Алимов — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-12676-3

Россия будущего. Некогда процветавший наукоград пришел в упадок из-за тягот военного времени и катастрофы в секретном Бюро. Байронический герой романа - узник этого города, опальный чекист Петр Леонов, наследник некогда могущественной фамилии. Вопреки долгу перед городом и тяжелому состоянию своего биологически модифицированного тела, Петр одержим исчезновением своей гениальной сестры, исследования которой - причина всего, что произошло с ним и с миром. Встреча с бесшабашной Зоей, прибывшей с фронта, втягивает Петра в разрушительное столкновение группировок, сражающихся за страшное наследие секретного Бюро. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-12676-3

© Алимов А. Т., 2018

© Автор, 2018

1.

Формалин и буря

С самого падения Москвы, в своих снах я вижу одно и то же. Красную реку в угольной тьме и плотину тел, перекрывшую ее течение. Нависшую над моим разорванным лицом пустую глазницу, излучающую полоумное остервенение, а справа, высоко над глазницей – оранжевый саван, накрывший столицу, доживающую свой последний день. Дальше – коматозная темень и голос Вики – из того дня, когда она ушла, бросив меня на реанимационной койке.

– Пойми, я должна идти. Ради общего дела. Ради полного и окончательного освобождения.

Сон обрывается, когда меня несмело тормозат. Прибыли?

Я поднимаю веки и, как обычно, поначалу не вижу ровным счетом ничего. Постепенно в бесцветном мареве начинают проступать несколько ярких пятен – силуэты зданий, надо полагать. Быстро обретая четкость, зрение минует ультрафиолетовый спектр. Картинка нормализуется. Мозг догоняет неродные глаза, и сквозь треснувшее лобовое стекло я вижу кривую индустриальную улочку. Блочные постройки, скорее заброшенные, чем нет, жмутся к земле от мощного ветра, что несет с пустошей облака фونهاщей пыли, металлолом и холод близкого океана.

Ясно – боялись будить, и торчим мы тут уже давно. Водитель смотрит на меня вопросительно и заискивающе, в десантном отделении тактично отмалчиваются.

– Так, – прокашлявшись, завожу шарманку я. – Осмотреть окрестности, прошерстить местных.

– Так точно! – в унисон откликаются мои орлята. Голоса у них едва сломались, но в глазах уже льдинки. Складки вокруг пухлых губ. С рук не покормишь.

– Если что – сразу трубить в горн, ясно? – говорю я.

– Так точно. Вы сейчас куда, Петр Климентьевич?

– Встречу гостью, осмотрю дом, пожалуй... Не зевать мне. Был очередной прорыв из-за речки, в случае чего – сами знаете. Меня нет.

Ступив на бетонку, я выпрямляю затекшую спину, прекрасно зная, что за этим последует. Треснутые позвонки жалобно хрустят, и по всему телу пробегает волна неприятного холода. Несколько секунд я не чувствую ни ладоней, ни стоп. Чувствительность возвращается рука об руку с неизбывной болью. За спиной хлопает бронированная дверь, и “Тигр” плавно трогается с места; в салоне нетерпеливо клацают затворы автоматов. Вечернее солнце скупо освещает кривую улочку.

Без сомнения, до Штаба наконец дошли слухи о моей самодеятельности – точнее, Штаб их решил услышать. Сослали в поле, а сами пока решают, как получше клюнуть, значит. Ничего, порасследуем. И не таких пережили. Подняв ворот шинели, я ковляю вниз по 3-й Сталепрокатной туда, где дожидаются нежданная гостья и место предполагаемого преступления. Где-то вдалеке трещит трещотка – три хлопка, четыре, снова три. Смотрю я по сторонам и думаю о том, что мой закрытый городок с каждым годом все грязнее, все шире трещины в его бетонках. Погода, кажется, совсем перестала меняться; последние два лета были таковыми лишь в названии.

Миновав ржавеющий поперек обочины контрбатареинный радар, я поворачиваю за угол. Я сразу же вижу ее машину – свободного от обтекаемости зубра, скрученного из запчастей всех грузовых категорий. Подвеска необычайно высокая, над огромным бампером – барабан механической лебедки. За машиной я вижу водителя.

Незнакомка стоит, подперев спиной витрину заброшенного “Сбербанка”. Поверх дифирамбов несуществующим депозитам стекло в два слоя заклеено черно-белыми плакатами, призывающими сообщать о порослях железноцвета. На ветру плакаты плещутся, как паруса клипера, севшего на мель. Девушка одета в куртку грубой кожи и штаны цвета афганской оливы.

Прислали вот, мне на голову. Зачем прислали? Что, Левченко мне мало? Ладно, чего теперь причитать, хромоножка.

Сойдя с рассыпавшегося поребрика, я ступаю на проезжую часть. Девушка немедля поворачивает голову ко мне и едва заметно напрягается. Поймав мой взгляд, она взмахивает правой рукой, и тогда я замечаю, что у нее недостает половины указательного пальца. Мы могли бы учиться на одном курсе – на вид ей лет двадцать, если только не смотреть в глаза. Глаза у нее цвета стальной окалины, и даже вблизи они продолжают пристально и с любопытством меня рассматривать. Я отвечаю тем же. У нее выраженные, даже резкие черты лица, волевой подбородок и светлые волосы, чуть длиннее моих. Точеный нос и худые щеки усыпаны веснушками, а глаза прищурены; вблизи я вижу, что ее белки украшает сеть лопнувших капилляров – не выпалась, наверное. В телеграмме было сказано, что ее зовут Зоя.

– Привет опричникам! – говорит Зоя, протягивая руку. Покоробленный, я молча жму ее ладонь. – Ох и наплели мне про тебя, Петя, – как ни в чем не бывало продолжает она. Голос у нее с легкой хрипотцой, но довольно приятный. Наверное, таким хорошо петь романсы. – Укротитель Воронинского бунта. Ясно, чего тебя все в профиль снимают, – добавляет она.

Пепельные глаза скользят по уродливым рубцам, ползущим от моей скулы вниз через шею и под воротник. Совсем иначе меня кличут, когда думают, что не слышу. Уцелеть в Москве с моей стороны было бестактным, потому теперь я здесь. Опять. С глаз долой – из сердца вон.

Зоя невозмутимо извлекает из кармана штанов пачку “Победы” и, щелкнув колесом тяжелой, тронутой ржавчиной зажигалки, указывает пачкой в моем направлении. Я качаю головой, и Зоя понимающе выдыхает дым мне в лицо. Ее личное дело мне так и не дали, как ни кланчил. Было ли оно вообще у Штаба?

– Прямо с полей к нам, так? – невзначай интересуюсь я. – Польша?

– Холодно.

– Из-за лужи, значит. Из ДШМГ, раз нам передали. Как там, на Аляске, еще держатся?

Зоя качает головой, выдыхая дым кверху.

– Какое держатся? Наш госпиталь крайним эвакуировали, – говорит она. – Думала – все, день погранца будем в лагере справлять. Анкоридж уже бомбили, враг форсировал Юкон, контрнаступление по всему фронту. Вам тут че, телевизор не провели?

– Почему. Все провели. Сегодня вот про сбор свеклы передавали. Про птицефабрику. Про неуклонный рост добычи асбестовой руды, – говорю я.

Зоя фыркает и ерошит свою густую шевелюру.

– Знаешь, если по-честному, я эвакуации рада была. Да все были. В Анкоридже теперь уже и вздохнуть невозможно, не то что жить. В лесах еще гаже. Весной еще как-то было, теперь вообще вилы. Весь день в респираторе, фильтра до проверки хватает. Ночью из-за колючки ходу нет.

– Споры?

– Споры, – рассеянно кивает Зоя, – Растения. Живность.

Про живность я наслышан особо. Про нее ясно только то, что вывел ее не противник. У противника с живностью такие же проблемы.

– Ну вот, – продолжает Зоя, – посадили нас на самолет, через пять часов уже в столице. Я прямо ошалела, понимаешь? У нас на базе сугробы с кантиком, а в Питере все зеленое. У вас тут, правда, уже попрохладней... Наши там так все и сидят, на взлетной полосе. Неделю уже. Кроме моих еще дивизия с лишним. Палатки поставили, печки затопили. Наш комгруппы военник сжег, автомат выбросил, пьет со всеми. Все рваные, грязные, счастливые. Живые. Человек двадцать уже замуж позвало. Командование знать не знает, чего с нами делать. Рассовывают понемножку, куда могут. В основном в Польшу. Я тоже хотела. Видно, не судьба.

– Гм. И как там, в столице?

– А я знаю? Кто нас таких в город выпустит? Но хорошо, – говорит Зоя, улыбнувшись. – Гражданских много. Все веселые такие. Как будто нормально все, знаешь? Мужиков только нет, бабы – бальзаковские.

Сложив два и два, я наконец решаюсь спросить.

– Слушай – ты ведь, получается – из Юконской десантно-штурмовой, так? А капитана Леонова не знаешь? В смысле, не меня, а...

– Аркашу, – опережает меня Зоя. – Только не капитан он уже давно.

Я замираю на полуслове, а Зоя продолжает говорить.

– Конечно знаю, как не знать. Кто мне, по-твоему, про тебя напел? Все он мне довел – как ты пешком под стол ходил, и так далее...

– Вздор, – морщусь я, пытаюсь собраться с мыслями. Зоя довольно скалится. – Хватит ерунду молоть... Как он там, не помер еще? – помедлив, спрашиваю я.

– Он не там, он – здесь, – говорит Зоя, и затягивается.

– Как здесь? В городе?

– Ага. Нас вместе выслали в твою галимую тундру.

Чем дальше, тем меньше мне нравится это расследование.

– Слушай, Петя, – докуривая, говорит Зоя, – мы тут добровольно-принудительно. Не слепая, вижу – нам не рады. Но Адмиралтейство на всех одно, приказы – тоже. Что бы там штабные упыри не затевали – нам с тобой ссориться незачем. Давай жить дружно, а?

– Только за, – вру я. Щелчком пальцев Зоя отправляет окурок через улицу.

Адмиралтейство затягивает петлю на шее моего Управления, и мне не остаться в стороне от грядущей чистки, даже если я как-то и вывернусь перед собственным, местным начальством. Следствие – следствием, но нужно понять, что на самом деле здесь делает эта девица, и что связывает ее с братом, которого я уже года четыре, как не видел.

– Ладно, пошли посмотрим дом. Готова?

Зоя расстегивает молнию. Под курткой у нее бронежилет, на бронежилете – кобура с пистолетом Сердюкова.

– Всегда, – отвечает она.

С улицы дом №12 выглядит совсем не зловеще. Такой типичный представитель старых кварталов. На обоих этажах окна намертво заколочены, водосточные трубы – на последнем болте; облицовка развратно обвалилась, обнажив выщербленный кирпич. Номерной таблички давно нет, а номер намалеван огромными цифрами прямо на некогда красно-бежевом фасаде. Мусорный бачок покорежено скалится ржавой пастью, кланяясь, словно прокаженный при-вратник: все здесь в порядке, извольте следовать по своим делам, господа хорошие.

И хочется – а не поверишь. Чем-то не тем тянет от этого дома.

Табличка на опечатанной входной двери гласит, что №12 приговорен к сносу. Год назад. На этом месте должен быть маленький пустырь, окруженный со всех сторон нежилыми трех-этажками. Штаб Управления говорит, что местные давно жаловались на шум, постоянно идущий из дома. На жалобы их, конечно, внимания никто не обращал, пока кто-то в Штабе не выудил это дело из ведра и не спустил вниз по цепочке, а столичное Адмиралтейство не прислало в нагрузку специалистов из ДШМГ. Почему – вот это уже интересный вопрос. Опасный вопрос. Зоя равнодушно монтирует облезлый глушитель – ее, кажется, ничего из этого не трогает.

Чем же все-таки тут пахнет? Спиртом? Нет, не спиртом. Формалином. Мурашки пробегают по моей спине.

За вышибленной Зоей входной дверью №12 оказывается занимательнее, чем снаружи. Все пространство этажа завалено обрезками труб и фрагментами обмотки; пол покрыт россыпью разновеликих гаек и болтов, которые какой-то чистоплюй разметал по углам веником,

проложив тропинку. Тропинка ведет сквозь зал, мимо гор лома и брошенных инструментов. По полу вьются трубы, через которые приходится переступать. Я веду, Зоя замыкает; ее пистолетный фонарик вылавливает обросшие чем-то мотки проводов, свисающие с потолка.

В центре зала возвышаются четыре массивных динамо-машины. Перед каждой в полу проделана яма, заполненная мутной водой. Подойдя к одной из них, я смещаю зрение по спектру в сторону гамма-лучей, и глаза немедленно заливают ослепительное сияние, растворяющее все вокруг. Я машинально закрываю глаза ладонью, но это несколько не помогает, и, пока глаза не возвращаются на человеческий уровень восприятия, я остаюсь слеп, как крот.

– Миниатюрные реакторы, – констатирую я. – Недешевое удовольствие.

– Ты чего, весь спектр различаешь? – с интересом спрашивает Зоя.

– От микроволн до рентгеновских лучей. Думала – у меня катаракта на глазах?

– А кто тебя знает? У нас-то хорошо если руки-ноги поменяют. Вы тут чего – все такие?

– Нет. И нечего пальцем лезть! Пойдем лучше наверх.

Сварная лестница ввинчивается в зияющее в потолке отверстие; обвивая ее, туда же тянутся кабели от динамо-машин.

– Не двигайся, хорошо? – говорю я. Зоя вопросительно поднимает брови.

Я кладу руку на рацию, висящую у меня на плече, задерживаю дыхание и нажимаю на две кнопки. Устройство издает резкий визг и хрип, а я напрягаю глаза и сосредоточиваю все внимание на потолке. Секунд через десять я выдыхаю.

– Никого нет дома, – докладываю я.

– Эээ...

– Я уверен.

– Ну ладно, – легко соглашается Зоя.

– Но ты все равно...

Недослушав, Зоя вскидывает пистолет и одним рывком взлетает вверх по лестнице.

– Чисто! – докладывает она оттуда.

Проклиная позвонки, я карабкаюсь вслед за ней. Благодаря своей жалкой инвалидности, я получаю возможность получше рассмотреть ступени и, приглядевшись, замечаю разводы, покрывающие их. Что-то тащили по этой лестнице, и это что-то отчаянно сопротивлялось, маша руками и оставляя на стенах маленькие бурые пятна. Сегодняшняя операция мне теперь вообще перестала нравиться. С тех пор, как Алхимик исчез, вещи в городе с каждым днем происходят все более странные. Не люблю странного.

Прямо от лестницы начинается короткий коридорчик, заткнутый тяжелой стальной дверью, закрытой на засов. Из коридора проемы ведут в отдельные комнаты. В первой – спальня-гостиная: грязные матрасы, холодильничек да электроплитка.

– О, “Рубин”, – Зоя указывает на ящик, стоящий в углу комнатки. – Цветной, кажется. Хорошо устроились.

– Ага, – без энтузиазма отвечаю я.

У меня в детстве был цветной, когда мы в Питере жили – полуметровая плазма.

Отдельная дверца ведет из спальни в санузел казарменного уровня. В санузле висит забрызганный и заботливо склеенный постер с Эльвой Кусанаги.

Во второй комнате оказывается рабочий кабинет: впритык два стола, на одном – зачехленная печатная машинка и всякая канцелярская утварь. Ящики столов раскрыты настежь, некоторые валяются на полу. От бумаг, некогда заполнявших их, не осталось и следа.

Я смотрю больше не на это барахло, а на свою новую знакомую. Зоя тщательно осматривает пороги и не заходит никуда до тех пор, пока не осмотрит всю комнату сквозь прицел. Она движется неторопливо и непринужденно, так, что наши сектора обстрела идеально складываются. Иногда ее рука рефлекторно тянется к плечу, пытаясь ухватить что-то, что должно быть закреплено на нем – что-то такое, что можно на всякий случай закатить в подозрительную

комнату. Ее явно не учили штурмовать здания министерств, забитые спеленутыми взрывчаткой заложниками. По ту сторону мушки Зоя ожидает увидеть не студента с берданкой в трясущихся руках, а облаченного в броню мотострелка, который будет стрелять в нее и не промахнется, если она не изрешетит его первой – сквозь все, что окажется на ее пути. Зоя младше меня от силы года на три, но это ощутимая разница – она выросла во время, уже окончательно простившееся с полумерами.

Все самовольное строительство вылетает из моей головы в тот момент, когда я открываю черную дверь. Тяжелый засов поднимается без скрипа, и в ноздри сразу бьет невыносимо резкий запах формалина. Закашлявшись, Зоя закрывает нос рукавом. Лучи закатного солнца пробиваются сквозь заколоченные окна, и от них картина, которая предстала моим глазам, становится только более зловещей.

Передо мной стоят четыре огромные ванны, до краев наполненные раствором, запах которого я услышал с улицы. В центре комнаты возвышается крестообразный блок научного вычислителя – вроде тех, что в ОКБ стоят. Мне, впрочем, не до вычислителя. Мой взгляд прикован к ваннам.

В каждой из ванн лежат по два человека с истощенными, как у каналармейцев, лицами. Не похоже, чтобы кого-то из них еще можно было реанимировать. Сверху ванны прикрыты брезентом, скрывающим тела мертвецов. Видно только, что все они уложены спинами друг к другу; их головы лежат на краях ванн. От этих краев к центру комнаты тянутся длинные, телесного цвета трубки.

– Блять, – только и говорит Зоя.

Она возвращает пистолет в кобуру, и мы проходим в комнату.

– Это как так, а? – спрашивает она, приподнимая брезент с одной из ванн.

– Как – понятно... – мрачно говорю я, подходя поближе. Зоя срывает брезент, и я наклоняюсь над незыблемым слоем формалина.

То, что я вижу, напоминает картинку, которую я видел в одной из написанных Викой книг – изображение сиамских близнецов, рожденных сросшимися. Вот только что-то не кажется мне, что этих товарищей так одарила природа. Лежащие в ванне мужчина и женщина сшиты воедино вдоль позвоночника, от копчика до основания шеи. Кожаные трубки присоединены к основаниям их черепов. Вопреки себе, я чешу собственный затылок, потом воровато оглядываюсь на Зою. Ей, к счастью, не до меня. Я отмечаю, что в тела мертвецов введены многочисленные катетеры и отводные трубки. Чтобы упростить доступ, их гениталии были удалены.

– Зажмурились часов десять назад, – говорит Зоя, склонившись над ванной.

Из объемистого подсумка с крестом, висящего на ее ремне, она извлекает пару одноразовых перчаток и тщательно осматривает голову трупа. Потом она берет щипцы и при их помощи разжимает формалиновому ныряльщику челюсти.

– Ты смотри, какие язвы, – бормочет Зоя, – и лимфоузлы накрылись. Острый микоз. Похоже, этот болел тубиком и саркомой Капоши, как минимум, – заключает Зоя. – Скорее всего – на фоне СПИД.

– До войны училась, или уже в учебке?

– На практике.

– Тогда осмотришь остальных подводников. Я займусь сращивателем.

– Чем-чем ты займешься, развратник?

– Сращивателем.

От каждой пары мертвецов к центру комнаты идет тонкая кожаная трубка, более всего напоминающая младенческую пуповину. С одного конца она подсоединена к черепам трупов, а вот с другого...

Цвета свернувшейся крови, этот странный предмет обхватывает примерно половину вычислительного агрегата, словно удав, натянувший себя на задушенную жертву. Его несо-

мненно органической природы облик у непосвященного вызовет иррациональное, животное отвращение. Не беря в расчет размеры, сращиватель отдаленно похож на какой-то орган – печень или желудок, например. При этом, сквозь его поверхность явственно проступают ребра. Пересекаясь с венами, толстые провода извиваются под его обвисшей кожей.

– У этого зубы сгнили до корней, десны аж посинели, – докладывает Зоя. – На бедрах все вены забиты. В паху – тоже. Такими иголками не в поликлинике колот, Петя.

– Копай дальше.

– Всегда вот такой хуйней занимаешься?

– Приходится. Вообще-то не совсем моя специальность.

– А мне-то вообще каким боком?! Как всегда, блять: художник трубы кладет, боксер моторы чинит, товаровед – на тумбочке... – начинает расходиться Зоя, но потом вдруг резко меняет тему. – Знаешь, про вас ведь кучу всяких ужасов рассказывают, – говорит она.

– Про нас – про Управление?

– Угу. Я думала – по рогам тебя узнаю.

Я усмехаюсь.

Страшась силы, попавшей в руки военных, Кремль выковал свой собственный меч. Начавшись как небольшая охранная организация, моя контора быстро метаморфизировала в нечто совсем иное. На третий семестр, наше курсантское физо вдруг выросло с двух до двенадцати часов в неделю, а бесполезные предметы уступили место Тактике малых подразделений и Курсам пехотных снайперов. Приволокши свой каркас в расположение, я ложился на койку, как в гроб; руки пахли чернилами и порохом. О войне тогда еще только шутили. Мы готовились не к ней, а к противодействию новой и неизвестной силе. Но получилось так, что свои навыки нам пришлось применить гораздо ближе к дому. Вика, прости меня.

– Эти люди, – говорю я, обводя комнату взглядом, – тот, кто работал здесь, использовал их, как оперативные модули вот этого аналогового вычислителя. Чтобы многократно увеличить производительность. Сдвоенные нервные системы снижают индивидуальную нагрузку, сращиватель служит переходником.

– Но зачем?

– Не знаю. Сама технология разработана для передачи данных и РЭБ в условиях позиционной ядерной войны. Но вообще спектр применения широчайший.

Академик, придумавший в свое время эту схему, потом срастился с системой дальней космической связи. Через полгода, внезапно выйдя из комы, академик первым делом попросил карандаш, и грифелем карандаша аккуратно выскоблил себе обе глазницы. Прибежавшей на вопли соседней санитарке он спокойно сказал: “Я по-прежнему вижу это”.

– Ну и нахера они тут все это устроили? – спрашивает Зоя. – И кто – они?

– А вот это уже правильный вопрос.

Тот, кому поручили при отступлении замечать следы, явно не знал, что именно крушить, поэтому поработал над всем. Лом, которым он настраивал чувствительную аппаратуру, валяется в стороне, и сейчас шансов что-то считать больше с него, нежели с вычислителя. Тот же безымянный труженик бритвой исполосовал сращиватель, выпустив ему кишки.

– Ну чего, тупик? – спрашивает Зоя.

– Ммм... может быть. У тебя?

– Мордатый на тюрьме был в почете, а у сифилитика на жопе глаза набиты.

– Такие разные, но судьба связала их вместе.

– У вон тех двоих картинка похожая, – кивает Зоя. – Их я мельком осмотрела, и...

– Массив.

– Ась?

– Оттуда их похитили, – говорю я. – Или купили.

– Это где такое?

– На северо-западе, за окраинами. Но нашему брату туда ход заказан, – задумчиво говорю я, меряя комнату шагами. Зоя снова склоняется над ванной.

От вычислителя по полу тянется несколько толстых кабелей; у окна они собираются в пучок и, взобравшись по стене, ползут между приколоченных досок на улицу, а оттуда – по наружной стене дома, все выше и выше и выше. Зуб даю – если вскарабкаться вслед за ними, рано или поздно я найду антенну, к которой была подключена эта кунсткамера... Кто-то отсюда что-то перехватывал. Или глушил.

– Это еще что за херня? – бормочет Зоя. Я поворачиваюсь.

Кривясь, она вынимает изо рта одного из ныряльщиков большого слизняка. “Слизняк” довольно странный: слизи не выделяет, а шкура у него как будто бархатная. По бокам туловища у него ножки, похожие на тараканы. Морду его украшают полдюжины то ли рожек, то ли антенн, а снизу расположен мягкий розовый рот с двумя рядами плоских зубов.

– Это? Это – Картонный Весельчак, – говорю я. – Симбионт.

– Но он же ни разу не картонный! – протестует Зоя. – Что за кличка дебильная?

Я жму плечами.

– У этого жмурика языка считай вообще нет, – говорит Зоя. Я рассеянно киваю. – Им что, режут их в этом Массиве? Что там за изверги живут?

– Почему режут? Это Весельчак. Он отжевал язык этого гражданина и заменил его собой. Лапки – для крепления ко дну полости рта.

Зоины глаза становятся, как два чайных блюдечка.

– И что, ему это... ему это – в рот? Насильно?

– Почему. Скорее всего он его поставил до того, как попал сюда. Весельчака используют добровольно.

– Чего?!

– Внутри Весельчака скрыт длинный и гибкий хвост. Закрепившись во рту, он этим хвостом проникает в носоглотку хозяина и оттуда через носовые пазухи – в мозг.

– З-за...

– Он им питается. Мозгом. Это долгий процесс, а мозг хорошо адаптируется к потерям.

– И это – добровольно?!

– Видишь ли, Весельчак в ходе своей, так сказать, деятельности, регулярно воздействует на гипофиз хозяина, вызывая мощный выброс пролактина и эндорфинов.

– Ты хочешь сказать – он кончает от того, что эта мразь ему гипофиз ковыряет?

– Постоянно. Говорят – лучше, чем героин.

– А мозги не лучше?

– Зачем? Что бы он с ними делал?

Прервав мою лекцию, за плечом просыпается рация.

– Нева, Нева, я – Шестой, – обеспокоенно зовет она.

– Что, Шестой, опять двойка?

– Виноват, какая двойка? Нева, у нас тут шахтеры прискакали, две команды на комбайнах. Бенгальские огни привезли.

Я делаю паузу. Зоя бросает Весельчака на пол и размалывает берцем, а после гадливо вытирает подошву о край ванны.

– Главный дуболом с ними? – спрашиваю я.

– Никак нет. Атомолета тоже не наблюдаю.

– Ладно, – командуя я, – шахтеров задержать. Знаю, что непросто, – добавляю я в ответ на неловкое молчание. – Запудришь им мозги, ночное randevу назначишь. Как хочешь вертись, но дай мне хотя бы минут пять, ясно? Сможешь – пошлешь потом одного из наших саперов сюда – собрать вещдоки, безотлагательно. Заберете все, что к полу не прикручено. Потом – сразу в гнездо.

- “Безотлагательно”, – фыркает Зоя. Я не обращаю внимания.
- Товарищ комгруппы, эээ...
- Я в тебя верю, Шестой, – говорю я. – В Штаб – как обычно, без меня. Что-нибудь сообразишь, я уверен.
- Принял. Конец связи, – подавленно отзываются на том конце.
- Вот так так. Что эти упыри здесь забыли?
- Кого там еще? – интересуется Зоя.
- Драгун. Хорошо хоть Левченко не с ними...
- Еще какие-то чекисты, – бурчит Зоя.
- О, нет. Нет-нет, это совсем не чекисты, – отвечаю я. – Это вообще не люди. Ничего, Шестой их затормозит.
- Это кто? Твой оперативник?
- Стажер. Смышленный паренек. Я снял его с фронтового поезда, выправил ему военник.
- Внезапно, откуда-то сзади раздается горестное мычание. Молниеносно развернувшись, мы наводим пистолеты на источник звука. Один из ныряльчиков по-прежнему жив. Он не открывает глаз и не шевелится, а только стонет, протяжно и заунывно. От этого звука у меня неприятно холодеет внутри. Партнер модуля мертв, из двух голов движется только одна.
- Петя, давай скорую вызовем, вдруг... – начинает было Зоя.
- Поздно. Посмотри на него.
- На наши слова модуль никак не реагирует, продолжая стонать на одной ноте. Совсем мальчишка, бриться ему точно не приходилось. Ни наколок, ни следов от уколов у него нет. Опустив пистолет, я склоняюсь над ним.
- Кто с тобой это сделал? – спрашиваю я, но умирающий только скулит. – Без толку. Мозги спеклись, – говорю я.
- И чего теперь? Не бросать же его, а? Живой же паренек. Был.
- Нет, – качаю головой я, и извлекаю из рукава свой мультиинструмент. – Ты иди, я сам.
- Отвали, – холодно говорит Зоя и, отодвинув меня, садится на край ванны. – Своих ты тоже – ножом?
- Приходилось.
- Не сегодня.
- Раскрыв свой подсумок, Зоя достает из него объемистый шприц в стальной оболочке и встает на колени перед ванной.
- Господи, с шеей-то у него что?
- Мы называем это “флейтой”.
- Чуть ниже кадыка, горло парнишки вздувается, и из центра новообразования наружу выступают несколько тонких костяных трубок, плотно прилегающих друг к другу. Совсем свежие, еще не успели разрастись. Поэтому голосовые связки еще работают.
- От чего это у него? – спрашивает Зоя.
- Побочный эффект... препарата, который использовался для его операции.
- Не ляпни лишнего. Ей незачем знать, как близко ты знаком с этим “препаратом”.
- Ну ладно. Как вздулось-то все... помоги мне, а? Подержи его голову, пожалуйста, – просит Зоя.
- В моих руках парнишка успокаивается, перестает стонать. В отличие от всех остальных, его швы наложены очень грубо, топорно. Зоя выдвигает поршень, набирая полный шприц воздуха. На тощей, покрытой мурашками шее она находит сонную артерию и, проткнув кожу, вкачивает в нее воздух. Мальчишка всхлипывает тихонько, и Зоя, отложив шприц, ласково обнимает его голову.
- Потерпи еще немножко, сейчас пройдет, – шепчет она. – Вот так...

Под опущенными веками, его глаза движутся в последний раз, и его дыхание перестает греть мою ладонь. Проверив его пульс, Зоя встает с края ванной. Подняв голову, я вижу, что недобрые огоньки пляшут в ее глазах.

– Нашла бы я того, кто это с ним сделал... – произносит она, медленно стягивая с себя перчатки, – он бы сам с себя начал шкуру спарывать, лишь бы мне не данься.

– Пойдем отсюда, – говорю я. – Что тут еще сделаешь?

– С радостью, – кивает Зоя.

3-я Сталепрокатная быстро заполняется машинами; выглянув из арки, я замечаю два броневика, окруженных тяжеловооруженными драгунами, а на другой стороне улицы – фургончик с надписью “Живые Цветы”.

– Дальше куда, Петь? – спрашивает Зоя, выглянув из-за моего плеча.

– Ты мне скажи, – говорю я. Из бронерубки контрбатарейного радара высовывается чрезвычайно грязный человек, одетый только в болотного цвета берет. Может быть, оператор станции. Увидев драгун, он поворачивается к ним спиной и наклоняется.

– Мы с Аркашей на одном составе прибыли, – говорит Зоя. – Но у него на жэ-дэ узле какие-то дела остались, так что я к тебе одна поехала. Он сказал – встретимся на Площади 10-го октября. 10-го октября... в честь Зарницы, что ли? Я хуй знает, как туда ехать. Туземцы шарахаются – не спросишь.

– Я покажу. Сможешь аккуратно объехать этот табор? – интересуюсь я.

– Мышкой проскочим.

С рычанием, от которого в округе стонут окна, наша ржавая ракета срывается с цепи и, угостив ошеломленных пешеходов парами солярки, проходит поворот, оставляя улицу позади. На повороте я вижу, что табличка с названием улицы снята, а на земле уже лежит новая. Табличка гласит: “УЛИЦА ИМЕНИ АДМИРАЛА РОМАНОВА”.

Я пытаюсь хоть как-то устроиться на жестком сидении. Обстановка в салоне спартанская; под ногами хрустят упаковки от сухого пайка. За Зоиним сидением валяется “Печенег-СП” без приклада и сошек. Пахнет соляркой, синтетической “Победой” и почему-то ароматным маслом. Зоя сразу же снова закуривает. Мне бросается в глаза то, как Зоя держит сигарету: она неуклюже сжимает ее пальцами правой, покалеченной руки. И следы тоже на них. Она не родилась левшой, это точно.

Зоя вполголоса затягивает что-то про рок-н-ролл, под который танцует вся Югославия, потом замолкает и косится на меня одним глазом. Потом снова смотрит на дорогу. Потом чешет стриженный затылок и опять косится.

– Ну чего? – спрашиваю я.

– Не похож ты на чекиста, Петя, – объявляет Зоя.

– Вот как? А на кого тогда?

– Не знаю. На налетчика.

– На налетчика?

Обычно говорят – “на актера” или, допустим, “на аспиранта” – это если знакомые отца. Обычно ошибаются.

– Ага, – кивает Зоя. – Это всегда по глазам видать. Не важно, какие они. Несистемные у тебя глаза, Петя, негосударственные. Не всеядные.

– Налетчик, значит, – усмехаюсь я. – Много знаешь налетчиков?

Зоя молча кивает. У нее глаза водителя, который тормозит бампером об столбы.

– Ты ведь не отсюда родом? – спрашивает Зоя, со скрежетом меняя передачу. Рык мотора переходит в вой; город за окном начинает смазываться.

– Н... нет. Нет, – помявшись, отвечаю я. – Иногда кажется, что отсюда. Мои перебрались сюда лет семь назад. Перед войной.

Внимание всей страны было обращено на нас. Тогда казалось, что будущее – за поворотом, и руками Леоновых и Ворониных в него будет проложен путь.

– А ты сама откуда?

– Калининград, – отзывается Зоя. Тень пробегает по ее лицу.

– Его вроде давно эвакуировали, или нет?

– Эвакуировали. Только опоздали чуток. Ниче, что я до тебя доебалась? – бесхитростно спрашивает Зоя.

– Ничего.

– А то с Аркашей особо не пообщаешься. Пока сюда ехали, чуть не околела с ним.

Я понимающе киваю.

За окном догорает тягучий закат, предвещая ледяную ночь. Стараясь отвлечься от болтанки и дум о том, какие оскорбления накарывают на моем неизбежно раннем надгробии, я возвращаюсь мыслями к Аркадию. Долгое время я и не подозревал о том, какую роль брат играл в армии Виктора Воронина, и чем он занимался на неправильной стороне западной границы перед самой войной. Все изменилось, когда в альма-матер я получил доступ к комитетским архивам.

Дело Аркадия исчезло из деканата за месяц до его выпуска. Его забирал лично Воронин, тогда еще известный лишь в узких кругах полковник. Дядя Виктор. Остальное я узнал, соединяя обрывки донесений вражеской разведки и доносов людей, впоследствии пропавших из реестра. Картина складывалась зловещая. Бесконечные смерчи и потопы, падеж скота и погибшие урожаи, принудившие Прибалтику к принятию нашей гуманитарной помощи. Лагеря, возведенные российскими миротворцами – для удобства распределения гумпомощи. Реорганизованное управление лагерей – для централизации лагерной работы. Дальше – больше. Пропавшие международные наблюдатели, громкие теракты в соседних странах, толпы ополумевших прибалтийских беженцев, ломящихся на восток. Слухи о специальных лагерях, которыми командовали халаты из почтовых ящиков. Донесения поседевших часовых, что-то не то узревших в ночной чаше.

В центре всего этого был Аркадий Леонов, левая рука Виктора Воронина, величайшего полководца новейшей истории. Аркадий гастролировал по всей западной границе разросшегося протектората, от Черного моря до Финского залива. Братом затыкали самые аварийные течи, он решал любые военные проблемы, возникавшие у заместников Москвы. Он был в литовском Вильнюсе во время известного инцидента между белорусскими миротворцами с нашей и польскими миротворцами с другой стороны. Брат был тем, кто принял решение спасти белорусов. Ближайшее дружественное подразделение находилось в ста километрах к востоку, в Белоруссии, и этим подразделением оказалась 303-я бригада морской пехоты ВМФ, после ужасов пустынной войны отправленная на отдых. Бригадой командовал полковник Виктор Воронин.

На седьмой день бронетанкового биатлона польская 16-я дивизия осталась механизированной только на бумаге, а Москва сподобилась установить воздушный мост и пополнить иссякшие запасы 303-й ОБрМП. Вместе с припасами пришли новости: Родина гордится героями, но помощи выслать не может, во избежание. Было бы здорово, сказала Родина, если бы бригада генерал-майора Воронина прошла еще двести километров и навязала бой ополумевшим от ужаса подразделениям НАТО, в предместьях польского Белостока готовившимся к мировой войне. В Москве, конечно, никто не собирался начинать никакую войну. Через два дня должно было состояться чрезвычайное совещание лидеров Европы, которое взамен на отступление 303-й обратно к литовской границе закрыло бы европейские глаза на то, что творится к востоку от оной границы раз и навсегда. Все вышло иначе. События того года прославили солдат 303-й бригады, а Виктора Воронина сделали национальным героем, живым

памятником истории. Только один офицер не прославился в той компании – капитан Аркадий Леонов, человек, виновный в начале мировой войны.

В разведке 1-го Сводного корпуса, сформированного под командованием генерал-лейтенанта Воронина для противостояния объединенным силам НАТО на Прибалтийском фронте, Аркадий Леонов прослужил еще несколько месяцев. После этого открылся американский фронт, и брата перебросили на Аляску. В мясорубке, которая там закрутилась, его следы теряются. Тогда мы с ним уже не общались, но Виктории он писал. Значит – был жив. Этого мне хватало. Во время Предательства Воронина Аркадий опять же был за границей. И все равно, один черт знает, как он спасся от чистки. Даже наша фамилия не сбережет от гнева Адмиралтейства.

Неожиданно, Зоя нарушает молчание – как раз в тот момент, когда мы минуем заброшенный драмтеатр.

– Ты не суди его строго, когда увидишь, – говорит она, оставаясь взглядом на бетонной дороге. – Аркаша, куда ни пойдет, свою тюрьму всегда носит с собой.

Убаюканный ревом мотора и сотрясениями, которые переживает джип, проходя колдобины, я постепенно погрузился в дрему. Поэтому тишина, внезапно оборвавшая мои страдания, поднимает меня, словно вопль дневального.

Я по-прежнему в машине, на сиденье, сотканном из пружин, и Зоя все так же сидит рядом со мной, но что-то явно изменилось. Лицо моей спутницы стало напряженным, зрачки расширились. Ее глаза скачут в поисках угрозы.

– Что-то не то, Петя, – говорит она. То, что заставило ее лишь напрячься, меня обжигает, как кнутом: мы стоим в пробке. В моем гадком городишке не бывает пробок.

Впереди нас застряло с полдюжины машин: перегруженные КраЗы, пара раздолбанных буханок и еще кто-то. Сзади тоже уже подпирают. Водители встревоженно выглядывают из окон. Крайний в очереди, водитель уазика, топорно перепаянного под батареи, начинает потихоньку пятиться задом.

– Жди здесь, – говорю я, и лезу наружу.

– Э! – успевает сказать Зоя, прежде чем дверь захлопывается перед ее конопатым носом.

Двигаясь вдоль колонны, я ощущаю на затылке встревоженные взгляды водителей. Один из них высовывается из кабины, дабы окликнуть меня, но потом видит мое лицо, давится криком и поспешно лезет назад. Я миную крайнюю “Газель”, кабина которой пуста, и выхожу на площадь.

Первое, что бросается в глаза – это покореженный труп трамвая. Искалеченный его остов покосился на левую сторону; кажется, кто-то содрал его с путей и переставил под углом. Левый борт украшают волнистые борозды, прорезавшие стену салона насквозь. Лобовое стекло заляпано чем-то серым, а дверь, ведущая в салон, смята, как промокашка. За трамваем я наблюдаю центр маленькой площади, занятый боевыми машинами пехоты и кольцо морпехов 303-й, окружающих перекресток по периметру. Издалека видно, насколько сильно изношена их бережно заплатанная форма. С вершины постамента, торчащего над сухим фонтаном, за всей сценой наблюдает солдат в костюме химзащиты, а с его рук – угловатая девочка с косичками. Волны бетонного потопа плещутся у колен героя-миротворца. Какой шутник придумал сделать из этого фонтан?

Мой желудок сжимается, а волосы встают дыбом, когда я заглядываю через плечо ближайшего морпеха и вижу то, что стало причиной ДТП. Очертаниями *оно* отдаленно похоже на человека, но даже издали перепутать его с человеком сложно. Его горбатое, уродливое туловище почти на две головы выше меня и покрыто пучками железной щетины, сквозь которую выступают под странными углами кости.

Сфинкс.

Двое в защитных костюмах накрывают тварь брезентом. Мельком я вижу вытянутую, нечеловеческую голову с выпирающими костями. Она больше похожа на череп – так сильно проступает кость сквозь кожу. Череп этот ярко белеет, блестит почти, словно бы светится в сумерках. Я смотрю в провал, чернеющий в том месте, где должен быть глаз. Этот провал необъяснимо излучает страшную, безумную ненависть. Брезент не закрывает его, и я продолжаю замороженно глядеть в провал, как в омут. Голова начинает потихоньку трещать; черные мошки то и дело пролетают перед носом. Рубцы на моем лице сильно чешутся. Не знаю, сколько я стою в таком состоянии, но в какой-то момент вид на перекресток заслоняет фигура широкоплечего человека в коричневой куртке. Глубокие морщины на щеках и вокруг рта словно вырезаны на его не старом еще лице. У него сломаны уши и нос; сквозь линзы квадратных очков на меня глядят выпцветшие зеленые глаза. Чем дольше я смотрю на него, тем больше он мне кажется знакомым. Прежде, чем я успеваю собраться с мыслями, он пересекает кольцо оцепления и подходит ко мне вплотную.

– Ну здравствуй, младший. Это ж я, Аркаша. Признавайся – не признал.

От неожиданности, я чуть не отшатываюсь от него. Как же сильно он изменился, как дурно постарел! Сперва я не нахожу слов, чтобы ответить, и брат снисходительно кривит губы. Эта ухмылочка – пожалуй единственное, что от него старого осталось.

– Тоже страшно рад, младший, – говорит он, расправляя повязанный на шею шемаг. Подобно телеграфисту, он экономит слова. – Чего это у тебя с глазами? Не важно. Тут переполох был. Решил наведаться, пока тебя ждал. Всюду у вас с пропуском. Как в Адмиралтействе.

– Это у тебя просто лицо такое, – говорю я.

Отведя взгляд, Аркадий касается тяжелой уставной фляги, притороченной к ремню.

– Пойдем. Нечего торчать, – говорит он. – Будет разговор.

– Разговор? Какой разговор, а? – постепенно закипая, говорю я. – Я на задании. С твоей Зоей. Цирк просто... скажи мне сейчас – зачем вас сюда прислали? У меня всю неделю одни гадости. Хоть увольняйся – так не уволят ведь. Зачем вы тут, и что вообще творится?

Аркадий берет меня за локоть и отводит в сторону от морпехов, которых, впрочем, ничего дальше приема пищи и отбоя не интересует.

– Есть у меня кое-что. Тебя заинтригует, – говорит он.

– Братская опека?

– Обхохочешься, младший, – хмурится Аркадий. – Я серьезно...

– В этом твоя беда.

– Вот только вот этого опять не надо! Я не для этого столько времени сюда перся. Черт с ним, с твоим сфинксом. С “заданием” тоже. Пойдем со мной. Поговорим, как взрослые.

Наверное, из одного любопытства я соглашаюсь последовать за ним. Любопытство всегда становилось причиной моих несчастий. Сколько же лет прошло? Четыре года с лишним – если по календарю. Но не по памяти, не по ощущению. Это в какой-то предыдущей, черновой, скомканной жизни Аркаша объяснял Пете, что девчонок стесняться нечего и что в драке нужно всегда бить первым... Теперь вот заявился, как ни в чем не бывало. И еще этот мертвый сфинкс вдобавок. До этих мест твари почти никогда не добираются. Но Аркадий прав – он интересует меня больше, чем сфинксы. Их в последние годы я видел куда больше, чем своей родни.

Шагая к машине, Аркадий оглядывается по сторонам, как приезжий. Приезжий и есть – я едва устроился в новой школе, когда он убыл на учебу, а с учебы – на войну. Помню его в новой, с иголки, курсантской форме – косая сажень в плечах, будущий боевой офицер, голубая кровь. Девицы были влюблены в него, парням его вид прививал любовь к спорту. Я тоже завидовал, но не так, как другие. В своих детских снах я не шагал в парадном строю, не ехал по освобожденным городам сквозь ликующую толпу. Под парашютом падал я из облаков, окруженный ядерными грибами врезался в горящие кварталы и сеял смерть без разбору – рас-

стреливал, карал, добивал в исступлении до железки, по голень в кровавом болоте, озаренный огнем термитного салюта в мире, где все кричало впустую. Я боялся своих снов.

Под нарастающий вой сирен мы возвращаемся к джипу. К моему недоумению, за рулем никого не оказывается.

– Зоя? – зову я.

Раздается шорох, и из-под джипа высовывается сначала пулеметный ствол, а потом – Зоина физиономия.

– Чисто? – интересуется она.

– Чисто.

Зоя выкатывается из-под машины и встает в полный рост.

– Ну че, – говорит она. – Айда в притон?

Зоя ведет машину легко и уверенно, словно всю жизнь только этим и занималась. Единственная странность – она очень резко сворачивает на перекрестках, будто пытаюсь удержаться на узком серпантине. В притон мы, к моему большому сожалению, пока не едем. Мы едем в Штаб Управления.

– Петь, открой бардачок, а? – просит Зоя. – Там хрючево. Стропорез ебаный нам голодомор объявил, но хуй ему.

Аркадий на такое только привычно вздыхает, не открывая глаз. Я открываю бардачок, и на ноги мне тут же сходит лавина из оберток, пакетиков от сухпая и нескольких бутылочек “Санителя”.

– Глубже, – настаивает Зоя. – По-любому че-то осталась.

– Это что, глушитель?

– Ну, как тебе сказать, – вздыхает Зоя. – В каком-то смысле.

– Гм. Да.

– Он не укусит, Петь.

– О, что-то нашел! Нет, это граната.

Отодвинув РГО, я наконец вытаскиваю на свет пару протеиновых батончиков. Зоя немедленно вцепляется зубами в оба, засыпав меня, себя и пол крошками.

– Ммм... – мычит она. На ее лице появляется блаженное выражение.

Появление сфинксов в городских пределах не прошло незамеченным: на перекрестках я наблюдаю группы морпехов 303-й, раскатывающих колючку и несущих мешки с песком. Из трещин в куполе старого цирка приветливо подмигивают оптические прицелы. Повсюду, гражданские машины прижимаются к обочинам; автобусы высаживают недовольных и напуганных пассажиров прямо на шоссе. Из смонтированных на столбах и углах зданий мегафонов идет автоматизированное объявление, текст которого любой горожанин давно знает наизусть.

– ПРИКАЗОМ... ШТАБА УПРАВЛЕНИЯ... НА ТЕРРИТОРИИ... ВВОДИТСЯ... РЕЖИМ “Б”, ВСТУПАЮЩИЙ... ДЕСЯТЬ МИНУТ... АВТОТРАНСПОРТА БУДЕТ ПРЕКРАЩЕНО ЧЕРЕЗ... МИНУТ. ЛИЦА, НЕ ИМЕЮЩИЕ РАЗРЕШЕНИЯ... ПРОСЛЕДОВАТЬ... БЛИЖАЙШЕГО УБЕЖИЩА... НАРУШИТЕЛИ... КОМЕНДАНТСКОГО...

Помню, как в первый раз услышал эту дрянь, еще в школе. До того, как ввели объявления, был только протяжный рев заводской сирены. И страх.

По всему городу движение останавливается, пешеходы сбиваются в толпы, сливающиеся в подвалы убежищ. Объекты Управления переходят на карантинный режим. 303-я взяла под контроль все крупные перекрестки и выслала патрули, блокпосты оцетинились ежами и пулеметами.

– Не так уж и паршиво работают, – говорю я, глядя на строительство пулеметного гнезда, происходящее на крыше 1-го Универмага. Мимо него мы проносимся, игнорируя полустертую разметку и давно ослепшие светофоры.

– Позор, – бросает Аркадий. – Растоптали бригаду. Виновных, невиновных... даже за Предательство – слишком. Кто теперь будет город защищать?

– Драгуны Левченко, если верить Штабу. А Штаб всегда прав. Раз уж мы о нем – может скажешь, почему мы туда едем? У меня с начальством отношения так себе. После Москвы...

– Они и до Москвы были не сахар, младший. Зой, давай полегче, а?

– Не нравится – на трамвае езжай, – огрызается Зоя, и давит на газ. – Я всю жопу отсидела, пока через тундру трюхали. И опять в грузовом, блять!

– Ну что ты окрысилась опять? Нормально ведь доехали.

– А тебе все нормально, – бормочет Зоя, – глаза залил – и нормально.

Джип вылетает на Проспект Интернационалистов и лихо выравнивается после виража. Как самая длинная улица, проспект служит домом для городских мемориальных плит. Поначалу их делали из мрамора, позже из гранита. Те, что ставятся в наши дни, набирают из газобетонных блоков, а имена наносят распылителем по трафарету.

– Зачем ты едешь в Штаб? – в лоб спрашиваю я. – Что вам двоим надо в моих краях?

– Я должен встретиться с командованием твоего Управления, – говорит Аркадий. – Я все доведу на месте – тебе, им. А еще, я ищу Константина Герцена. Также изв...

– Алхимик, – говорю я. – Также известного, как.

В зеркале я вижу, как внимательно за мной следят глаза брата.

– Алхимик испарился, – добавляю я.

– Что? – Аркадий снимает свои дурацкие очки, и с его лица наконец пропадет то характерное выражение превосходства, которое я ненавидел всю жизнь. – Куда?

– Ммм... – тяну я, решая, что можно сказать. – Месяц где-то он находился под следствием, никто точно не знал, за что. Никто не интересовался. С неделю назад Алхимик вдруг исчез, но потом были... слухи. Я старался в это дело не лезть, и тебе не советую. Зачем тебе вообще Алхимик? Зачем он Адмиралтейству?

– Забудь про Адмиралтейство, младший, здесь дела крупнее намечаются, и...

– Алхимик исчез, – повторяю я, – Мертв, скорее всего. Многим он насолил. В городе неспокойно. У меня своя работа, своя жизнь. Ехал бы ты, пока дороги еще открыты...

– Уже гонишь? – усмехается Аркадий, а потом качает головой. – Меня не только Алхимик интересуется, – качает головой Аркадий. – Я должен попасть в Штаб. Ты не понимаешь...

Вот оно – “я не понимаю”. Сейчас начнется.

– Вика бы хотела, чтобы мы работали вместе, – говорит брат.

– А-га, – тяну я, и Аркадий неодобрительно хмурится.

– Знаешь, – помедлив, вдруг говорит он. – Как меня контузило – я стал забывать. Вчера вот просыпаюсь и вдруг понимаю – забыл ее лицо. Забыл, понимаешь?

– Ты это брось, – говорю я. – Не надо налаживать. Нечего. Я выслушаю, и все.

Давным-давно, в другой Вселенной, мы с ним, пусть и вздорили вечно, но всегда стояли друг за друга. Прошло то время.

Я и не заметил, как мы подъехали к Вознесенскому мосту. Тут я стажировался после альма-матер. Особое место. Служба на Вознесенском каждому дает возможность почувствовать, за что мы сражаемся. У моста как нельзя лучше видна география города: с одной стороны – потрепанная, друг к дружке жмущаяся серость: сколиозные улочки, блочные карлики, сгрудившиеся на берегу могучей реки. С другой – величие.

– Елки-палки... – тянет Зоя. Аркадий наклоняется вперед, чтобы лучше видеть.

Мрачное великолепие Нового Города раскинулось перед нами, насколько хватает глаз. Словно горный хребет, его монументальные постройки в едином порыве вздымаются к холодному небу. В самой маленькой из них не меньше девяноста метров высоты. Пересекаясь под идеальными углами, взлетные полосы грандиозных проспектов разграничивают белокаменное великолепие, меняя направление штормовых ветров, и уходят в бесконечность.

– Что бы ни случилось, – наставляю я Зою, – никогда не ступай в реку.

– Ну и нахера я тогда бикини перла?

– Тебя тоже касается, майор.

– Что, не стало лучше? – спрашивает Аркадий. Он отодвигает пулеметные ленты и пере-
саживается, чтобы удобнее было смотреть.

– Как сказать, – говорю я. – Теперь она светится.

– Как светится?

– Заревом. Чем ближе к океану – тем ярче. Не ступай в реку.

На подъезде к громаде Вознесенского моста дорога резко сужается. Бывший проезд через мост перекрывают противотанковые надолбы и бетонная стена. За стеной торчит двухэтажный капонир-переросток, ошетилившийся прожекторами и стволами тяжелых пулеметов, направленных на восток, в сторону белоснежных исполинов. У ворот блокпоста несут наряд понурые морпехи и собака размером с небольшого медведя. Глаза собачки скрыты в кожаных складках; нос у нее с половину головы.

– Давай налево, – говорю я.

– Ага, чего сдерживаться, – рассеянно кивает Зоя, одним движением руки поворачивая наш броненосец. Ее взгляд остается прикованным к противоположному берегу. Тем, кто впервые в городе, нелегко привыкнуть к такому виду; большинство видело контуры Нового Города разве что в кинохронике. Он был задуман, как символ нового времени.

– Я слышал, – говорит Аркадий, – у вас тут был инцидент пару недель назад.

– Вот как?

– Дурачка не валяй, младший. Я слышал – атомный крейсер налетел на скалы. На побережье, к северо-западу.

– Крейсер! – фыркаю я.

Я замечаю, что Зоя наострила уши и косится на меня с нескрываемым любопытством.

– Не крейсер, – неохотно говорю я. – Сухогруз. Тащил штрафников из Сибири на фронт. Разбился в бурю, морпехи спасли, кого смогли. Штаб пока заселил их на ж/д узел, к 303-й. Вот и вся история, – говорю я.

Аркадий кивает.

– Слушай, – повернувшись ко мне, говорит Зоя, – что это вообще за Управление, а? Вы ведь напрямую Адмиралтейству подчиняетесь, так?

– Управление правит этим городом, – отвечает Аркадий – прежде, чем я успеваю открыть рот. – Это особый город.

– Чем особый?

– Когда-то здесь ковалась наша победа, – мрачно отвечает брат.

– И из-за этого чекисты правят?

– Нет. Люди... теряются здесь. В пустоши легко перестать быть человеком.

На набережной мы встречаем колонну, идущую в сторону центра. Во главе нее – приземистая гора брони. Это – автоматизированный истребитель танков Леонова, стотонный мастодонт, в два раза шире семенящих сзади “Тайфунов”. Само шасси даже ниже профилем, чем у обычного танка, и все равно кажется громадным. Железноцвет блестит на задраенных люках. Давно ушла слава истребителя, вскоре его спишут в утиль, вместе со всей 303-й бригадой. Но ИТЛ не знает этого. В снах разума, замурованного под крышкой композитного гроба, самоходка преследует артиллерийский атомный вал, прорываясь в укрепрайоны, ведя в бой стальные клинья генерала Воронина. Смерть марширует вместе с нею.

– Я слышал, фронт так себе поживает, – говорю я, стремясь заполнить молчание. Аркадий косится на Зою. Та перехватывает его взгляд и безразлично жмет плечами.

– Все, – мрачно отвечает Аркадий. – С Аляски нас выбили, тут ничего не попишешь. На Юконе два корпуса в котле, уже не вырвутся. Но это полбеды – в Европе тоже началось контрнаступление. Нас туда чуть не отправили. При Викторе такого...

– Как-нить без Виктора обойдемся, – говорит Зоя. – Он все это заварил. Его уебищное вторжение. Его план. Теперь янки разговоров не будут разговаривать, до конца пойдут. Сиэтл они не забыли, Зарницу – тем более.

При упоминании Сиэтла Аркадий кривит губами – несильно, но я замечаю.

Я стараюсь не слушать их слова. Пытаюсь уловить интонации, поймать недосказанное. Что они забыли здесь? Для визита в город, по делу или без, худшего момента не сыскать. Кажется, что все вокруг беспокойно содрогается; эта дрожь во всем чувствуется – в участвующих прорывах, в том, как все неохотнее пропускает 303-й наши инспекции на свою базу, в шепоте по углам штабных коридоров, в дерзких вылазках Левченко. Даже ночные бури, кажется, набирают силу. Права Зоя – что-то будет. Там, здесь. Скоро.

Бесцеремонно подрезав колонну, джип сворачивает с набережной. Отсюда мы попадем в лабиринт узких переулков, примыкающих к центральному району. Еще минут семь гонки – и мы выскакиваем на улицу Туполева, забитую разного рода техникой, и заполненную морпехами. В молчании, мы доезжаем почти до конца Туполева, где улица вливается в Озерский проспект, ведущий прямо к Штабу Управления.

И что это вдруг так пасмурно стало за окном?

Штаб Управления был перестроен из бывшего Дома Культуры в год закрытия города, так что впервые я увидел его здание уже затянутым строительной сеткой. Кто знает, каким оно было раньше. Здание имеет почти квадратную форму, сужаясь только на верхних этажах, где оно плавно переходит в шпиль, увешанный антеннами. Массивные барельефы украшают его фронтальную сторону; в нишах, разделяющих вытянутые окна здания, засели двухметровые скульптуры рабочих и солдат с кирпичными лицами. Их форма колышется под порывами бетонного ветра.

Сейчас окна Штаба закрыты бронешитами, а у входных дверей дежурит целый взвод морпехов, досматривающий всех входящих. В кризисных ситуациях Штаб традиционно становится убежищем для всей городской верхушки, так что забитая до отказа стоянка не становится для меня сюрпризом. С видимой сноровкой и полным безразличием к регулировщикам Зоя въезжает на стоянку, маневрирует между бронированными штабными иномарками и занимает два места в зарезервированной секции. Кордон патрульных автоматчиков расступается перед нашим джипом, но я по-прежнему чувствую на себе пристальный взгляд снайпера.

– Посидите минутку, – говорит Аркадий. – Сейчас переговорю с одним типом, и пойдём.

Я не возражаю. Когда дверь захлопывается, я чуть съезжаю на сиденье и гляжу в окно. Не дай бог сейчас кто-нибудь из командования подъедет. Что затеял братец? Я кошусь на Зою. Она смотрит не на меня и не на толпу, а куда-то в сторону. При этом она морщится и едва заметно покачивает головой.

– Колокольчики звенят? – спрашиваю я.

– Чего?

– Тиннитус?

Зоя хмуро кивает.

– Я знаю фокус, дядя научил, – говорю я. – Вот так попробуй.

Я закрываю свои уши ладонями – так, чтобы пальцы лежали на затылке. Средние пальцы я кладу сверху на безымянные, и щелкаю ими по затылку.

– Попробуй.

Зоя недоверчиво хмурится, но потом делает. Щелчков через тридцать, на ее лице появляется неуверенная улыбка.

– Помогло? – спрашиваю я.

В этот момент моя дверь распахивается, и в кабину заглядывает Аркадий.

– Выходим.

Словно по шучьему велению, погода испортилась окончательно; ветер крепчает с каждой минутой. Чем скорее мы окажемся внутри – тем лучше. Сквозь толпу я спешу вслед за братом, который широким шагом движется в сторону лестницы, игнорируя просьбы дежурного в чем-то там расписаться. Ветер бьет мне в лицо с такой силой, что кажется, будто я иду в гору. Взглянув через плечо, я вижу, что Зоя тоже вышла из машины и, усевшись на капот, выуживает из полупустой пачки сигарету. Аркадий вырвался вперед, и теперь поджидает меня на вершине лестницы, словно утес обтекаемый людьми, спешащими внутрь. Я обхожу построенных в походную колонну морпехов, на которых бессвязно орет поджарый офицер в форме без знаков различия, и начинаю подниматься по лестнице.

Ненавижу я эту лестницу, и презираю. Знаю точное число ее ступеней. Знаю, какие из них чуть выше, чем другие, а какие – ниже, ибо каждая вонючая ступенька отдается гулким эхом в мой позвоночник. Еще не так давно я мог только неуклюже карабкаться на эту лестницу, шагая боком, словно краб, опираясь на свой костыль. Выставлял себя посмешищем. Были желающие помочь, но они быстро рассосались. Моя спина заживет, и однажды я даже смогу жить без боли, но оперативник из меня теперь никакой. У Штаба накопился ко мне порядочный список претензий, и вечно от диспансеризации я бегать не смогу.

Вот пошла ступенька номер раз. Номер два. Номер три. Эта – чуть повыше предыдущей. Я чувствую мерзкое, тянущее чувство в середине спины и поднимаю взгляд на Аркадия. Он смотрит на меня без выражения, он делает вид, что не замечает, как сильно я стараюсь сделать свои движения плавными, как я пытаюсь быстро, но без спешки, подняться по лестнице.

Я встречаюсь взглядом с братом как раз вовремя, чтобы увидеть, как чернеет небо и как за его спиной формируется смерч. Сильный сквозняк за мгновение превращается в шквальный ветер, сбивающий с ног. Много чего происходит после этого и, когда это происходит, это происходит быстро.

Я падаю навзничь, и Штаб Управления начинает падать вслед за мной. Здание проседает, подрубленное смерчем; его сердцевина проваливается, выпуская клубы пыли и битого стекла; вокруг меня люди катятся, как кегли. Потеряв основу, шпиль здания начинает крениться. Весь Штаб ходит ходуном.

Дубовые входные двери лопаются под натиском верхних этажей, и осколки стекол вылетают облаком, поражая тех, кто успел вскочить на ноги. За секунду до того, как он должен был поглотить всех нас, смерч исчезает – так же мгновенно, как и появился – но катастрофу уже не остановить.

Стены Штаба падают, обнажая целые этажи, и я вижу группу людей, которые мечутся, как полоумные, прежде чем пол уходит у них из-под ног, и железобетонные жернова перемалывают их. На одном из этажей одинокая женщина замерла посреди своего кабинета, парализованная ужасом; рухнувшая плита размалывает ее. Двумя этажами выше, толпа человек в двадцать пытается спастись бегством, но взрыв газа превращает их в визжащие факелы. Грохот рушащегося здания проглатывает вопли. От отчаяния, многие начинают прыгать, предпочтя разбиться об асфальт. За ними вдогонку спешит кабина грузового лифта, ударяясь о каждый этаж на своем пути. Время словно замедляется для меня, и я могу разглядеть и запомнить все эти детали, но не могу сдвинуться с места. Я поднимаю взгляд выше и вижу, что шпиль Штаба окончательно потерял опору – он шатается, словно пьяный, роняя свои антенны.

Водопад битого стекла низвергается на землю передо мной, и мелкие осколки секут мое лицо и руки, заставляя меня кое-как подняться. Грохот здания становится приглушенным, а мое зрение словно сужается в коридор. На моих глазах ступени, ведущие к уже несуществу-

ющему входу в Штаб, начинают оседать вниз. Глубокие трещины разрывают их поверхность. Мои пальцы немеют, и от желудка по всему телу разливается липкий холод.

– *Этого просто не может быть, Петя,* – заботливо подсказывает мой мозг. – *Это просто чушь какая-то. Это сон.*

Кто-то трогает меня за плечо, и я поворачиваюсь. Это смазливый лейтенант, руководивший парковкой. Он одет в парадную форму, а в руке по-прежнему сжимает свою дурацкую ведомость. На мгновение меня посещает мысль, что лейтенант все-таки намерен взять с меня роспись, несмотря ни на что. В моем сознании уже начинает формироваться нелестный ответ на такого рода предложение, когда ведомость выпадает из мертвенно-бледных пальцев юноши. Мой взгляд следует за ней. Кусок арматуры пробил спину лейтенанта, как копье, и вышел через его живот, выпустив требуху. Кровавый ручей струится из ужасной раны прямо на обмоченные штаны с полосочкой, собираясь в лужу под начищенными ботинками. Неуклюжими пальцами, лейтенант берется за свои внутренности и, вместо того, чтобы засовывать их обратно, начинает вытягивать свои кишки наружу, как фокусник – платки из цилиндра. Фуражка падает с его головы в темную лужу; он с трудом держится на трясущихся от шока ногах. Ком рвоты подступает к моему горлу, когда он протягивает ко мне окровавленную руку, медленно наматывая свои кишки на вторую. На его белых губах играет слабая улыбка; его голубые глаза уже остекленели. Он пытается что-то сказать, но вместо этого поток пенистой крови выплескивается на его подбородок. Я уже ничего не слышу. Может быть, я оглох?

Лишь упругая воздушная волна предупреждает меня о прибытии джипа – за мгновение до того, как его широченный бампер сносит мертвого лейтенанта, перебив пополам. Джип подсакивает, врезавшись в ступени Штаба, и остекленевшие очи молодого лейтенанта передо мной сменяют горящие глаза Зои, высунувшейся из окна водителя, и дуло ее пистолета. Я не слышу выстрела, но свист прошедшей прямо над ухом пули молниеносно выводит меня из ступора.

– Просыпайся, мудила! – кричат Зоины губы. – Спасай его, блять! – она указывает куда-то вперед пистолетным стволом. Я следую глазами за ее жестом.

Задняя и боковые стены Штаба еще кое-как держатся, но фронтальная уже обвалилась. Ступени, что некогда вели ко входу, вот-вот за ней последуют, рухнув в подвальные помещения. На самом краю верхней ступени – одинокая фигура, отчаянно хватающаяся с крошащийся мрамор, соскальзывающая в ширящийся провал.

Аркадий!

Я бросаюсь вперед, забыв про причитания своих врачей. Под ноги мне падает огромная, выше человеческого роста, статуя рабочего. Или солдата. Трудно сказать. Перепрыгиваю через рабочего солдата и обхожу верещащую секретаршу с белым от известки лицом, изрезанным осколками стекла. Она прижимает ладони к глазам, визжа на невероятно высокой ноте.

Аркадий висит на самом краю лестницы. Он не может подтянуться, потому что держится только на одной согнутой руке – его ноги болтаются над разломом, а вторая рука вцепилась в дипломат. Его очки разбиты, лицо покрыто глубокими порезами, во лбу застрял осколок стекла. Я стараюсь ни о чем не думать. Я хватаю его под руки и начинаю вытягивать из пропасти.

– Не вижу... ничего не вижу! – бормочет он.

Усилим всех работающих мышц, я вырываю Аркадия из бездны, но мое усилие оказывается чрезмерным. Мы падаем на лестницу, и мой затылок встречается с одной из ненавистных ступеней. Соборный колокол гудит в голове; рот наполняется соленым. Черные пятна заполняют все вокруг.

Ладно, плевать, только добраться до машины...

Я сталкиваю упавшего Аркадия с себя, поднимаюсь, хватаю его за плечо, и мы бежим вниз по лестнице. В ушах звенит. Все бы ничего, но что-то попало мне под ноги, и вот я лечу лицом прямо в бетон. Темнота. Все, хватит.

Но нет, не так-то просто.

Кто-то снова трясет меня за плечо, и я открываю свои заплывшие глаза. Не прошло и тридцати секунд: я лежу на спине, а прямо передо мной продолжает рушиться Штаб Управления, незыблемый бастион порядка в мире, сошедшем с ума. Штаб загораживает лицо моего брата. Это его рука продолжает трясти меня, железной хваткой сжав мое плечо. Вблизи его порезы куда страшнее, чем показалось сначала: большие куски стекла торчат из рваных ран на щеках и лбу. Я не вижу его глаз за линзами очков, но вижу, что стекла почернели от крови. Но нет, это не стекла...

– Петя, это ты?! Помоги мне, помоги, ничего не вижу, что-то мне в глаза попало, так чешется... чешется... – бормочет Аркадий, и стягивает с лица разбитые очки, раздавив их в ладони.

У него больше нет глаз.

Его правая глазница забита мелкими осколками, от глазного яблока совсем ничего не осталось. Его левый глаз еще на месте, но большой осколок застрял там, где раньше была полулунная складка.

– Глаза, глаза... не вижу! – как заведенный, бормочет брат. Его рука тянется к осколку, торчащему из глазницы. Я перехватываю ее на полпути. Надо что-то ему соврать, сказать, что все нормально, не знаю, что сказать...

Навалившись на меня, Аркадий шлепает губами, и из кровавых провалов его глазниц на мое лицо падают горячие капли. В моем горле застрял моток колючей проволоки, я не могу собраться с мыслями. Не могу собраться...

Кто-то вцепился в мою ногу. Я с трудом отвожу взгляд от моего ослепшего брата и смотрю на остатки ступеней. За ногу ухватилась секретарша, лежащая на ступенях. Ее собственные ноги раздавлены упавшей статуей рабочего. Или солдата. Шок парализовал ее, и по ее губам я могу прочесть только: "...больно!". За ее спиной я вижу качающиеся стены Штаба. Шпиль накреняется в нашу сторону, и в метре от меня огромная тарелка связи врезается в землю. Надо как-то подняться. Надо...

Зоя выскакивает сзади, как черт из табакерки. Она молчалива. Она не пытается отцепить руки секретарши. Она бьет секретаршу с ноги в челюсть, одним резким ударом без замаха, и шея той отзывается сочным хрустом. Вырвавшись из обмякших рук, с позвоночным хрустом я вскакиваю на ноги, волоча Аркадия вслед за собой.

– Быстро, быстро пошли, ребята! – кричит Зоя.

Втроем мы преодолеваем последние метры до джипа.

Голова статуи, от которой я увернулся, теперь украшает капот машины; лобовое стекло джипа пошло трещинами. Я швыряю Аркадия на сидение и ныряю следом.

Зоя уже в салоне, и машина сдает задом, а впереди нее шпиль здания падает на ступени, уничтожив всех, кто не успел убраться с его пути. Бетонная крошка барабанит по нашим стеклам, что-то тяжелое бьет в крышу, словно снаряд.

Джип несется через стоянку задом наперед, сшибая легковые машины и подпрыгивая на обломках. Попавший под колеса патрульный мотоцикл оказывается раздавлен. Вылетев на дорогу, Зоя резко разворачивает машину, и мраморная голова слетает с капота.

Зоя поворачивает джип боком к руинам Штаба, и я вижу, как на его обломках снова начинает формироваться смерч, заглатывая в себя все вокруг.

– Давай, жми, жми!

Зоя бросает машину вперед, и вот мы уже мчимся обратно по Озерскому проспекту, оставляя катастрофу позади себя.

Джип выскакивает на Туполева, и морпехи поспешно убираются с нашей дороги; Зоя ловко объезжает какого-то офицера, отчаянно орущего в рацию. Она матерится сквозь зубы, не отводя глаз с дороги, а Аркадий трясется на своем сидении, закрыв лицо руками.

Мы доезжаем почти до конца Туполева, когда Зоя наконец разрывает вязкую, как окопная грязь, цепочку богохульной матерщины и поворачивается ко мне.

– Быстро ответил мне, что это была за параша, а?! Что это такое, Петя?

– Кажется, – наконец выжимаю из себя я. – Кажется, остался я без работы...

Я давлюсь остатком фразы, когда мой взгляд обращается на север.

Там, высоко в небесах, сквозь чугунный облачный фронт пробивается множество ярких огней, словно кто-то зажег в небе дюжину новых солнечных дисков. Зоя не видит их – ее взгляд прикован к дороге.

– Нужно убираться с улицы, сейчас же, – говорю я.

2. У

личный дух

До моего дома мы добираемся только к ночи. Лишившись командования, город окончательно потерял голову. По пути сюда нас неоднократно тормозили и один раз обстреляли, причем кто – непонятно. Чувствую я – этой ночью будет сведено много старых счетов. В попытке стабилизировать ситуацию, 303-я введет режим “А”, который означает смерть для нарушителей комендантского часа. Не факт, что это поможет. О поездке в госпиталь и речи быть не может.

– Ну и каша, – говорю я, когда мы наконец сворачиваем в мой переулок. – Даже когда Новый Город пал, такого не было.

– А когда ракеты? – спрашивает Зоя.

– М-да. Разве что.

Зарница дала нашим войскам фору, в которой они так отчаянно нуждались, и на Аляске они загнали врага в угол. Но этот враг проигрывать не умеет, не на своей земле. Ракеты с обеих сторон встретились над океаном и упали на свои цели, и две тысячи ядерных солнц осветили ту памятную ночь. Все ждали конца света, и только военные стратеги знали правду, что страшнее и банальнее любого кликушества: ядерных арсеналов было достаточно ровно для того, чтобы подавить ракетные шахты и базы подводных лодок, находившиеся далеко за пределами крупных городов. Миллионы погибли, но мир устоял, его индустриальная мощь осталась несломленной. Из пепелища старого мира навстречу друг другу хлынули бесконечные потоки механизированной силы. Возникла новая экономика, построенная вокруг военной промышленности; политика, диктуемая исключительно генштабами. Ракеты стали не похоронным салютом, а холостым выстрелом, знаменовавшим начало нового состязания, самого разрушительного в нашей истории. Стало понятно, что эта мировая война не будет молниеносной, как не была ни одна предыдущая. Прагматики не стали нарекать ее Великой или Последней, а сразу выдали порядковый номер. Сегодня всем кажется, что она не закончится никогда, но я уверен – однажды она превратится в еще одну страницу в замызганном школьном учебнике.

– Вон мой дом, слева, – показываю я. – С гранитной облицовкой снизу. Берегись надолбов – их для таких, как ты ставили.

– Это что значит? – хмурится Зоя, но мучительный стон Аркадия ее отвлекает. Она оборачивается назад и стискивает его руку. – Уже приехали, Аркаш. Еще чуточку потерпи.

– Я открою, а ты вытаскивай его.

Я запускаю Зою с братом внутрь парадной и напоследок оглядываюсь на заросший сквер. Вокруг темно и пусто; через скверик от меня стоит дом, как две капли похожий на мой. Только он обгорел и весь развалился. Я поспешно захожу внутрь и закрываю дверь.

В парадной как всегда: полутемно, аварийно и пахнет жизнью. Кажется, сегодня у нас топят. Зоя с Аркадием быстро перемещаются к лифтовой шахте, где Зоя нажимает на кнопку,

под которой написано “ПРОТИВОВЕС”. Потом ей приходится подождать, пока я поднимаюсь по лестнице, держась за дубовые перила. Для устойчивости, Зоя прислоняет Аркадия к ковanej решетке, закрывающей шахту. Я подхожу как раз тогда, когда на площадку, грохоча и лязгая, спускается лифтовая кабина.

– Как в детдом вернулась, – говорит Зоя, ковыряя пальцем стенную щель, заросшую рыжим. Я открываю обе двери, запускаю товарищей, закрываю и захожу внутрь.

В отделанной латуню кабине кроме некогда бархатного сидения есть только лампочка и торчащий из пола чугунный столб с набалдашником размером с чемодан. Я берусь за рычаг, венчающий набалдашник, и двигаю его вперед. Лифт начинает карабкаться.

За сплетением железных узоров ползут этажи: красное дерево, бронзовые люстры и непробиваемые черные двери; ковровые дорожки и резные лавки, а под лавками – кучки блестящих глазок, хитро и злобно следящих за движением кабины. После первой пары этажей здание начинает оживать, становится слышна музыка. На очередной площадке открыта одна из дверей, и на фоне иссиня-черного зарешеченного неба курят изысканные формы в дымчатых нарядах.

– Гм, – подает голос Зоя. Теперь я замечаю, как диковато она оглядывается по сторонам.

– Гм?

– Я думала, тут по-другому будет. Ну, охрана там. И, не знаю, консэржка.

– Консэржка.

– Она.

– Консэржка и вправду раньше была. И охрана, – задумчиво говорю я.

– И куда делась?

– Был инцидент. Одного жильца приехали забирать, и охрана тех, кто приехал, пустила. Жилец, правда, все равно не дался, – говорю я.

Стены площадки, которую мы проезжаем, изрешечены и заляпаны. Гильзы от “Максима” никто так и не убрал, только смел в один угол.

– Следующий – наш, – говорю я, когда расстрелянный этаж пропадает. – Как он?

– Сам не видишь?

– Ну да.

На этаже, на который мы приехали, всего одна дверь – большая и толстая. Если бы не гобелены, на стенах было бы видно, где раньше были старые входы. Аркадий вообще не стоит на ногах, и Зое приходится взвалить его себе на плечи. Она чертыхается, пока я ввожу комбинацию на дверном замке и вожусь с ключами. Шприцы похрустывают у нас под ногами, но ритмичной гул, идущий снизу, перекрывает их хруст. К тому моменту, когда я открываю последний замок, Зоина критика принимает личный характер. Под красочные предположения о том, что пила моя мама в ходе своей беременности, я наконец распахиваю бронированную дверь, и мы вваливаемся внутрь. Мягкий свет люстры озаряет простор прихожей, и Зоя присвистывает.

– Вот это уже больше...

– Осторожно, видишь растяжку? – говорю я. Переступай, вот так. Неси его в санузел – дверь прямо. Постарайся ковры не замарать.

Скинув берцы, Зоя уносит Аркадия, куда я сказал. Я пользуюсь этой минуткой, чтобы перевести дыхание. Не спеша вытираю сапоги, вешаю Аркашину куртку на обрамленное бронзой зеркало, снимаю шинель и прохожу в санузел. Его дверь оставлена нараспашку, и внутри уже горит свет.

Аркадий сидит на стуле, напротив моей огромной фарфоровой ванной. Он больше не трясется и ничего не говорит про глаза. Зоя сидит рядом, на унитазе, и быстро перебирает содержимое своей аптечки. Нужное она кладет в раковину, ненужное бросает через голову Аркадия в ванную. В Зоиных губах зажата сигарета, а Зоины штаны с трусами спущены до колен. При моем появлении она даже не отрывается от дела.

– Очень хуево, Петя, – хмуро резюмирует Зоя. – Всего у меня по нулям, одни бинты-то и остались из нужного. И эпинефрин. Думала завтра затариться, бестолочь. Поделом мне, – зло бросает она.

– Гм, – только и говорю я. – М-да.

Выходить теперь не только поздно, но и как-то глупо.

– Нужно срочно обезболивающее, и обязательно – обеззараживающее, – говорит Зоя. – Сейчас начну выковыривать эти стекляшки, и Аркаше будет тяжело.

– У меня и аптечки-то нет, – растерянно говорю я.

Ею, среди прочего, месяца три тому назад я швырнул в спрута, грозившего мне из оконной форточки.

– Ну поищи что-нибудь, а? – просит Зоя. Она вынимает бычок изо рта и бросает его между ног, в унитаз. – Пожалуйста. Может, на кухне че лежит? Все, что найдешь – тащи.

Я переворачиваю кухню вверх дном. Свою обыскиваю впервые, но процедура-то отработанная. В резном шкафчике я нахожу половину булки, кусок колбасы и бутылку уксуса без этикетки. В ящиках – пакет поваренной соли и пару умерших жуков. В холодильнике лежит смерзшийся брикет свиного фарша, пакет с рыбой да улей с светляками. Под столом я нахожу “Дюрекс” и очень одинокую гильзу – стреляные. Их отправляю в ведро. Никаких лекарств. Спиртного, разумеется, тоже нет.

На выходе из кухни ни в чем не повинный табурет получает от меня яростного пинка, но спина напоминает мне, что поздно делать футбольную карьеру. Я поднимаю табурет и, крикнув, сажусь на него.

– Нашел че-нибудь, Петь? – из санузла спрашивает Зоя. Что мне ей сказать?

– Уксус, колбасу и соль.

Шутник недоношенный.

– Тащи сюда! – неожиданно отзывается Зоя. – И миску возьми, любую!

Вскочив с табурета, я хватаю ингредиенты и спешу обратно в санузел. Зоя теперь сидит на краю огромной ванны, скинув свитер и закинув ногу на ногу. Склонившись над Аркадием, она сосредоточенно закатывает левый рукав майки.

– Потерпи, Аркаш, щас сварим тебе щи... – бормочет она. – Колбасу-то нахуя? Миску давай.

Она смешивает соль и уксус в суповой миске, качая головой в такт долетающим снизу ритмичным басам и стонам, после чего энергично взбалтывает полученное варево.

– Готово, поехали. Держи миску.

– Слушай, ты точно знаешь, что делать? – спрашиваю я, – кровь вроде не идет, может подождем пока...

– Не бойсь, комиссар, – отвечает Зоя. Теперь она говорит на удивление сдержанно, даже отрешенно. – Справлюсь. А если нет, – она кивает на Аркадия, – так он все равно до утра не дотянет, если сейчас осколки не вынем. Я его так не брошу. Согласный ты или нет – до пизды.

Становится очевидным, что дальнейшие прения будут безрезультатными.

– Ничего-ничего, хуже бывало, – бормочет Зоя, обрабатывая в миске щипцы и зажим. – На фронте приходилось и мочу использовать.

– Что, так плохо было?

– Знаешь, что с 303-й сделали? – спрашивает Зоя, осторожно вылавливая первый осколок.

– Так, в общих чертах.

Аркадий тихо мычит, но не сопротивляется, и Зоя продолжает свою работу.

– Где-то за месяц до Предательства, – говорит она, – началось масштабное отступление, по всей Аляске. Ну, ясно стало, что нас выдавливают, и был приказ сузить фронт, чтобы хоть как-то... дай мне зажим, не видишь, как течет... как-то принять удар врага. Отступали

на север, в сгоревшие леса. Не помню уже, сколько брошенных городов прошли. Ничейная земля... дай еще пластырь. Да не этот блять, зеленый! Ну вот, так что через неделю после Предательства Воронина, – говорит Зоя, – Всех, кто из 303-й участвовал, перебросили прямо в этот котел. Без связи, без ничего. Поставили задачу остановить наступление танковых дивизий американцев. Кровью искупить, понял?

– Лучше бы сразу расстреляли.

– Вам только дай расстрелять... бригаду взяли в окружение, – говорит Зоя. – Двадцать дней они были в осаде, на воде из луж, окопы в обледеневшем говне. Десять патронов на солдата и две мины на миномет – суточная норма, – продолжает она, бросая очередной осколок в ванную. – Полярная ночь, глаз выколи... хе-хе, глаз... – она обтирает лоб и щеки Аркадия, собирая ватой его кровь – очень осторожно, даже нежно. – Короче, до конца месяца бригада не дожила... че ты пялишься на него? – перехватив мой взгляд, говорит Зоя. – До свадьбы заживет, – последняя фраза явно должна была приободрить Аркадия, но тот снова обмяк, потеряв сознание. Он дышит тяжело, с хрипами.

– А теперь начинается максимально херовая часть, – говорит Зоя. Она напряженно облизывает губы и повыше закатывает левый рукав. – Сейчас пойдут крупные осколки. Он вырубился, но стекляшки вошли глубоко, и когда я начну их вытаскивать, ему будет очень, очень больно. Поставь миску. Держи его как можно крепче, понял? Если стекло разобьется, я не знаю, смогу ли все выудить. Скорее всего – нет. Тогда он умрет.

Поначалу, все идет не так плохо. Несмотря на недостачу половины пальца, Зоя управляет с инструментами без труда. Самый большой осколок, изо лба, она вытаскивает быстрее всего, и потом споро накладывает бинт и пластырь.

– Шчаш мымем, – зубами затягивая бинт, поясняет Зоя, – мымем фсе школки, шотоэ нано буэ зашивач.

Мы работаем быстро. В ванну летят куски лейкопластыря, свалывшаяся от крови вата и обрывки бинта. В санузле жарко и душно, хотя я давно снял свитер.

Проблемы начинаются, когда Зоя переходит к глазницам. Аркадий громко стонет, когда Зоя раскрывает одну из ран пинцетом и начинает выуживать оттуда кусочек стекла.

– Нервы зацепило, – говорит Зоя, – дело дрянь, но вертаться поздно. Держи его.

Я прижимаю руки Аркадия, как могу сильно. Он вроде бы и не особо дергается, только стонет все громче...

– ААА!!! – с надсадным криком, брат начинает содрогаться всем телом и махать руками. Я держал крепко, но, когда Зоя наконец вырвала осколок из левого глаза, он стал метаться, как угорелый. Он плещет руками во все стороны, и даже вдвоем мы с трудом его держим. Наконец он успокаивается, так и не придя в сознание.

Шальная идея начинает формироваться у меня в голове, и я с трудом ее отгоняю.

– Вроде пронесло... фффух, – говорит Зоя, вытирая пот со лба. – Теперь... теперь – вот этот, здоровый.

Но, лишь только она прикасается к осколку, застрявшему в правой глазнице, Аркадий испускает животный вопль, и я получаю чемпионский удар в грудь. Словно воспользовавшись моим замешательством, освободившейся рукой Аркадий переворачивает миску, и та, окатив Зою кровавым уксусом, разлетается о край ванной. Аркадий теперь куда-то рвется, бормоча бессвязные угрозы.

Навалившись на него, я заставляю его сесть, кое-как. Пару раз брат сильно задевает Зою по лицу, но та только морщится. С трудом, я удерживаю его на месте, но о том, чтобы обездвигить, нет и речи.

– Ничего, что он разбил, – тяжело дыша, говорит Зоя. – Там все равно уже одна кровь была, – бормочет она. По ее порозовевшему лицу градом катится пот.

– Давай, Петь, навались. Последний рывок!

Какими-то нечеловеческими усилиями, Зое удается вытащить большую часть осколков. Под конец Аркадий уже теряет способность всерьез сопротивляться, но и я сдал. Пот заливаает мне глаза, я потерял счет времени и перестал чувствовать спину.

– Вроде... вроде все, – наконец шепчет Зоя, и роняет зажим с пинцетом в раковину. – Фууух, блять...

– Наклонись, – говорю я, и она слушается.

Открыв латунные краны, я окатываю Зоину голову струей воды. Она фыркает и трясет головой, осыпая меня брызгами. Я подаю ей полотенце.

– Спасибо, Петь, – говорит она, вытираясь. – Ты – молодчина.

– Я, в общем-то – не при делах.

– Вот не надо вот этого, – говорит она, неопределенно взмахнув рукой. – Давай перекурим, пока меня кондрашка не хватил. Потом буду зашивать. Слушай, а че за шум все время?

– Какой шум? А, это. Это – “Розовый гриб”. Занимает центр и левое крыло дома. Танцовщицы живут там же. В моем крыле – человек двадцать оперативников и офицеры 303-й бригады. Больше никого.

– Я так спросила. Слушай, а чай у тебя будет?

– Чай – будет. Извольте проследовать в гостиную, – галантно приглашаю я.

– Дурак, – скалится Зоя.

Чай в пакетиках я впервые увидел только в школе – до того я пребывал в твердой уверенности, что чай есть исключительно продукт варки листьев китайской камелии. Иного у нас в семье не пили. На здешнем рынке можно достать самые странные листья, но только не чайные, так что периодически мне приходится давиться компостом, выдаваемым по талонам. Не сегодня! Я завариваю две чашки, бросаю в свою пару фенаминок и возвращаюсь к Зое.

В восьмидесятиметровой гостиной царит уютный полумрак, свет люстры бликует на латунном карнизе, занавес которого скрывает аквариум. Толстые ковры приятно пружинят под ногами. Пахнет водорослями, винилом и старой бумагой. Оккупировав собою диван, Зоя поджидает меня, закинув берцы на палисандровый подлокотник.

– Ооо, – потянув носом, говорит она.

– А ты думала, – говорю я, и спихиваю ее ноги на пол.

Зоя принимает чашку. Пододвинув одно из кожаных кресел, я усаживаюсь рядом.

– Ни фиги себе потолки, – говорит Зоя. – Уютный у тебя блиндаж, ничего не скажу. А силовая рама вообще нереальная! На заказ делал? – она кивает на обвешанную блинами клетку из стальных труб, нависающую над раскладной лавкой. Конструкция стоит чуть в стороне от всего и прикрыта сверху брезентом. – Дашь ведь погонять, а? – с надеждой спрашивает Зоя.

– Да пожалуйста. Штанга – вон, в углу. Где-то еще должен пояс валяться...

Зоя пренебрежительно фыркает.

– А это че за фикус? – говорит она.

– Это, ну, как тебе сказать...

Приподнявшись с дивана, Зоя выплескивает половину чая в кадку, стоящую рядом с диваном. Находящееся в кадке уродливое растение алчно шевелит корявыми побегами – этого Зоя, к счастью, не замечает. Извлеки из-под себя Аркашину фляжку, разбавляет свой отвар чем-то мутным.

– Ну, теперь рассказывай! – повелевает она.

– Все нажито непосильным трудом, гражданин начальник. Не имеете права.

Зоя хрюкает, подавившись своим чаем, и озорно улыбается.

– Про себя мне расскажи, Петя. Я ведь тебя только в газете и видала. В коляске, с шоколадной медалькой и синей рожей.

– Видно было, да?

– С тех пор гораздо лучше стало, – признает Зоя, отхлебнув из чашки. Румянец появляется на ее щеках. – Че ты делаешь тут? Ну, когда без мигалки?

– А какие тут занятия для приличного человека? Рэкет, разбой, заказное убийство.

– Кого грабишь?

– Торговцев клещом, сутенеров. У кого есть, что брать, – отвечаю я. Зоя смешно хмурит брови. Они у нее с изломом и воронные, в контраст светлым волосам. Она делает пару глотков и задумчиво смотрит на меня.

– Как оно было, Петь? – вдруг спрашивает она. – В Москве?

– Я не хочу про это.

Каждую ночь, их взгляды следуют за мной.

– Я-то тебя не виню, – жмет плечами Зоя. – Не знаю, что сама делала бы. Приказ есть приказ, так?

Не было *такого* приказа. За час до того, как танки Воронина покатались по Новому Арбату, последняя верная правительству батарея раскатала полевой штаб Управления – кто-то спутал координаты. Вертолетам, присланным нам в помощь, “Панцири” Виктора не дали долететь даже до Садового кольца; танки 4-й гвардейской на въезде на МКАД размазали по шоссе, как по булке. Мы остались одни. Был приказ – отступать. Был коридор. Было время. У симфонии, которая разыгралась два часа спустя, был только один автор.

– А это чего?

– Ммм?

Зоя тыкает куда-то за мою спину. Я оглядываюсь. Справа от окна, между патефоном и полкой с цветочными горшками висит большая и изящно выцветшая афиша. Она замаскирована желтоватой листвой – так, что видно только название.

– “Кольца Венеры” – читает Зоя. – Это фантастика, да? Я в кино с Зарницы не была!

Выпалив это, она тут же опять делает мрачную мину и подозрительно косится на меня. Я делаю вид, что не заметил ее энтузиазма.

– Нет, почему фантастика, – отвечаю я, – скорее комедия. Романтическая.

Зоя удивленно поднимает брови и щурится.

– Погоди-ка, – бормочет она, – “по сценарию Петра Леонова”? Это не по твоему же?

Я жму плечами.

– Елки-палки!

– Что? Это не столь уж невообразимо. Голливуда больше нет, как впрочем и Мосфильма. Время независимого кинематографа.

– Всегда мечтала актрисой стать, – признается Зоя. – Только не кино.

– Эстрада?

Зоя мечтательно улыбается, но потом внутри нее словно что-то щелкает, и на ее лицо возвращается ее обычная хмурая и чуть насмешливая мина; она отворачивается и смотрит в потолок. Молча допив чай, Зоя ставит чашку на кофейный столик и выуживает из заднего кармана сигареты. Пару раз она щелкает колесом зажигалки, и гостиная заполняется дымом. Зоя кладет руки под голову и прикрывает глаза. Я молчу. Сколько себя помню, я всегда мечтал быть разведчиком.

– Думаешь, с Аркадием все нормально будет? – спрашиваю я. Зоя открывает один глаз, и ее лицо сразу мрачнеет – по-настоящему.

– Нет, – отвечает она, стряхивая пепел в чашку. – Не хотела сейчас про это... Короче, видел припухлости вокруг глазниц?

– Да.

– Отравление. Какая-то дрянь попала в кровь с осколками. Ртуть, может. Без понятия.

– И что дальше?

– Он умрет – вот что дальше. Скорее всего. Нужна сложная операция, и еще понадобятся такие лекарства, которых ты в аптеке не найдешь.

– Если я их достану, сможешь его починить?

– Нет. Я тебе не Пирогов, Петя, – говорит она, выпуская дым в потолок. – Что-то я умею, но... Не думай, что я не хочу ему помочь. Очень хочу... Короче, придется зашивать, как есть, а там – будь что будет. Может, свезет.

Несколько минут она молчит, а я перебираю в уме варианты дальнейших действий. Но вместо конкретных решений мне в голову все время лезут воспоминания.

Я помню, как тяжело было брату, когда он впервые вернулся домой. Зимой это было, сразу после первой битвы за Сиэтл. Аркадий не находил себе места – не мог заснуть, если не стреляли. Он сбежал обратно на фронт, бросив нас с матерью, как только смог. Помню, что я не узнал его, когда он только вернулся. Где был тот брат, который пытался сделать из меня хоккеиста, который помог мне в первый раз завязать шнурки? В пятом классе, катаясь на горячо обожаемых Шарлоттой лыжах, я упал и здорово растянул себе связки. Аркадий нашел меня, и на своих руках пронес через весь лес. Я делал за него уроки в обмен на мороженное, а он всегда был готов за меня вступить в драке, если только дрались мы не друг с другом...

Что же легло между нами? На этот вопрос я, конечно, всегда знал ответ: не что, а кто. Виктория. От нее он сбежал в армию, потом – на войну. Я не должен на него злиться, не должен сваливать вину за то, кем он стал, на него одного. Сейчас ему нужна моя помощь, потому что больше помочь некому.

– Есть еще другой вариант, – говорю я, и Зоя немедленно поворачивается ко мне. – Слышала когда-нибудь про Удильщика?

– От тебя, только что.

– Известнейший персонаж в узких кругах. Все о нем знают, все делают вид, что его нет.

Он может помочь.

– С чего ты взял?

– Потому что имею... опыт общения с ним.

– Тогда надо выйти на него! – говорит Зоя, и поднимается с дивана. – Мы должны помочь Аркаше, по-любому.

– Не так все просто, – говорю я, и подхожу к окну.

Мой дом стоит на вершине сопки, и из окон гостиной открывается вид на мрачный простор железнодорожного узла, который скоро станет единственной нитью, связывающей город с землей, лежащей за пустошами.

– Че сложного-то? – интересуется Зоя.

– Для начала – придется найти Удильщика. Для Управления он, формально – враг вообще. Номера своего он мне не оставил, а значит, надо лично наведаться к нему. Придется лезть под землю.

– В смысле?

– А в прямом. Удильщик никогда не выходит на поверхность. Сеть подземных коммуникаций он превратил в свое герцогство.

– Но ты-то ведь сможешь пройти? – с надеждой спрашивает Зоя.

– Может быть. Я давно с ним не виделся, так что...

– Если можешь – иди, – решительно заявляет Зоя. – Не знаю, сколько Аркаша протянет, если ничего не сделать. Пока наложу швы, помогу ему, чем смогу, а ты – иди.

Я киваю и направляюсь к выходу, но Зоя окликает меня, когда я уже стою на пороге:

– Слушай, я тут подумала – не тему того, что дальше делать...

– Потом, – говорю я. – Сначала выручим Аркадия. После будем выпутываться, – добавляю я. Зоя, подумав, кивает в ответ.

На ходу проглотив остывший чай, я выхожу в прихожую. Фенамин уже начинает действовать, и силы потихоньку возвращаются ко мне. Зоя подходит через пару минут, когда я надеваю бронежилет. Она помогает мне затянуть ремни, а после подпирает плечом косяк и молча следит за тем, как я натягиваю шинель и проверяю магазин своего “Шестопера”.

– Симпатичная мортира, – говорит Зоя. – Никогда таких не видела. Чем ты ее кормишь?

– 11,5x39 мм, бронебойно-разрывной отравляющий. “Шестопер” произвели серией всего в 700 экземпляров.

– Для борьбы с онанизмом, не иначе.

– Сразу видно, что ты у нас недавно, – говорю я, убирая пистолет в кобуру. Зоя следит за мной.

– Ты смелый, – подумав, говорит она. – Не знаю пока, по дурасти или нет.

Я молча застегиваю шинель.

– Чего? – спрашивает Зоя.

– Я думал, ты пришла отговаривать.

– Я-то? – удивляется Зоя. – Нет, конечно. Нужно всегда действовать первым. Бить первым.

Она прикуривает новую сигарету от старой, а бычок, затушив, кладет в карман.

– Возвращайся живым, Петя.

Луна, белая и перетянутая облаками, как ремнями, глядит на меня сверху, когда я выхожу на улицу. Мощный порывистый ветер приходит в смерзшийся город из пустоши. На фоне его завываний можно уловить редкие ночные шумы: то взвизгнут лохматой покрывкой, то хлопнут хлопучками, а то и закричат бодро. Окна обитаемых квартир задраены ставнями, и благонадежных людей в такую пору не встретишь на улице. Я углубляюсь в извилины старых кварталов, грязно-кривые, уютные и знакомые мне интимно. Знающий человек без труда скроется здесь от кого угодно и куда угодно доберется, у такого человека в этом лабиринте одна беда – за каждым поворотом скрываются фантомы из минувших дней, воспоминания об ошибках, протертые от еженощной перемотки и повтора.

Сколько себя помню, это место всегда было таким. Ну, может, чуть поопрятнее. Шарлотта ненавидела и боялась его, как столь многие в те годы. Отец приехал сюда, как только смог. Тогда все люди словно поделились на две половины: одни бежали как можно дальше отсюда, другие же стремились сюда, как мотыльки на огонь; никто не остался равнодушным. Не был равнодушным и я. Я ненавидел этот город, и страшился его, но, когда отец принял решение о нашем переезде, я понял, что выбора нет. Вика была здесь, а где она – там и я.

Мне было 15, когда меня привезли сюда. Аркадий уже стал курсантом, а Вика сама давала лекции. Я был менее востребован. Меня спланировали в печально известную школу №11, уродливый квадратный остров посреди незамерзающих грязей, вечно под ржавыми взглядами окружающих заводских построек. Половина учеников 11-й были детьми научных сотрудников или из военных семей попроще. Все они приехали из разных городов, некоторые – из-за границы. Вторую половину составляли дети из местных семей: сыновья уволенных с фабрик рабочих и дочери недавно сокращенных полицейских. Их небогатая, но стабильная жизнь накрылась медным тазом в день, когда Президент вышел на новогоднее обращение помолодевшим на сорок лет, а морпехи въехали в город верхом на танковой броне. В день, когда город стал закрытым.

Поначалу, общий страх поддерживал хлипкое перемирие между метрополией и провинциями. Я помню, как, услышав вой сирены, долетающий со стороны реки, Лидия Матвеевна зажевывала свою лекцию, и как трясся учебник в ее сушеных ручках. Мы все замирали, как перепуганные мышки, когда сирена начинала реветь. У сирены был жуткий, надрывный голос, невероятно низкий, протяжный и словно бы надтреснутый, ни на что не похожий. Сидевшая

со мной Ленка Стеблова стискивала мою руку и прижималась ко мне каждый раз, когда сирена начинала выть. Но сирена следовала за сиреной, и каждый раз была ложная тревога. Не знаю, скольким на том берегу эта ложная тревога стоила жизнью, но для нас она означала только путешествие под потолок бомбоубежища на пару часов – маленькое приключение, которым я скоро начал наслаждаться. Ничего не происходило, и страх спал. Мы привыкли.

На пятую неделю после моего переезда начались первые драки. Приезжие держались поодиночке или в компании земляков, а вот коренные быстро перегруппировались в единое подразделение, объединенные нищетой и непониманием того, за что их жизнь оказалась разрушена этими погаными нуворишами, то есть нами. На то, почему так получилось и какую роль в этом играют родители, было наплевать одинаково всем. Разумеется, я тоже попал под категорию богачей, хотя тогда кроме формы у меня была лишь пара штанов и потертая куртка, да выбор между тем, сводить ли девчонку в кино, или иметь возможность ездить на трамвае. Первый раз меня побили в уборной, где старшекласники Юра и Мендельштейн учили меня курить коноплю, а я учил Ленку быть взрослой. Из-за этого, наверное, курить я и так и не начал. В тот день я сделал ноги, выпрыгнув в окно, и отделался парой синяков и разбитыми губами, а вот курильщикам, также причисленным к классу эксплуататоров, пришлось несладко. Им пришлось, по словам Вирджи, вождя рабочего восстания, “вкусить параша”.

Вирджилиу, также известный как Мамалыжник, смаковал эту формулировку, словно цитату кого-то из древних, ибо она была единственным наследством его папаши, известного эксгибициониста и добытчика сибирских руд. Вирджи правил рукой, настолько железной, насколько позволял алкогольный синдром плода. От его холинолитических настроений вся школа пребывала в ужасе, особенно когда в город завозили “Момент”. Один глаз Вирджи был коричневым, а второй – черным, и зубы его были похожи на забор поглощенного бурьяном совхоза. Своими обезьяньими руками он на раз сгибал в дугу прут арматуры, а его бетонный череп и перегоревший мозг выдерживали удары самых дюжих старшекласников. Директор обращался к нему на “Вы” и здоровался за руку, а старшекласницы с неохотной покорностью отдавали Вирджи свою невинность. Ленка Стеблова тоже ушла к Вирджи какое-то время гуляла с ним, но потом вернулась обратно.

Вместе с группой единомышленников, мы пришли к выводу, что давиться гранитом плебейской грамоты таким видным интеллигентам, как мы, вовсе не к лицу. Особенно, если это означало, что придется “вкусать парашу”, исправно сервированную школьной буржуазии каждый божий день. Быстро выяснилось, что вместе весело вовсе не шагать по просторам, а хлестать отраву за гаражами, переделанными из контейнеров, и срывающимся голосом орать под гитару запрещенные песни. Голубой вагон нашего светлого будущего никуда не катится, а лежал себе и прорастал ржавчиной на городской свалке, качаясь лишь тогда, когда в его недры мы зазывали девчонок. Но прошла пара месяцев, и облезлые гаражи утратили свой шарм. Гитара разбилась о чью-то голову в одном из дебатов нашего кружка интеллектуалов, а Ленка удивила всех, переведясь в экстернат. Оттуда она поступила в столичный ВУЗ, но ВУЗ закрылся, а вместо него открылась моя будущая альма-матер. Ленка сумела туда поступить.

Мои товарищи начали спиваться, поддавшись квадратно-гнездовой атмосфере закрытого города, а впоследствии ввязались в торговлю потекшим со стороны реки клещом. В итоге, я оказался на улице, предоставленный самому себе в городе, стертом с карты страны. Вечерами я откапывал свою форму из тайника, переодевался и чинно возвращался домой, к матери. Днями я слонялся туда-сюда, иногда играл сам с собой в разведчика, делал ловушки и оставлял тайные метки мелом. Можно сказать, я устроил себе детство, которого ни до, ни после этого у меня уже не было. Я сам заполнял свой школьный дневник, ловко расписываясь за всех подряд, а Лидию Матвеевну подкупал тортами, которые экспроприировал из кладовки Универмага. Помню, она все время тряслась, как озимый лист на ветру, и пила валокордин чашками. Я знал, что у Лидии был дома больной сын, и что болен он совсем не церебральным параличом,

как она всех убеждала. Мне кажется, я был ее любимым учеником. Отец не замечал вообще ничего, Шарлотта устраивала мне только редкие разносы. Компас ее настроения вращался с севера на юг и обратно с завидной частотой: то она не могла нарадоваться успехам Вики, то впадала в истерию, услышав новости с фронтов, и потом часами вызванивала Аркадия. Меня все это устраивало. Я любил быть невидимым, это не было мне в тягость. Я ел, спал и растворялся в лабиринте переулков промрайона, примыкавшего к задворкам школы. Со временем, мои приключения и проделки становились все менее невинными, я все больше и больше втягивался в уличные дела.

Потом детство закончилось окончательно, и я выбрал в жизни тот путь, на котором нахожусь сейчас. Почему я выбрал именно его? Я не знаю. Может, чтобы уйти с улицы. Может и нет. Почему я вернулся в Петербург, зачем подал прошение о приеме в альма-матер? Потому, что наконец полюбил других людей, захотел защитить их от того зла, с которым столкнулся сам – так я соврал на собеседовании, и преподаватель, иссушенный инвалид по фамилии Герцен, скривил губы и поставил галку в каком-то табеле. Это я сообщил отцу, и он коротко кивнул, не отрываясь от экрана рабочего вычислителя. Я сказал об этом Виктории, и она сочувственно улыбнулась. Конечно, даже тогдашний я в такое не мог поверить. Но, по крайней мере, тогдашний я изо всех сил старался верить в свое вранье. Я уже давно позабыл, почему встал на этот путь, и теперь мне все сложнее отмахнуться от вопроса о том, что я делаю в этих руинах, два года спустя после того, как все для меня окончательно потеряло смысл.

Школу №11 Управлению пришлось снести после того, как в ходе самого первого прорыва весь район попал под артобстрел. Под одними руинами оказались похоронены ученики и учителя, приезжие и коренные. Все, кто не прогуливал. Лидия Матвеевна тоже была там. Сирена не сработала, никто не успел спуститься в убежище. Новую школу не построили, потому как теперь школы строятся только под началом Адмиралтейства, а учатся в них не школьники, а кадеты. Сегодня нужда опять привела меня в этот полузаброшенный район.

Силы 303-й сейчас сосредоточены вокруг руин Штаба, вдалеке отсюда, так что я легко обхожу немногочисленных патрульных, тяжело дышащих в противогазы. Со стороны реки слышатся разрозненные выстрелы. Надеюсь, к моменту моего возвращения режим “А” уже снят. Если я вернусь, конечно. Переплетение боковых улиц выводит меня на задворки Первого Универмага, отделенные от руин моей школы только забором. Цветастая скандинавская обшивка Универмага отвалилась, а выцветшие его плакаты заывают на давно пропущенные кинопремьеры. У Первого Универмага непростая, но понятная судьба. Построен он был тогда, когда о плановом устаревании не знали, и поэтому простоял, не пошатнувшись, до подъема Железного занавеса. Рука рынка пришила Универмагу эскалаторы, стеклянные лифты, сетевые рестораны, бутики, мультиплекс и броское новое название. Самодостаточность и замещение комплекс встретил так же спокойно: импортные закусовые сменили белорусские, супермаркет – рынок; лифты остановились. Когда начался голод, в здании, к тому моменту переименованном обратно в Первый Универмаг, начали хранить зерно и развернули столовые для голодающих. В последнем рабочем кинозале теперь крутят фильмы о предыдущей войне, на месте бутиков сделали военкомат. Свидетелем всех этих перемен стало маленькое ателье мод, расположенное на первом этаже. Каким-то чудом оно пережило реформы, свободы и несвободы, разные флаги, фальшивые деньги и деньги, которые клеят вместо обоев. В ателье теперь перекраивают форму в гражданскую одежду, и неплохо зарабатывают, потому что иначе гражданку сейчас не достать, разве только из довоенных закровов.

Я выхожу на середину двора. Там, рядом с штабелем посиневших и развалившихся поддонов – крышка канализационного люка. Я подцепляю люк и аккуратно поднимаю, держа спину идеально прямой. Внутри я лезть не тороплюсь. Я достаю мультиинструмент и, наклонившись, заглядываю в чернеющую шахту коллектора. Опасения подтверждаются – над тре-

твей сверху ступенькой я замечаю натянутую посреди шахты нить, на метр ниже – еще одну, идущую перпендикулярно. Недалекого морпеха, полезь он сюда, ждал бы сюрприз, и до пролегающего под шахтой тоннеля он добрался бы по частям.

Осторожно перекусив проволоку, я начинаю спуск.

Наставления для морпехов 303-й строго наказывают держаться подальше от коллекторов и тоннелей коммуникации. Официальная причина – риск обрушения. Половина тоннелей была взорвана тогда, когда мы потеряли Новый Город, в день первого прорыва. Вторая половина была заминирована. Взрывали и минировали без всякой централизации, и никто теперь не знает, какой тоннель рухнет на голову первой крысе, которая слишком громко кашляет. В тоннелях действительно небезопасно, но главная причина избегать их – это не то, что здесь заложено, а те, кто тут проживает. Новые обитатели наполнили коллекторы ловушками, заблокировали неудобные им проходы и откопали многие взорванные. Старые карты не имеют к сегодняшним реалиям подземелий никакого отношения.

Тоннель – черный и ослизлый, как потроха. Здесь нет звуков, кроме эха от моих шагов и шума капающей отовсюду воды. Местным не нужны глаза, чтобы видеть, поэтому я не спешу доставать пистолет, а ладони держу на виду.

Впервые я угодил в эти тоннели во время стажировки в альма-матер, примерно за год до Предательства Воронина. Я был в группе, занимавшейся расследованием серии ритуальных убийств, происходивших возле коллекторных шахт. Не знаю, заметил ли меня тогда Удильщик, но думаю, что да. Никто не слышал об Удильщике до Зарницы, и то, что он появился в городе всего неделю после гибели прибрежных городов, породило немало слухов. В одну безлунную ночь, Удильщик всплыл откуда-то из недр канализации, разом подмяв под себя всех, кто жил и промышлял в коллекторах: торговцев клещом, дезертиров, проституток и всех прочих, положив конец их самодеятельности. Многим такой поворот событий пришлось не по нраву. Три дня и три ночи под улицами города гремели выстрелы, и на третий день трупов скопилось столько, что коллекторы начали забиваться; по боковым улицам потекли розовые ручьи. На четвертый день остатки детей подземелья безоговорочно капитулировали, и с тех пор никто не смеет оспаривать царственность Удильщика. У Управления с ним договоренность: Удильщик никогда не покидает подземелий и дает Управлению ценную информацию, а в обмен Управление гарантирует его неприкосновенность и держит морпехов подальше от его владений. Всем хорошо, кроме изуродованных девочек, которых мы иногда находим в канализационных шахтах.

В эти дни Удильщик правит из одного из центральных узлов водоснабжения, расположенного неподалеку от набережной. Единственный способ туда попасть – через хитросплетения подземных коммуникаций, ведущих от Универмага. Я иду не торопясь, ориентируясь по едва заметным знакам на стенах и потолке. Я стараюсь не спешить, чтобы не ошибиться поворотом, но нет-нет да поглядываю на часы. У Аркадия все меньше времени.

Честно говоря, я почти рад этой веселенькой прогулке. Она отвлекает меня от мыслей о тех, кто погиб при атаке на Штаб. О Маше из саперного отдела, о товарищах по работе, пусть и нелюбимых, но все равно близких. Об орлятах, которых отправил на смерть. Не впервой, но к такому не привыкнешь. А может, это просто я ослаб. Сдал. Кто за всем этим стоит? Слишком долго я прятал голову в песок, и вот что в итоге получилось. Теперь как-то надо из всего этого выпутываться, надо понять, что вообще сейчас происходит в городе. Удильщик наверняка что-нибудь да знает, вот только он мне ничего не станет объяснять. В любом случае, нужно помочь брату. Зачем он полез в этот город? Что ему было нужно от Штаба? От Алхимика?

Так, стоп. Эту развилку я не знаю. Надо вернуться назад, сориентироваться... Я прибываю в сомнениях, осматривая стены на предмет знаков, когда мои глаза вдруг начинают сбивать. Зрение смещается по спектру, и на мгновение я вижу мир только в инфракрасных тонах,

а потом все погружается в темноту. Нет-нет-нет, только не сейчас! Будь прокляты эти глаза! Чертов клещ...

Теперь я стою в абсолютной мгле, беспросветной, как океанская впадина. Я слеп, как крот, и так же беспомощен. Ну, ну давай, давай же! Ослепнув, я пытаюсь положиться на слух, но он, за годы службы притупленный тиннитусом, меня не выручает. Хотя нет, погоди, вроде есть что-то...

Шаги. Быстрые и мягкие, но при этом волочащиеся, косолапые. Моя рука ложится на кобуру, и я разворачиваюсь в сторону звука. Совершенно неожиданно, зрение возвращается, и туннель возникает передо мной. Я не могу сдержать вздох облегчения. Но где же тот, кто подбирался ко мне еще секунду назад? Ночное зрение не лишено своих недостатков: сейчас я вижу только черно-белое, и мир заполнен фантомными тенями, которые смещаются каждую секунду, словно спугнутые птицы. Ну ничего, есть у меня еще фокусы. Напрягая глазные мышцы, я сосредотачиваюсь на инфракрасном спектре, стараюсь выловить из синего моря хоть кусочек тепла, однако поток тепленьких помоев, текущий посередине тоннеля – все, что мне удастся разглядеть.

Ну тогда – вот это.

Мир вокруг меня искажается и приходит в движение. Фантомные тени превращаются в волны, а тоннель – в водоворот, будто на холсте, на который эксцентричный абстракционист справил нужду. Я опускаюсь на одно колено, и от моего движения, как от брошенного камня, по зыбкому тоннелю разбегается рябь.

– Я вижу тебя, – говорю я. – Я вижу биение твоих сердец.

Прямо впереди меня, там, где секунду назад никого не было, от стены отделяется едва заметный силуэт. Его почти не видно на фоне тоннеля. Мне кажется, что неестественно вытянутый незнакомец стоит на мысках, слегка наклонившись в мою сторону. Того, что я вижу, хватает, чтобы сразу понять, что с ним что-то всерьез не так.

Мы стоим и смотрим друг на друга в полной тишине. Он не подает признаков жизни. Удильщика обычно заранее предупреждают о визитах, мне никогда не приходилось вот так вламываться без приглашения. Наконец, я решаюсь снова разорвать тишину. Я должен говорить как можно тише – у подземных обитателей обостренный слух, и громкий голос этот тип может принять за признак агрессии. А еще нужно быть очень осторожным в подборе слов.

– Приветствие, – говорю я. – Я – Оперативник. Управление, – медленно и внятно произношу я, на всякий случай дублируя свои слова на жестовом языке. Чужак сохраняет молчание, но, по крайней мере, опускает “Вал”, до этого направленный на меня.

– Я есть П-Е-Т-Р. Удильщик... – тут я замешкался, вспоминая, как на жестовом сказать “Удильщик”. – Удильщик знать Я, – продолжаю я.

Силуэт молчит, переваривая мое сообщение, а я думаю о том, как бы мне самому сегодня не оказаться переваренным...

КЛАЦ!

Этот гортанный звук похож на щелчок языком, только гораздо громче и... смачнее, пожалуй. Теперь я рад, что не вижу его лица. Он делает шаг вперед, и начинает свистеть.

Фишу... ууу... фию-уууххх...

Тягучий клич, который он издает – что-то среднее между зовом горна и птичьим клекотом, но есть в нем что-то скользкое, какое-то чавканье, будто при каждом его свисте раскрываются увязшие в грязи створки. Я слышу, как его густая слюна капает на пол, собираясь в лужицу. Мои пальцы осторожно раскрывают кобуру.

Фууу... ууххх... уууфффф...

Теперь я могу различить облик чужака, о чем немедленно жалею. Единственное, что делает его похожим на человека – это рваная курсантская шинель. По шинели я узнаю его. Я сразу же убираю руку от кобуры.

– Привет, Вит, – говорю я. – Неужто не признал, Виталик? Это же я, Петяй. Узнаешь? Мне нужно поговорить с хозяином.

Чужак обрывает свою тираду. Пару секунд он стоит на месте, присматриваясь, а потом поворачивается и исчезает в едва заметном боковом проходе. Я жду где-то полминуты, затем вижу, что Вит высунулся из коридора и делает рукой странный жест, который в принципе можно истолковать как знак следовать за ним. Я по-прежнему медлю, и он повторяет жест, теперь нетерпеливо. Что же, можно считать, что мне повезло. Я следую за ним, и вскоре мы растворяемся в лабиринте тайных ходов.

На хвосте у Вита, я прохожу бесконечной чередой коридоров, поднимаясь и спускаясь по лестницам, перепрыгивая, пригибаясь с трудом, проходя под низкими балками, протискиваясь бочком, избегая вентиляей, торчащих из переплетений труб, удушающих коридор, словно туловища могучих змей. Мы минуем тоннели, которые явно были прорыты недавно – их потолки и стены поддерживают самодельные стойки. На стенах видны поросли железноцвета, при моем появлении распускающего сияющие соцветия – единственный источник света в этом склепе. Вит двигается очень быстро и почти бесшумно; я иду следом, стараясь лишний раз не смотреть на него. С потолка прямо за шиворот что-то постоянно капает; нечто скверное маниакально и бессмысленно копошится под самыми ногами, в последнюю секунду убираясь с пути, провожая меня взором озлобленным и непонимающим, бормоча полузабытые проклятия, нелепо имитируя ушедшие из памяти слова. Я не оглядываюсь.

Вит тормозит, а потом чуть отстает от меня, когда очередной поворот приводит нас в тупик. Тупик кончается тяжелой стальной дверью, над которой горит яркая оранжевая лампа. Я поворачиваюсь, чтобы обратиться к Виту, но, пока я глядел на дверь, он уже растворился в темноте. Осталась только чернота коридорного лабиринта, звук капель, падающих в ржавые лужи, да свет лампы. Поборов сомнение, я поднимаю кулак и намеренно громко стучу в дверь.

Щиток отъезжает в сторону, и из темноты на меня смотрит пара пожелтевших глаз с неестественно расширенными зрачками. Их обладатель не говорит ни слова.

– ГСР, – представляюсь я. – Ты арестован, рыбий глаз.

Не проронив ни звука, часовой захлопывает щель. Я неуклюже пытаюсь помассировать себе поясницу. Раздается глухой лязг, словно кто-то заряжает противотанковую пушку, и, спустя мгновение, входная дверь начинает медленно раскрываться, влекомая во тьму массивным рычагом. Из открывшегося прохода вырываются клубы сизого дыма. Кажется, что внутри начинается пожар. Я заскакиваю внутрь, и дверь немедленно захлопывается. Ствол автомата упирается мне между ребер, но я смотрю прямо.

Перед собой я вижу неестественно статного человека, с флангов прикрытого безносыми и безухими мордоротами, подпирающими потолок. Отглаженную жилетку и набриолиненный пробор вала несколько портят три маленьких круглых ожога, украшающие его щеку. Мордороты направляют на меня автоматы, а валет близоруко щурится.

– Батюшки, Петр Климентьевич! – восклицает валет, и его губы расползаются в слащавой улыбке. – Рады снова вас видеть.

Он манерно взмахивает руками, и охрана опускает автоматы. АВ-556, отмечаю я. С трофейными клеймами.

– Хозяин у себя? – сразу спрашиваю я.

Может, проскочу. Как-нибудь по-быстрому. Если по-быстрому, то как бы вроде и не было, не считается.

– Это не ко мне, Петр Климентьевич. Но Юрий недавно вернулся, в зале найдете. Спросите его.

– Юрий? – переспрашиваю я. – Нос, ты хочешь сказать?

Валет изящно подавляет смешок. Мордороты коротко и синхронно гогочут.

– Гм. Да, – кивает валет. – Проходите, прошу.

Он останавливает охранника, сунувшегося было обыскивать, и я уже собираюсь пройти в зал, когда другой костолом встает на моем пути. Мне приходится задрать голову, чтобы взглянуть в его глаза.

– Девок по лицу и туловищу не бить, – гудит троглодит, – цены твердые, торг неуместен, – продолжает он тоном, которым в Зоином колледже зачитывали ТТХ тракторов. – Если речник – отдельные девки. Нормальных трогать нельзя...

Прежде, чем дуболом успевает закончить тираду, валет взмахами рук заставляет его замолчать.

– Эти трое новенькие у нас, Петр Климентьевич, – извиняющимся тоном поясняет валет. – Вас не знают, и вообще у них мозги работают плохо. Какой-то дурной клещ пошел, наверное.

Я решаю попробовать воду.

– Может, просто специалисты у вас халтурят, – говорю я, – как там Алхимик поживает?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – спокойно жмет плечами валет, – эти дела мне без интереса.

Ничего не меняется в его лице, ничего не блещет в глазах. С другой стороны, у него профессия. И метаморфозы. Когда сигаретами жгли, он тоже не дернулся. Я киваю ему, и валет услужливо кивает в ответ. Проиgnорировав возмущенно зажужжавший сканер, я прохожу в зал.

Тьма предбанника уступает место сизому мареву, которое расступается под светом массивных натриевых ламп, нависающих над столиками. Монохромный оранжевый свет ламп дает сумрачным лицам яркие контрасты. В полумраке ярко выделяется огромный аквариум, занимающий большую часть противоположной стены. Его мутные воды подсвечены синими прожекторами. Сидящие на его фоне силуэты словно бы по трафарету вырезаны из реальности. Смотрят ли на меня? Без сомнения смотрят. Тут многим и смотреть-то не надо, и нечем. Ладно. Я пересекаю проходную и вступаю в лабиринт столиков. В этом заведении нет гвалта голосов и пьяной брани – только шепот, раздающийся отовсюду, и гудение грамофона, издающего странные, хоть и приятные слуху звуки, которые музыкой никак не назовешь. Между столами бесшумно снуют прислужницы, одетые в короткие обтягивающие платья. Их глаза светятся во мраке, а сквозь ткань платьев можно различить биолюминесцентные татуировки, сплошь покрывающие их гибкие тела. На всех у них только одно лицо. В углах зала можно заметить тяжело вооруженных охранников, неподвижных, как статуи. Большой и приземистый зверь бродит между столов, едва касаясь скатертей, и никто не обращает на него внимания. Я никогда не был именно в этом заведении, и все же его устройство мне знакомо болезненно. По всей коллекторной системе у Удильщика еще минимум пять таких же помещений, и его клуб постоянно переезжает из одного в другое, перенося с собой все убранство и антураж; тоннели откапываются и закапываются по необходимости.

Наконец, я оказываюсь вблизи аквариума. Сразу видно, что у это место – на приоритетном положении. Стол, вырезанный из неизвестного науке дерева, стоит на возвышенности, окруженный кожаными диванами. С боков кто-то сидит, но мой взгляд прикован к дивану центральному, который оккупирован гуманоидом, ростом не достающим мне до груди. Его морда – иначе не назовешь – практически лишена подбородка. Челюсти, закрытые поросшими щетиной уродскими складками, выдаются вперед неестественно далеко, а его длинный нос почти достает до тарелки. На тарелке что-то слабо шевелится. Толстые руки Носа расслабленно лежат на столешнице, в непосредственной близости от АВ-556 и подствольных гранат, занявших центр стола. Его черный взгляд следовал за мной с тех пор, как я переступил порог зала. Побурился меня своими мертвыми глазами, Нос пару раз постукивает по столу костяшками. Какие-то мутные процентчики исчезают с одного из диванов, освобождая место по правую

руку. Не мешкая, я сажусь, мимоходом оглянувшись. В зале все по-прежнему, никакого особого движения. На поверхности, по крайней мере. Почему-то именно в этот миг у меня появляется уверенность – это не они были. Не Удильщик. На душе становится чуть легче.

– Слышал, Штаб Управления разворотило. Так или нет? – отрывисто спрашивает Нос. Голос у него запредельно гундосый – кажется, что со мной говорят из другой комнаты.

Я молча киваю в ответ, и он многозначительно почесывает нос. В этот момент из зала выныривают бесшумные прислужницы. Чифирбак Носа пополняется его излюбленным варевом, смердящим горелой селитрой; на другой стороне стола появляются свежие бутылки, а передо мной возникает чашка горячего чая и больше ничего. Все-то он знает откуда-то, зараза подводная... Испугавшись собственной мысли, я обрываю ее, за что тут же клянусь себя. Одна из прислужниц остается и, чуть задрав свое платице, пристраивается мне на колени и обнимает тоненькой рукой за шею.

– Не спрашивай его о Штабе, – вдруг говорит Нос.

– В смысле...

– Не спрашивай, – отрезает он, и делает глоток варева. – Ты знаешь и я знаю, что это не природный феномен. Был. Хозяин не хочет, чтобы ты сейчас в это лез. У него другое поручение.

– Какое? – спрашиваю я. Прислужница заглядывает мне в лицо, угадывая настроение, а потом берет за руку и пристраивает мою ладонь на свою светящуюся ляжку.

– Он сам скажет, – отвечает Нос. – Он знал, что ты придешь. Ему *оттуда* все видно... Я рад, что ты пришел, – добавляет он, подумав. – Вернулся? Правильно. Без тебя не справимся. Подход нужен. Подход.

– Никуда я не вернулся. Что это там плавает? – говорю я, глядя на аквариум.

– Ополченцы, – коротко отвечает Нос, – опять нас щупали, где нельзя. Зря.

Вглядевшись в синюю муть, я понимаю, что он имел в виду.

От ополченца сохранились только голова, грудина с парой ребер, да отшлифованный до блеска стальной протез, запястье которого до сих украшают увесистые часы. От лица мало что осталось, видны свежие рубцы, глубоко прорезавшие кость. Буквально на моих глазах, что-то стремительное, украшенное светящимися полосами, вцепляется в труп щупальцами и пастью. Потерзав останки пару секунд, оно отрывает себе большой кусок, после чего скрывается в глубинах аквариума, выпустив чернильное облако.

– Согласно устава, так сказать, воинской службы... – раздается слева развеселый баритон, – лишь благодаря своевременному вмешательству... сделать выводы.

Нос вздыхает, а я поворачиваю голову, и только теперь обращаю внимание на того, что сидел напротив. Сначала в глаза бросаются погоны, потом, с отставанием – лицо. Офицер выглядит, как идеальная подшива – образцово бессмысленно.

– А, добрый вечер, Анатолий Емельянович, – здороваюсь я, – как поживаете? Как обстановка в бригаде?

– Исключительно на основе единообразия и при полном соблюдении... Разойдись, – рассказывает офицер.

– Я так и предполагал, – понимающе киваю я. Прислужница едва слышно хихикает и осторожно кусает меня за ухо.

Под обоими глазами чисто выбритое лицо офицера некогда доблестной 303-й бригады украшают здоровенные пиявки, уже раздувшиеся и светящиеся. Глаза офицера с восхищением смотрят в никуда.

– Этот гнойный тетерев конкретно раскумарился, – в полный голос поясняет Нос. – Как вчера начал, так все не кончит. Вытирать за ним не успевают.

В ответ на эти слова замком по воспитательной задумчиво улыбается.

– Иди к хозяину, – говорит Нос, и снова постукивает костяшками. – Рад был.

Уже когда я поднимаюсь, ссадив прислужницу, Нос обращает внимание на тарелку – забыл про еду, должно быть. Секунду он смотрит на шевелящуюся в тарелке тварь, а потом, совершенно без всякой интерлюдии, обе его щетинистые складки распахиваются и наружу вылетают розовые челюсти с рядами острых зубов. Выскочив на добрые полметра, они хватают все, что было на тарелке, и тут же втягиваются обратно в голову Носа. Вокруг никто и глазом не поводит. Замком 303-й излучает мудрость и умиротворение.

Я прохожу направо, к бару. Прислужница увязывается было за мной, но потом, почувствовав безразличие, растворяется в зале. Двухликий бармен услужливо поднимает барную стойку, а потом открывает дверь, сразу за которой начинается неосвещенный спуск вниз. Я пытаюсь слотнуть, но получается не сразу.

Обширный зал, не освещенный абсолютно ничем. В дальней его части – большущий колодец с невысокими бортами. Я чувствую, что из арок, зияющих в противоположной стене, за мной пристально наблюдают. Зал выглядит очень старым. Стены его отделаны неотесанным камнем, а потолок украшают причудливые сплетения металлических полос. Пахнет здесь совсем не так, как в клубе, и тем более не как в коллекторных тоннелях: чернилами, корешками старых книг и... ладаном? Я успеваю заглянуть в боковое ответвление, и вижу там большущую операционную с громадиной автодока в дальнем углу.

Что-то шуршит в углу, а затем в центральной арке возникает фигурка, одетая в белое. Фигурка делает неуверенный шаг вперед, потом еще один, осторожно огибает колодец и приближается ко мне. Ее больничная роба почти светится в темноте. Передо мной стоит девочка лет десяти. Непростая девочка. У нее нет ни волос, ни бровей. На ее снежно-белом, блее больничной робы лице выделяются огромные глаза. Как и у меня, у девочки не видно зрачков – только радужка, сливающаяся с белком нездорового цвета. Радужка у нее абсолютно монохромная, цвета белого золота. Еще интереснее в девочке то, что человеческий глаз увидеть не способен: ее нервная система, похожая на корневую сеть, явно заменена полностью – она полыхает и переливается, словно Полярное сияние; сигналы мчатся по ней с невозможной для млекопитающего скоростью.

Девочка прижимает руки к груди и смотрит на меня. На ее лице я читаю страх.

– Не смотри на него, начальник, – шепчет она, – он не любит, когда смотрят.

Как-то не по нраву мне вся эта обстановка. Удильщик всегда ценил уединение, но это все уже слишком. Девочка бросает быстрый взгляд через плечо, и тут же снова поворачивается ко мне. Теперь мне видно, что над ее правой бровью выбиты литеры, обозначающие группу крови, а над локтями и коленями нанесены пунктирные линии. На похожие я посмотрелся в госпитале, у попавших под артобстрел. Разметка для ампутаций.

Ледяная клешня осторожно берет меня за кишки, и я начинаю прикидывать, в какую из арок стрелять первой в случае чего. Я размышляю о том, успею ли я скрыться в тоннеле, прежде чем меня нафаршируют в ответ, когда на поверхности колодезной воды появляется рябь. Рябь превращается в волны, и вода начинает выплескиваться из колодца.

– Пожалуйста, пожалуйста, не смотри на него! – умоляет меня девочка. Я с трудом отвожу взгляд от колодца и сосредотачиваюсь на ней. Она отвечает мне вымученной улыбкой. – Хорошо... смотреть невежливо...

Девочка извлекает откуда-то из складок робы старинное зеркало с ручкой и направляет его себе за спину. Угловым зрением я вижу, как раздвигается вода в колодце. В ее черной глубине один за другим загораются оранжевые огоньки. У меня в виске, а потом во всей правой половине головы просыпается боль – странная, тянущая и неравномерная.

– Я буду переводить, – поясняет девочка, и с опаской заглядывает в зеркало.

Теперь, что-то еще находится вместе с нами в зале. Огромное и бурое, оно всплывает из тьмы, ощупывая борт колодца, прежде чем опереться о него. Тяжелые капли воды стекают по

его ослизлой поверхности, огибая вшитые в плоть шланги. Выйдя из-под воды где-то на треть, огромный силуэт замирает. Царит полная тишина. Переводчица недолго смотрит в зеркало, потом переводит взгляд на меня.

– Ну здравствуй, Леонов, – без интонации говорит она, будто читая наизусть. – Как тебе моя подопечная? – голос девочки вздрагивает, когда до нее доходит, о ком речь.

– Очаровательна. Послушайте, доктор, – говорю я, стараясь не глядеть в сторону колодца. – У меня сроч...

– Должен сказать, – обрывает меня девочка, – я раздражен твоей бестактностью.

– Прошу про...

– Только в этот раз, из уважения к твоей сестре. Зачем ты тратишь мое время?

– Вам, разумеется, известно про диверсию.

– Дальше.

– Мой брат, Аркадий...

Девочка снова глядит в зеркало, потом – на меня. Явно собирается что-то сказать, но потом замолкает, и бросает робкий взгляд через плечо. Меня ощутимо подташнивает.

– У нас мало времени, – дрожащим голосом говорит она, снова повернувшись ко мне. –

Ситуация пришла в движение. У тебя есть двадцать секунд.

– Двадцать? Мне... мне нужен сращиватель, доктор. Чистый. Я могу заплатить...

– О-хо-хо! – абсолютно ненатурально хохочет девочка. Ее золотые глаза полны слез. –

Снова взялся за старое, Леонов?

– Нет доктор, для моего...

– Ты утомляешь меня. Скажи лучше – что ты для меня можешь сделать?

– У меня есть деньги...

– Я печатаю деньги, мальчик. Этот город принадлежит мне. Не только этот.

Мгновение, я пребываю в замешательстве. Девочка смотрит на меня почти моляще.

– Десять секунд, – говорит она, глянув в зеркало.

– Если... если у вас и правда все схвачено, доктор, как вы объясните сегодняшнюю диверсию? – решившись, спрашиваю я. – Я знаю, что она – не ваших рук дело.

– Не смей дерзить мне, слюнтяй.

– Эта атака уничтожила всю верхушку Управления, включая ваших марионеток. Город в смуте. Кто-то всерьез играет против вас.

Пару секунд девочка хранит молчание, ожидая.

– Вопрос на три балла, Леонов, – наконец говорит она. – С подсказкой. Я ищу человека. Специалиста в своей практике. Его исчезновение играет важную роль в нынешних событиях. Какую – не твоего ума дело. Важно то, что я ищу его. Кто он?

Шестерни скрипят в моей голове. Кажется, что я никогда не найду ответа, когда тот словно сам по себе срывается с моих губ.

– Алхимик. Он же Герцен, Константин Спиридонович.

Снова молчание. Тень в колодце чуть смещается, заставляя воду выплеснуться на камни.

– Не вы один его ищите, – говорю я. – И исчез он не по вашему велению, это уж точно.

Слишком большой был шум в Управлении...

– Не зазнавайся, – бросает девочка. – Но... предположим – ты прав.

– Я найду его для вас.

– И ты знаешь, где искать?

– Знаю.

– О, вот он, вот он – огонь в глазах! Как они, кстати – твои новые глаза?

– Не жалуясь, – отвечаю я. – Вы поможете мне, доктор?

– Вит выдаст тебе склянки. Не потрать по дороге... И не разочаруй меня.

Я киваю. Удильщик остается неподвижным, и, помедлив, я отступаю назад. Я уже поворачиваюсь к колодцу спиной, когда голос девочки снова настаивает меня.

– Твои каникулы закончились, Леонов. Вскоре, твои таланты мне снова понадобятся.

Я смотрю через плечо, и вижу, как бурый силуэт подается вперед. Теперь мне становится хорошо видно его. Я немедленно отворачиваюсь, тщаь выбить стоящую перед глазами картину. Я слышу шипение, с которым вентиляционная машина подает газ в легкие, а затем Удильщик раскрывает свои рты. Его собственный, черный голос заполняет зал.

– *Сезон бурь приходит в пустошь, Петр. Будь бдителен.*

Час спустя, я задумчиво смотрю в нарезной ствол “Печенега” и решаю, стоит ли рискнуть здоровьем и полезть свободной рукой за удостоверением, или лучше подождать, пока этот дюжий молодчик в черном устанет думать, изрешетит меня и пойдет дальше по своим делам. Из шахты коллектора, на лестнице которой я застрял, фигура драгуна-пулеметчика кажется огромной, словно гора на фоне звездного неба. Звезды, впрочем, видны не особо, потому что драгун светит мне в лицо инфракрасным фонарем, и резь от слепящего света примешивается к очнувшейся мигрени, создавая для меня непередаваемую гамму ощущений. Одно хорошо: насколько я могу разглядеть, передо мной – вчерашний рекрут. От обычного человека его отличают глаза, отсутствие каких-либо волос и угловатые, как у богомола, черты лица, мышцы которого покрывает густая паутина вен. В сравнении со старой гвардией его облик кажется нормальным. Может, еще договоримся.

Я вижу, что драгун отвернулся в сторону и слушает кого-то, стоящего за гранью колодца. Меня посещает мысль, что можно было бы воспользоваться интерлюдией, чтобы засадить плоскогубцы ему в щиколотку, а после дернуть за пулемет – пуцай полетает. Впрочем, дружки его, конечно, сразу задраят люк, не забыв набросать в шахту гранат. Заманчивую идею придется гнать взашей, а к нам тем временем присоединяется новый собеседник. В промежуток между пулеметом и шахтой просовывается великанская рожа, которую я, к сожалению, ни с одной другой не смогу спутать. Носа у него нет, а из лица и черепа беспорядочно торчат костяные выступы, причудливо волнистые, как раковина у двустворчатого моллюска. Глаза червленые, без зрачков.

– Здорово, Пятруха! – басит рожа, – неужто ты? Уж думал, цябя не. Вот за упокой с таварышами выпили. Дело было: соскакиваем мы с гроба – а вводной-то нет, связи нет. Ну и я им сразу: помянем, говорю, Пятро, каханага майго комиссара, – выпаливает рожа на одном дыхании. – Вздогнем, говорю, за упокой, так сказать, души раба... ну ты понял, – продолжает исполин. – Жил он, кажу, як гангстэр безпрэдельный, а здох как пацук гнойный, и дружки его красноперые с ним заодно окочурились, вот горе-то – как нэ выпить! – повествует рожа, аккомпанируя повесть движениями своей гигантской, поросшей крупной чешуей ладони. – Выпили, а закуски-то не... Так о чем я? А, ну. Подох то ты не подох, Пятро, а вот насчет пацука я как в воду глядел. Знал, где искать! – хохочет он. Нахлынувшие денатуратовые волны даром что не смывают меня обратно в тоннель, и я пытаюсь скрыть раздражение.

– Привет, Слава, – сухо отвечаю я.

– Здорово, братышка! Вылазь-ка оттудова, – В шахту просовывается бревно, на конце которого – огромная, восьмипалая ладонь с размытыми литерами “38”, наколотыми на ребре. Без энтузиазма, я берусь за длань, и шагающий экскаватор вырывает меня из подземного царства, словно тростинку.

Я стою на заднем дворе в окружении целого отделения драгун, и прямо передо мной возвышается махина Мстислава Левченко. Громила, поджидавший меня на выходе из коллектора, кажется подростком рядом с ним. Я прокручиваю в голове варианты дальнейших действий, и заодно вспоминаю, как мы впервые встретились со Славой, и что пошло не так.

К тому моменту, когда я вышел из комы в палате Центрального Клинического в Санкт-Петербурге, земля уже наполнилась слухами, долетавшими с американской Ничейной земли. Оттуда, где сгнула опальная 303-я бригада. Про что только тогда не судачили, но одна история оставалась неизменной. От затопленных руин Сиэтла до канадской границы по Ничейной земле ходили слухи о стае неуязвимых чудовищ, одетых в обрывки российской формы. Лесные хищники атаковали без разбору любую цель, попавшуюся им; они атаковали с хирургической точностью, оставляя после себя лишь кровь и горящие остовы. Спустя месяц после Предательства, свежесформированное Адмиралтейство решило установить с ними контакт – Родина остро нуждалась в солдатах. Неделю спустя, предводитель повстанцев оказался в одной больничной палате со мной.

Мстислав Левченко родился в селе где-то на севере Киевской области и в возрасте десяти лет переехал с матерью в Минск. Школу не закончил, но армии было все равно. Отслужив год в силах специальных операций, Слава попал на южный фронт. Украинско-белорусский конфликт был быстрым и кровавым, но Слава успел проявить себя – так, что для командование едва спасло его от международного трибунала. Минск спрятал своего героя куда подальше – в ряды только что сформированного и уже никому не нужного миротворческого корпуса в бедствующей Прибалтике. Никто, конечно, тогда не знал, что вскоре там начнется. После начала большой войны дивизия Мстислава попала в котел. Пару месяцев попартизанив по лесам, он угодил в натовский лагерь военнопленных в Гданьске. Во время неслыханного по наглости рейда морпехов Северного Флота на Гданьск Левченко освободили, и он попался на глаза самому Воронину. Вскоре, Слава оказался в рядах лучшего подразделения Виктора – легендарной 303-й отдельной бригады. Как раз во время, чтобы успеть к Зарнице и вторжению на Аляску. В Предательстве Слава не участвовал, но участвовал его батальон, и этого хватило.

Из родных к Левченко наведалься только отчим – заглянул к нам из-за двери и пропал. Я не виню его – на свое фото с присяги Мстислав походил меньше, чем я. Он теперь вообще мало походил на человека. Чтобы начать оперировать его, пришлось сварить помост из стальных труб – операционный стол просто сложился под его весом. Левченко резали циркулярными пилами и сшивали сапожными иглами; работать приходилось оперативно – его раны затягивались в считанные минуты. Никакой наркоз не брал его, и всю операцию Мстислав оставался в сознании. Когда отделение хирургов, работавших над ним, наконец сложило свои погнутые инструменты, хирургический лоток был переполнен свинцом: одной только шрапнели хватило бы, чтобы выковать булаву. Самой интересной находкой стала половина лезвия саперной лопатки, которое вытащили из его плеча. Его кровь тонкой корочкой покрыла пол операционной – достаточно, чтобы искупить вину за его мертвого генерала.

Первые несколько дней Левченко просто молча смотрел в потолок. Как, впрочем, и я – после десяти операций, в ходе которых я несколько раз умер, но в итоге получил-таки назад свой позвоночник и лицо, задору у меня поубавилось. Через пару часов после того, как его отчим убрел со слезами на глазах, Мстислав вдруг начал говорить. Он начал рассказывать мне свои лесные истории, и каждая новая история была еще интереснее, чем предыдущая, и от его историй у меня на голове начинали шевелиться волосы. Шершавым, непослушным языком я говорил ему, чтобы он замолчал, потом приказывал заткнуться, потом бессвязно угрожал административными взысканиями. А он все говорил и говорил. Он рассказывал мне про разгром 303-й бригады, про то, как ее брошенные умирать солдаты выжили вопреки всему, и во что превратились, чтобы выжить. Из двух тысяч солдат бригады леса покинули лишь 28, и ни одного из них теперь нельзя было назвать человеком. Было очевидно, что об их верности мертвому генералу Воронину речи не шло – бывшие морпехи забыли даже лица родителей. Они потеряли человеческий образ мышления. В их фасеточных глазах все выглядело, как цель. Левченко казался почти нормальным на их фоне, их поводырем в стране людей, ставших для

чужими во всех смыслах этого слова. Никто не знал, что случилось с ними там, в сгоревших лесах. Никто не спрашивал.

Я не мог ни встать, ни отвернуться от него. Максимум, что я мог – это вяло потереть пальцами наволочку. Трамadol подавлял боль, но при малейшем движении у меня перехватывало дыхание, а сердце пропускало удары. А Левченко все говорил и говорил вещи, которые я не хотел слышать. Рассказывал о том, что пришлось делать им, чтобы выжить. Потом, его рассказы становились реальностью в мои холодных, липких кошмарах, заполненных пустыми глазницами и словами Виктории. Шеф лично связался со мной через пару дней после моего выхода из комы, поздравил меня с “успешным разрешением московского инцидента” и между делом спросил своим выцветшим, сухим голосом о том, что я думаю о перспективах “данного экземпляра” – то есть Левченко.

Я больше не мог переносить истории Мстислава. Еще одна интересная история, и я бы окончательно сошел с ума. С каждой историей я словно переносился обратно в полыхающую Москву. Много из того, что он наговорил, было даже хуже, чем Москва. Сиплым шепотом я требовал, чтобы меня переселили в другую реанимацию или выписали к чертовой матери прямо как есть, но Левченко замолкал, как только в комнату заходили посторонние, и мое беспокойство списали на действие препаратов и ПТСР. Левченко назначил меня своим психиатром, но я знал, что еще одна беседа с ним – и за желтыми стенами окажусь уже я. И я принял единственное, как мне казалось, верное решение.

– Да, – сказал я шефу, – он нам годится. Можете забирать.

В тот момент я думал только о себе и о том, чтобы больше не слышать этих историй, рассказанных монотонным, экающим голосом. Я не думал о будущем, и уж точно не думал о том, что снова встречу с Левченко. Я ошибался. Виктор Воронин был мертв, но кто-то должен был ответить за его грехи. 303-я бригада была уничтожена; ее знамя последовательно втоптанно в грязь, сломлена ее былая мощь и слава. Сброд и офицеры-временщики пополнили ее ряды – последний плевок на могилу генерала Воронина. Теперь кто-то должен был встать на ее место, на защиту закрытого города. Левченко стал этим кем-то. Своих воинов Мстислав окрестил драгунами, и вскоре одно их имя стало способно повергнуть в ужас. Я встретил его месяца через два после возвращения в город. Однажды вечером я ковылял от Вознесенского КПП к трамвайной остановке, опираясь на свой костыль, когда напоролся на патруль, ведомый исполином с фамилией Левченко, нашитой на груди. Мы разговорились. К моему вялому и безразличному удивлению оказалось, что Мстислав не считает, что стоит снова вытащить мой позвоночник наружу. Наши непростые отношения нельзя было назвать дружбой, но враждой их тоже не назовешь. Мстислав презирал и меня, и Управление, но я знаю, что он не способен отказаться от силы, которую ему подарили. Он не смог отказаться от войны, в которую его вернули его на операционном столе.

– Ну, давай, рассказывай про дела, – говорит Мстислав, заставляя меня всплыть обратно. – Я, к слову, тебя вчера искал, Пятро. Твой крысенок сказал мне, где тебя найти, сказал – и обделался. Я пошел туды но – увы... ну ты понял. А потом понэслась вся эта бодяга, режим “Х”, режим “У”...

Я стою перед ним и прикидываю, как много он может знать, и почему он здесь. Он сказал, что знал, где меня искать – просто фигура речи, или ему поставили задачу меня найти? Кто? Сколько человек в его отряде? Десять. Плюс сам Левченко. То есть считай еще десять сверху. Шансы у меня так себе, даже если бы я не торчал окруженный посреди этого пятачка, словно одинокий ясень на просеке. Единственный путь отступления заботливый драгун только что перекрыл люком. Если я сейчас поведу себя неправильно, могу очень быстро превратиться в дуршлаг. Левченко стоит передо мной, сложив руки на груди. Выглядит это так, словно кто-то приварил на несгораемый шкаф две балки, пытаюсь спасти имущество от воров. На его

перекошенном лице не читается никаких эмоций. Слава опять забыл дома пулемет, но на такой дистанции это мне не поможет.

– Я на задании Штаба, Слава, – осторожно закидываю я. – Рад был увидится, но мне надо идти, – говорю я, но с места не двигаюсь. Эти ребята очень тонко чувствуют, когда дичь пытается сбежать.

– Это не того ли Штаба, который на дне кратэра? – спрашивает Левченко, и пытается насмешливо поднять брови. Поднимается только одна, да так и остается. – Как по-моему, – продолжает он, – так Управление теперь заданий не раздает. Единственное теперь задание по поводу твоего Управления, Пятро – это выгрести тыщу тонн бетона да песка, и понять, какая часть – от Паши, какая – от Юли. А это ох как непросто...

В его голосе всегда слышны угрожающие тона, даже если говорит он о чем-то безобидном.

– Признаешь, что не докладывал командованию о своем чудэсном спасении в ходе тэракта? – продолжает давить Левченко. – Не получал инструкций? Не в курсе ситуации? – по крокодилей роже Мстислава расплзается престранный оскал, напоминающий улыбку. – Мой любимый чекист опять ушел с радаров, – заключает он. – Нехорошо.

Я чувствую, как напрягаются вокруг меня его драгуны.

– Ага, попался, – не спорю я. – Так и так мне – конец, так что сдаю уж сразу всю контору. Я – американский, натовский, китайский, ну и еще какой-то шпион. Сдаю родину на вес в вонючих тоннелях; своих сливаю – копейку получаю. Арестуй меня, начальник! – говорю я со всем доступным мне апломбом и протягиваю вперед сложенные вместе руки. Они не дрожат.

Несколько секунд Мстислав стоит молча, потом начинает хохотать. Хохот зарождается где-то в его недрах, и постепенно вырывается наружу, как пар из паровозного котла. Наверно, так смеялся бы локомотив “Сармат”, если бы мог. Драгуны несмело подхватывают это веселье, и вот уже мы все смеемся от души, а где-то в отдалении громкоговоритель вещает о введении режима “Б”.

– Насмешил ты меня, – говорит Левченко. – Остался еще порох в пороховницах у Пятро, ниче не скажу! – Слава слегка хлопает меня по плечу, и в плече неприятно похрустывает. Про Мстислава говорят, что он на спор пробивает кирпичную кладку с трех ударов. Я не сомневаюсь, что при желании он мог бы оторвать мне голову, и я никак не смог бы его остановить, окажись он ближе чем в десяти метрах от меня. Это придает дискуссиям с ним специфическую окраску.

– Честно говоря, Пятро, никто меня никуда не отправлял, – признается Слава. – Нам поставили вводную – установить пэриметр вокруг Универмага. Перекрываем улицы, разворачиваем артыллерию. Атомолет вот прилетит с форпоста... Я до тебя просто так докопался, если честно. Скучно мне стало, веришь, не? Оборону развернул, командование послал – вся ночь свободна. Пошел погулять, вижу – колодец. Думаю – дай пошлю бойца, посмотрю, кто там плавает. А тут – ты! Ладно, Пятро, – подумав, говорит Левченко. – Пойдем отсюда, что ли. Пошли, пошли, а то вот опять ветэр подымается.

Под отвратительные шуточкы, Слава выпроваживает меня со двора. Последнее, что я вижу перед тем, как уйти – это драгунов, снова открывающих люк, из которого я появился. Один из них держит наготове гранаты, другой – пулемет.

Несмотря на поздний час, на подъезде к Универмагу движение живее, чем днем. Каждые несколько минут приходят и уходят грузовики, проносятся броневики, перекрыв всю дорогу, прокатывается грозная махина ИТЛ-1. Крыша Первого Универмага – самая большая посадочная площадка в пределах города, не считая Зенитной Башни, конечно. Готовится что-то серьезное – в окрестностях торчит как минимум половина драгун Левченко. Во всех окнах Универмага горит свет. В покосившемся переулке стоит броневик, в который желтоглазые, безносые

рекруты затащили пару сильно недокормленных девиц. Коротенькие платья последних, перешитые из формы, теперь валяются на бетонке; стоны заглушает чавканье, скрежет роговых пластин и легкий скрип подвески. С обеих сторон машину прикрывают вооруженные часовые, в кабине броневика курит командир отделения. Последствия этих связей через пару лет присоединятся к стаям, что охотятся на окраинах. К тому времени спутать их с людьми даже на расстоянии будет невозможно.

– Не одобряешь, Пятро? – спрашивает Левченко, кивая в сторону броневика.

– Мне все равно.

– У драгун не бывает увольнительных, – говорит Левченко. – А солдату без отдыха никак.

Я делаю для них, что могу.

– Ага, – рассеянно отвечаю я. – Очень прагматично. Я помню, Виктор под это дело формировал специальные роты из проституток, даже шеврон им придумал.

– Да, было время, – скалится Слава.

– Что сам не пользуешься?

Левченко опять усмехается и бросает через плечо свой багровый взгляд.

– Почто мне эти шмары? Я себе нашел настоящую, уже давно.

– Вот как? – с легким удивлением отзываюсь я. Левченко и узы любви у меня в голове сочетаются плохо.

На отдалении от всего расположился сержант с жутким рубцом, разделяющим лицо на две равные половины. Усевшись на снятый шлем, он аккуратно переливает что-то из склянки в помятую флягу. Морда у него безносая и вытянутая, но еще не такая страшная, как у старых драгун. Сравнишь со школьной фотографией – ни за что не узнаешь. И все-таки я знаю, что это – не кто иной, как друг моего детства, Вирджи Мамалыжник. Вернувшись с фронта калекой, он был сразу же завербован в драгуны. Я встретил его, когда Вирджи выписали из госпиталя, после первых процедур. Он хромал по переулку, я хромал следом. У очередного фонаря я нагнал его, и уже собирался достать из кармана пистолет, когда он обернулся. Он посмотрел мне прямо в глаза – и не узнал. А я не узнал его. На чуждом его лице, под пустыми глазами уже прорезались зачатки вторичных глазниц, и ничего в нем не осталось от грозы школьного двора. В нем вообще ничего не осталось. Я прошел мимо.

За спиной Вирджи, в руинах сгоревшей библиотеки, группа старых драгун преклоняется алтарю, сложенному из мусора. На моих глазах, один из них возлагает к алтарю мертвую крысу, поросшую костяными иглами. Пока я просиживал штаны на зачетах, они молились всем богам под шквалом дружественного огня. Никто теперь не вспомнит их настоящих имен; их вид потерял последние крохи человечности. С затылков, их фасеточные глаза неотрывно следят за мной.

Улица замирает при приближении Левченко; драгуны расступаются, словно льдины перед атомоходом. Мне вдруг думается, что у Славы есть явное сходство с истребителем танков: он не может толком повернуть голову. Гипертрофированные мышцы напалзают одна на другую, делая его спину похожей на огромный щит. Вся форма Левченко пошита на заказ.

В городе драгуны Левченко выполняют все те функции, которыми до войны занималось Росгвардия, и многие другие. Здесь они – и полиция, и внутренние войска, и суд, и палачи. Днем они штурмуют притоны и охотятся на речников, а ночью применяют собранные вещдоки на себе или продают мне. Морпехи кастрированной 303-й их ненавидят и завидуют им, гражданские боятся их больше, чем речников и сфинксов вместе взятых, а Управление мирится с ними, как с неизбежным злом, с инструментом, без которого не выполнишь грязную работу.

Левченко подзывает Вирджилию. Подойдя к Левченко, тот что-то негромко ему доводит. Слава пару раз кивает. Вдруг, улицу оглашает страшный вопль. Я оборачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть драгуна, пулей выскочившего из переулка, который мы только что миновали. Хотя вид он имеет жуткий, я сразу понимаю, что передо мной – рекрут, примерно

так же обработанный, как молодчик, встретивший меня из люка. То, что он не в себе, очевидно с первого взгляда. Он обнажен; его вытянутое, костистое туловище покрыто глубокими и свежими порезами, явно от его же когтей. Слюна ручьем течет изо рта драгуна, его взгляд мечется, а руки дергаются независимо друг от друга, словно он решил мух наловить. Прежде, чем драгун успевает двинуться дальше, из того же переулка выскакивают двое его товарищей. Они бесцеремонно сшибают его с ног и скручивают; он продолжает верещать, но не слишком сопротивляется. Но я уже смотрю не на него, а на лица его друзей. На них вовсе нет смятения или непонимания, в них я вижу нечто совсем иное: страх и бессильную злость. Небывалое сочетание для ночных владык города. Отшвырнув склянку, Вирджилию спешит к ним.

За спиной раздаются тяжелые шаги. Когда я поворачиваюсь, то сразу понимаю, что Левченко ох как не рад тому, что я стал свидетелем такого эпизода. Я стараюсь казаться невозмутимым.

– Ладно, Пятро, – говорит Левченко. – Рад был бы с тобой пообщаться, но... сам понимаешь. Время сейчас нэспокойное, нэпонятное. Тэракт, хэракт, так что ты лучше это – иди, куда тебе надо, хлопцы проводят. Сиди тихо, не вылазь. Глядишь, через пару дней все рассосется. Иди.

Левченко что-то коротко приказывает Вирджи, тот кивает в ответ и подзывает пару своих бойцов, которым показывает в мою сторону. Я вижу, что Левченко уже отвернулся, потеряв ко мне интерес, и движется в сторону Универмага, зажав в лапе флягу. Позади, драгуны умирляют своего товарища. Вирджилию гладит его по голове и что-то успокоительно шепчет ему на ухо.

Бойцы провожают меня до грузовика, который сбросил свой груз и теперь отправляется восвояси. Драгуны не знают, куда мне нужно ехать, и это обнадеживает. Отягощенный склянками вещмешок позвякивает на моих коленях, и время от времени я ловлю нездоровые, горящие взгляды, которыми драгуны вгрызаются в него. Машина довозит меня до исписанного бранью ДОТа в квартале от моей берлоги, и путь я завершаю пешком. Мои руки трясутся так, что склянки звякают друг о друга.

3.

Рельс над руинами

– Открывай.

– А пароль?

– Открыла живо!

Дверь в квартиру распахивается, и на пороге я вижу Зою. За время моего отсутствия она успела хорошо устроиться: на ней мой халат, голова замотана моим любимым полотенцем, в руках – мой дежурный автомат, М4А1. От Зои пахнет жасминовым шампунем.

– Ну и чего... – начинает она.

– Прочь с дороги!

Бросив шинель на пол, я устремляюсь в ванную. Там я наполняю раковину холодной водой и погружаю в нее лицо. Руки трясутся так, что по воде идет рябь. Вынырнув, я понимаю, что ноги меня не держат, и падаю на бортик ванной. Вода ручьями струится с моей головы. Сердце забило в гортань, никак не могу отдышаться. Как будто последний болт сорвало, на котором все держалось. Как же меня колотит... Потянувшись за полотенцем, я обнаруживаю, что все это время Зоя стояла в дверном проеме.

– В-вон п-пошла, – говорю я.

Мое зрение не может нормализоваться, и я вижу Зою, как бесформенное пятно красного на фоне монохромной синевы. Пятно делает шаг вперед, и что-то мне протягивает. Только взяв в руки, я понимаю, что это – чашка с горячим чаем.

– Спа... сп... – бормочу я. Меня мутит. – И-извин...

Раздается щелчок выключателя, потом Зоя делает еще шаг вперед, а затем мою голову закрывает полотенце. Все погружается в темноту.

– Шшш... – говорит Зоя. – Тихо, тихо...

В полной темноте, она начинает медленно вытирать мою голову. Ее пальцы движутся ритмично, и каждый их ход создает волну тепла, идущую от корней моих волос. С усилием, я закрываю глаза, стараясь сосредоточиться на тепле чашки в моих руках и движении ее рук. Кажется, подобное Зоя делает не в первый раз. Постепенно, моя дрожь спадает, а дыхание выравнивается. Зоя убирает полотенце и делает шаг назад.

– Ну как, отпустило? – спрашивает она.

– Это просто т-травматический невроз. – Се-сейчас п-пройдет.

– Я знаю. Знаю... Смотри – сейчас выльется все на хуй.

Я поднимаюсь на ноги и закрываю кран как раз вовремя, чтобы предотвратить потоп. Повесив полотенце, я поворачиваюсь к Зое.

– Ну, как там? – говорит она. Ее тон остается совершенно будничным.

– Что-то дурное намечается, – говорю я. – Что-то черное.

Зоя кивает.

– Ты достал, что надо?

– Достал.

– Отлично! Аркаше очень тяжело, Петь. Сейчас, тридцать секунд – оденусь и пойдем.

Зоя переместила Аркадия в спальню, на мою постель. Тут, судя по простыням, он лежал абсолютно недвижимый все это время. Его лицо напоминает посмертную маску.

– Он... он вообще живой? – говорю я.

– Жил и жив, за будет жить не скажу. Ты вот прямо вовремя подросел. Думаешь, работает твое средство?

– Сейчас узнаем, – говорю я, и водружаю на кровать объемистую склянку. Ее я пока оставляю в покое, и лезу за пазуху. Наружу я достаю небольшой предмет, завернутый в фольгу.

– О, курица, что-ли? – сразу оживляется Зоя. – Ой, блять!

– Можешь и съесть конечно, – ухмыляюсь я, – но я бы не стал.

Предмет, возникший из фольги, выглядит, как человеческий орган, но при этом у него жесткие контуры; хрящи проступают сквозь его тонкую кожу. Несколько отростков, похожих на пуповины, торчат из его нижней, незащищенной части. Если присмотреться, видно, что пуповины чуть шевелятся.

– Это сращиватель, да? – догадывается Зоя. – Только маленький.

– Точно.

– Че он делает, ты мне так и не объяснил. Нахрена он нужен, сращиватель?

– Зачем только не нужен, – задумчиво говорю я, разматывая пуповину, – это... можно сказать, своего рода переходник.

– Не поняла.

– Ну вот, допустим, в твоём институте благородных девиц тебя учили устройству трансформатора?

– Может и учили, буржуй. Ну и?

– Сращиватель делает нечто подобное, – говорю я, ощупывая затылок брата. – Для нескольких нервных систем, органических или нет, он способен осуществить своего рода взаимную бесконтактную иннервацию, объединяя эти системы – и организмы, соответственно – в одну...

– Пффф. “Иннервация”, – бормочет Зоя. – Так-то я думала. И ежу понятно.

– ...Над этой системой сращиватель получает полный контроль. Что позволяет ему, например, изменять режим работы систем органов тех, кто к нему подключен.

– Откуда ты только всю эту ересь знаешь?

– Виктория была экспертом в этой области. Моя сводная сестра.

– Ну а здесь-то твой сращиватель зачем?

- Так, – говорю я, – у тебя ведь эpineфрин был, если я не ошибаюсь?
- Ага. На две дозы. Зачем...
- Воткни шприц в тело сращивателя, вколи ему где-то половину, строго на глаз.
- Куда Бог на душу положит?
- Примерно. Ему уже все равно.

Через пару секунд сращиватель наливается теплом, а через минуту уже становится слышно ритмичное биение сердец, скрытых под его шкурой. Зоя осторожно прикладывает ладонь к нему, недоуменно наклонив голову. Тем временем, я приподнимаю голову Аркадия, а второй рукой сжимаю конец пуповины. Лепестки, закрывавшие венчающий ее клубень, раскрываются, и наружу выходит неприятного вида жало. Примерившись, я ввожу его брату в шею, чуть ниже затылка.

- Бери склянку, – говорю я, и киваю на кровать. – Осторожно, она тяжелая.

В Зоиных руках оказывается объемистый цилиндр из толстого стекла, закрытый крышечкой. Ослабив винт, я подцепляю край открывалкой. Банка издает негромкий хлопок. Немедленно, спальню наполняет лютый смрад.

- Фу!
- Это цветочки, – говорю я, запуская руку в недра банки.

Там, в зелено-желтой мути, плавает облепленный тягучей плацентой предмет, на ощупь напоминающий опухоль – и жесткий, и мягкий одновременно. От него исходит едва ощутимое тепло. Взявшись покрепче, я извлекаю его на свет.

– Это что еще, сука, за аборт?! – ужасается Зоя, от отвращения едва не выронив сигарету изо рта.

- Ближе к истине, чем хотелось бы, – бормочу я.

Верхняя часть клеща имеет почти сферическую форму. Тут и там, костяная сфера покрыта следами скорбной болезни, и местами в кости видны дыры, за которыми скрывается мягкое и розовое. Нижняя часть похожа на порцию плохо проваренных макарон под сукровичным соусом. Размером и формой клещ близок к маленькому пушечному ядру, но весит при этом как большое.

- Есть еще чистые шприцы? – спрашиваю я.
- Ну.
- Доставай, будем кровь брать.

Я осторожно кладу клеща на простыню и закатываю рукав свитера.

- Зачем это?
- Нужно топливо. Для клеща.
- Тогда я у себя возьму.

Поработав предплечьем, Зоя распрямляет руку и вводит иглу в собственную вену.

- Сколько?
- Двадцать миллилитров примерно.

Забрав кровь, она передает шприц мне. Удерживая клеща одной рукой, я второй вставляю иглу в одно из его отверстий и выжимаю поршень. Потом кладу клеща обратно.

- Теперь чего?
- Теперь ждем.

Но долго ждать не приходится. В течении минуты клещ наливается жаром – так сильно, что от потной простыни начинает идти пар. Белесые “макаронны” розовеют и начинают медленно шевелиться. Завороженная мерзким зрелищем, Зоя подбирается вплотную ко мне.

- Сейчас будет жарко, – говорю я, и вынимаю сигарету из Зоиных губ.

Прицелившись, я вставляю сигарету в самую крупную из дыр в панцире. Немедленно, спальню заполняет вонь паленой плоти. Клещ приходит в движение. “Макаронны” раздвигаются зонтиком, открывая вид на сердцевину клеща. Наружу из мясных складок высовывается

костяной агрегат, одновременно напоминающий и клюв, и жвалы. Высунувшись, он начинает громко шелкать – если закроешь глаза, кажется, что это человек клацает зубами.

– Расстегни ему сорочку, – команду я. – Живо!

Пока Зоя выполняет приказ, я примериваюсь, а потом хватаю клеща обеими руками за панцирь и поднимаю на уровень груди. Клещу такое приходится не по нраву. Его щупальца начинают полоскать по воздуху; клюв шелкает очередями, ища цель.

– Отойди, отойди в сторону!

Зоя отскакивает, и я оказываюсь рядом с Аркадием. За мгновение до того, как я опускаю клеща на его грудь, одно из щупалец вцепляется в мою ладонь загнутыми коготками. Я выхватываю мультиинструмент и применяю на клеще заточенные плоскогубцы. Потеряв щупальце, клещ сосредотачивает внимание на брате.

– Фууу, ну и поебень! – говорит Зоя. – Никогда бы не подумала, что... – добавляет она, но потом обрывает себя на полуслове. Я извлекаю по-прежнему извивающееся щупальце из своей ладони, наблюдая за работой клеща.

Издавая свинячье хрюканье и чавканье, клещ вгрызается в грудь Аркадия. Брат стонет и шевелит пальцами, но остановить клеща он не в силах. Щупальца впились в его пожелтевшую кожу, и видно, как вокруг раны вены Аркадия вздулись, наполняясь темным. Как только его более-менее перестает лихорадить, я беру одну из пуповин сращивателя и вставляю его жалом в самую крупную из дыр в панцире клеща. Еще пару минут после этого, клещ продолжает свою остервенелую работу. Его панцирь быстро теряет цвет. Погрузившись в грудь примерно на треть, он сбавляет обороты; на панцире появляются трещины. Еще несколько секунд – и клещ полностью замирает, перестав подавать признаки жизни.

– Закрой уши, открой рот, – говорю я.

Прежде, чем Зоя успевает задать очевидный вопрос, панцирь клеща разлетается в фонтане гноя и венозной крови. На простыню из панциря выскакивает нечто среднее между сороконожкой и ракоскорпионом. Стремительное и ужасное, оно движется с огромной скоростью и безо всякой симметрии – то боком, то задом; клешни, щитки, глаза и зубы слились в смертельном броске. Прежде, чем оно добирается до края матраса, моя пуля настигает его, превратив тварь в серые брызги. Звон, никогда толком не пропадающий, с полной силой вторгается в мои уши.

Я опускаю “Шестопер”. Аромат пороховой гари разбавляет баночный смрад. Этажом ниже кто-то яростно колотит по батарее.

– Елки-палки, – говорит Зоя. – Вот так так!

– Посиди с ним, я вернусь, – говорю я, направляясь в прихожую.

– Жди меня и я вернусь, всем смертям на зло... – мелодично тянет Зоя, склоняясь над Аркадием.

В прихожей я беру вещмешок и собираюсь уже вернуться в спальню, когда мой взгляд цепляется за куртку Аркадия. Она по-прежнему висит на напольном зеркале, но теперь мне видно – что-то выглядывает из ее внутреннего кармана. Водрузив вещмешок на табурет, я залезаю рукой под полу и извлекаю наружу содержимое кармана. В моих руках оказался бумажный пакет, запечатанный такими печатями, каких в деканате не найдешь. Пакет насквозь пропитался бурым, печати словно бы скреплены кровью. Я обнаруживаю, что сзади пакет порвался, и наружу торчит сложенный лист бумаги. Выглянув на всякий случай в гостиную, я вынимаю этот лист и погружаюсь в чтение.

Письмо основательно слиплось – не разорвав, не раскроешь. Единственное, что не тронула кровь – это хозяйскую, размашистую роспись и адмиралтейскую печать. Подписано: Адмирал Романов, Главнокомандующий ВМФ. Выше – только звезды. Елки-палки, во что же ты ввязался, Аркаша?

Насколько получается, я раскрываю письмо. Понять, кому адресована весточка – сложно; несведущему вовсе не разобрать ее канцелярщины. Но одна строчка немедленно привлекает мое внимание:

...В СРОЧНОМ ПРОЯД... ЩЕСТВИТЬ... ЗАДЕР... НИЕ... АВА ЛЕВЧЕНКО...

Левченко? Он-то здесь причем? Зачем он Санкт-Петербургу? Откуда в Адмиралтействе вообще знают о его существовании?

– Петь, поди сюда! – зовет Зоя. От неожиданности, я едва не роняю письмо.

– погоди, – отзываюсь я. Будь у меня хоть час, разобрал бы может все это! Ну да хоть бы и разобрал, впрочем. В том, что можно разглядеть, в основном воспевается авторитет Аркадия Леонова, еще идут намеки на какой-то сеанс связи. Какой теперь сеанс? Всю связь унес этот чертов смерч, вместе со штабом...

– Ну Петь!

– Иду, иду.

Ладно, черт с ним. Аккуратно сложив письмо, я кладу его в свой карман и, подхватив вещмешок, направляюсь обратно в спальню.

Уже сейчас видно, что Аркадию пусть немного, но лучше. Румянец не вернулся на его щеки, но нездоровая желтизна отступила. Черты лица его уже не кажутся заостренными, как у покойника. Поддерживая затылок брата, Зоя осторожно поит его из стакана.

– Петь, смотри – работает! – улыбается Зоя. – Слава Богу.

– Еще не все.

Из вещмешка я выкладываю на простыню три склянки, поменьше той, что содержала клеща. Все три – похожие на вид, с одинаково сомнительного вида смесями внутри. Различают их только пиктограммы на наклейках.

– Надо стойку сварганить, – моментально реагирует Зоя. – Сейчас соображу что-нибудь.

– Не надо. Раздвинь шкаф. Вон там, слева от нагромождения гантелей. Все никак не сподоблюсь их выбросить...

Зоя извлекает из шкафа стойку для капельницы. Взглянув на стойку, она поднимает взгляд на меня, но потом сразу прячет глаза. Я молча принимаю у нее стойку и ставлю ее возле тумбочки с телефоном.

– Какую сначала ставить? – спрашивает Зоя.

– Все сразу. Соединяешь вот в эту воронку, потом открываешь, на самый малый.

– Ты мне скажешь или нет, зачем ты Аркаше в затылок присунул?

– Как я говорил, – морщусь я, – сращиватель способен объединять организмы в одну систему. Оттуда название. В данном случае это позволяет нам при помощи мерзкого клеща многократно ускорить регенерацию тела Аркадия. Вещества, которые клещ выделяет в процессе своего бесполого размножения, позволяют ускорить деление клеток и повышают человеческий иммунитет. В склянках – особый питательный раствор.

– А если без сращивателя?

– Ничего хорошего не будет, – говорю я, – уж поверь. – Регенерация вообще работает только в первые часы после ранения, пока ткани не зажили. Ее проводят в специальной камере, наполненной раствором, но камеры нет, так что... а чем пахнет, кстати? Ну, кроме... ты знаешь.

– Супом. Я суп сварила, – говорит Зоя, массируя свои колени. – Будешь?

– Еще как. Ты ставь – я пойду чай заварю.

Двигаясь в направлении кухни, я наконец получаю шанс почесать затылок. Начав, я уже не могу остановиться. Зуд проснулся в затылке – зуд, от которого годами я спасался всей таблицей Менделеева, зуд, который просыпается каждый раз, когда на мои глаза попадает сращиватель. Внизу моего затылка, под прикрытием волос, круг обожженной кожи прячет старый

шрам от жала, а шрам прячет в себе зуд. С великим трудом, я перестаю чесаться – как раз тогда, когда Зоя нагоняет меня.

Суп у Зои получился густой и вязкий, больше похожий на рагу. Пусть выглядит он и несколько провокационно, на вкус суп оказывается вне всяких похвал. Зоя наливает себе порцию, а потом усаживается за стол напротив меня. Я снова замечаю, что левый рукав ее майки закатан по локоть, а правый не закатан вовсе. Зоя уплетает варево с пугающей скоростью, смачно чавкая и наматывая макароны на ложку. Я едва-едва съедаю половину тарелки, когда Зоя бросает ложку и начинает собирать остатки ломтем булки. Когда остатки заканчиваются, Зоя берет тарелку и вылизывает ее, после чего откидывается на спинку стула. Ее лицо приобретает удовлетворенное выражение.

Я вытираю губы салфеткой и делаю небольшой глоток из чашки.

– Очень вкусно, – говорю я, стараясь замять неловкую паузу, существование которой Зоя не замечает. – Я думал, правда, ты с тефтелями сделаешь. У меня фарш был...

– Херня твой фарш. Я до рынка дошла. Что, не нравится, что ли?

– Нравится. Только из чего он?

– А из всего, – говорит Зоя, и довольно улыбается, прикрыв глаза. – В балдыре местном вообще пусто, только банки с борщом. Рынок – другое дело. Жаль только, что бомбассы не было.

– Чего не было?

– Бомбассы, – повторяет Зоя, смакуя слово. – Такая рыба, кистеперая. Огромная. Вкусная... – мечтательно тянет она, и облизывается. – Но коварная! На Аляске ее полным-полно. Выползет, понимаешь, ночью. На побережье. И в землю ховается. А тут из-за камней стройбат с саперками – ррраз! И давай ее месить. Потом коптят и продают. Но это если они – ее. А то всякое бывает. У нее такие зубы, Петя, такие щупальца, ты бы знал...

Я достаю из хлебницы пакетик с овсяным печеньем. Пока я разливаю чай, Зоя пакетик экспроприрует, и, к моему возвращению за стол, от печений остается лишь горстка уцелевших.

– Приятного аппетита, Зоя.

– Вжаимно!

Я вздыхаю и берусь разливать чай. Тут Зоя роняет печенье. Когда она наклоняется, чтобы подобрать, я вижу, что ее левое предплечье украшает необычная татуировка – силуэт черного голубя с расправленными в полете крыльями. Скелет птицы просвечивает насквозь, словно на рентгеновском снимке. Татуировка сделана искусно и явно не чернилами из ручки.

– Нравится? – в лоб спрашивает Зоя, перехватив мой взгляд. У этого вопроса совсем нет тона, словно Зоя готова к любому ответу. Почему-то не кажется мне, что речь сейчас идет о татуировке. Или даже о самой Зое.

– Вроде как символ мира, так?

– Нет, – качает головой Зоя, и из ее глаз на секунду пропадает смешинка. – Свободы.

Я жму плечами и беру в руки чайник. Зоя берет печенья.

Мы переезжаем в гостиную, где Зоя немедленно устраивается на облюбованном ею диване, а я подхожу к окну. С тех пор, как выписался из госпиталя, сидится мне так себе. Я замечаю, что с моей силовой рамы снят брезент, штанга лежит на полу, а блины хаотично разбросаны округ. Зоины вещи расшвыряны в широком радиусе; ее куртка вообще висит на люстре. Я удавливаю свою брюзгливость, пусть и не без труда. Девочки приборутся.

Тьма обволокла город, и с ней пришел мощный ветер, напор которого ощутим даже сквозь двойные стекла. С высоты сопки окружающие кварталы кажутся такими же, как и всегда – напряженными, старыми, поминутно замирающими в преддверии новой беды. Фабрики и дома прильнули к холодной земле, словно стая, почувшавшая гончих. Помню, как дико было

возвращаться сюда после Академии, после Предательства. Странно, невозможно, словно с парада на фронт. Но куда еще я мог пойти? Санкт-Петербург давно перестал быть моим домом, Москва перестала быть вообще, и этот город, хочу я этого или нет, принял на себя роль моего дома. Здесь была родная Группа Специальных Расследований, здесь были однокашники – добрый Виталик, идиот Кирюха и вечно насуспенная Шанина, с которой мы в свое время чуть не обвенчались. Два года я здесь прослужил с тех пор, и было за это время много плохого, очень много, наверное, гораздо больше, чем хорошего. Клещ. Сращиватель. Пиявки. Подработки. Сомнительной легальности задания и задания, в нелегальности которых у меня не могло быть сомнений... Где все они теперь? Нет Кирюхи, Виталика все равно что нет, да и Шаниной, наверное, больше нет в живых, а если есть, то доброго она мне ничего не скажет. Кто-то не выдержал пустоши, кого-то совесть замучила, кому-то просто не повезло, как сегодня вечером. Даже орлят своих я сгубил – послал в этот поганый Штаб, гори он огнем, прямо под эту гнусную диверсию. И все равно – как бы сильно не портились дела, каким бы невыносимым не становился штормовой ветер, и сколь странные приказы бы не поступали из Штаба, я никогда всерьез не думал о том, чтобы уехать отсюда. Куда мне идти? Я не могу бежать. Не могу ведь?

– Пыченке буэ? – с до краев набитым ртом интересуется Зоя.

– Нет, спасибо.

– Мне бовше доштаметя.

Я прокашливаюсь, смотрю на Зою. Снова прокашливаюсь. Наконец, я открываю рот и начинаю говорить ей о событиях минувшего вечера и о том, что они для нас означают. Отражение Зоино лица выглядит совершенно непринужденным, словно ничего особенно страшного и не произошло, будто нам ничего не угрожает, а если и угрожает – черт с ним, авось пронесет. Как минометный обстрел под машиной, она переживает мой рассказ, натянув плед на колени. От этой ее непрошибаемости мне становится как-то спокойнее на душе. Кажется, что Зое вообще можно сказать все, что угодно, и ничего ее не смутит.

– Знаешь, Петя, – говорит Зоя, добив печенья, – тебя пока не было, я машину осмотрела. Все исправно, не подкачает. Можно ехать.

– Куда? – спрашиваю я, скорее откликаясь своим мыслям, нежели ее словам.

– Да куда попало. К черту на куличики. Как только Аркаше поллучшает, я забираю его. Сваливаем на хуй из этой тундры. Хочешь – давай с нами. Черное здесь творится, Петя. Свинчивать надо. Если я верно поняла, скоро снимут этот режим “Б”, а пропуск у меня есть...

– Не выйдет, – равнодушно отвечаю я, и смотрю на часы.

– Это с хуя ли? – настораживается Зоя.

– Тебе что вообще Аркадий рассказал про этот город?

– Да ничего. Все секретно да секретно. А чего?

– Подойди сюда, – говорю я, – проще показать. Выключи свет.

– Мне и при свете нормально.

С приходом глубокой ночи город погружается в абсолютно непроглядный мрак – не видно ни звезд, ни луны. Если бы не свет редких уличных фонарей, можно было бы подумать, что мы не на Земле, а затерялись в глубинах межзвездного пространства, бесповоротно сбившись с курса. Виктории бы такое сравнение понравилось. На другой стороне реки Новый Город превратился в мазутное пятно – даже с моим зрением сложно разглядеть отдельные здания, видно только, как Зенитная башня чернеет на фоне грязно-серого неба. С каждой минутой ее очертания становятся все более размытыми. Зоя, наверное, даже башню не видит.

– Смотри на север, – говорю я, и Зоя пару секунд смотрит, куда я показал, а потом недоуменно поднимает брови.

Далеко-далеко, за стенами периметра и за пустошью, небо начинает постепенно наливаться синим цветом, а из синего перетекает в лиловый. Еще секунда – и среди лилового неба вспыхивают один за другим десяток огромных огней. Самый маленький из них едва превосхо-

дит размерами Луну, самый большой – раза в три больше. Плотная завеса облаков глушит их свет, однако, если приглядеться, можно увидеть, что каждый из огней периодически мигает, словно огромный гелиограф.

– Как бы птичка не залетела, – говорю я. Зоя немедленно подбирает челюсть и разворачивается ко мне всем телом.

– Очень быстро начинай объяснять.

– Это не Зарница, – говорю я.

– А похоже, блять!

– Не бойся. Никаких потопов не будет. По крайней мере, раньше не бывало. Это здесь регулярное явление. Потопов не будет, зато будет буря, – говорю я. – Такая, каких на Большой земле не бывает. Придет шторм, способный унести грузовик, а панельный дом ободрать до арматуры. Завтра дорога через пустоши будет перекрыта, и это к лучшему, потому как на машине проехать сквозь бурю невозможно.

За окном, ветер свистит люто, набирая силу, словно газотурбинный двигатель. Этот ветер не приносит осадков, но с ним всегда приходит лютый мороз, от которого у застигнутых бурей мозг смерзается и идет трещинами, словно глиняный сосуд. Найденных поутру мертвецов приходится откалывать от асфальта по кускам, а в крематорий везти на тачке.

– Не может же быть, чтобы вообще без выхода! – протестует Зоя. – Это же дичь получается, вы как здесь тогда...

– Почему нет? Есть, – говорю я, и указываю вниз – туда, где, отделенный от домов контрольно-следовой полосой, сияет огромный, опутанный колючкой бетонный квадрат, обозначающий железнодорожный узел. Огромные прожектора освещают паутину железных дорог, сторожевые башни, локомотивы и вагоны, бесконечные здания депо и стоящие на отшибе дома и бараки военного городка.

– Вот эта лампа, – говорю я, – есть главная железнодорожная станция города. Она же – депо, она же – сердце войсковой части, где расквартирована 303-я бригада. Видишь огромный ангар по центру? Нет, не там, а воон там, рядом с колючкой. Там еще траншеекопатель стоит.

– Чего, блять, стоит?

– Ты можешь не ругаться все время?

– Это когда я ругалась? – удивленно говорит Зоя.

– Не важно. Так вот, траншеекопатель. Тягач с мельницей на задку.

– А, вижу. Нет сразу нормально сказать?

Раз начинается буря, значит – по железной дороге сможет пройти лишь один поезд, и лишь один локомотив сможет тащить его. По старой традиции, железнодорожники всегда выгоняют его на пути в полночь перед открытием сезона. КБ, которое строило его, дало ему лишь порядковый номер. Генерал Виктор Воронин был тем, кто выдал ему его имя: “Сармат”. “Сармат” покидает ангар ровно в двенадцать пополудни, и даже с такого расстояния хорошо видно, насколько он огромный. По сдвоенным рельсам тысячетонный локомотив выкатывается в свет прожекторов; его потемневшая от времени, источенная бурей броня почти не блестит, поглощая в себя свет. “Сармат” возвышается над крошечными фигурками ремонтников, как грозный великан – над жрецами, пришедшими к нему с подношением. Пар валит из обтекаемых труб, вытянувшихся вдоль его брони. Подобных ему построили всего с дюжину – снабжать ядерной энергией комбинаты, обесточенные после обвала электросетей. Как оказалось, “Сармату” было суждено решать задачи куда сложнее.

– Я так понимаю, на этот паровозик билет достать нелегко, – мрачно говорит Зоя, прислонившись лбом к стеклу.

– Нет. С приходом бури мы будем отрезаны от большой земли, физически и в плане связи. 303-я полностью контролирует железнодорожный узел, а раз Штаб уничтожен – значит...

– Погоди, как так – отрезаны?

– Единственная нить к Большой земле теперь – это военная телеграфная линия, проложенная под тундрой. Вон она, станция телеграфа. За вторым КПП.

– То есть, – мрачно говорит Зоя, – железку и связь контролируют морпехи, и с ними у тебя отношения не очень. И позвонить не получится никуда, – резюмирует она, рисуя на запотевшем стекле непотребное.

– Это раньше были – “не очень”, – вздыхаю я, возвращаясь к креслу.

После Предательства остатки 303-й оказалась под надзором Управления, которое по приказу Адмиралтейства начало перекраивать бригаду на свой лад, рвать клыки, которые она отрастила при Викторе. Очень многим это не понравилось. И чем дольше это нездоровое взаимодействие продолжалось, тем больше со стороны военных было нарушений, тем больше появлялось недовольных. А потом на ж/д заселился Левченко, и ситуация стала совсем плачевной. Сложно сказать, кого 303-я теперь ненавидит больше – драгун или нас.

– И чего дальше? – спрашивает Зоя, упав на диван. – На жопе сидим, пока какая-нибудь мразь про нас не вспомнит и не придет раскулачивать?

– Нет, – решительно говорю я. – У нас остается один выход – найти Алхимика, как хочет Удильщик. Если найдем, то Удильщик даст нам свою протекцию, под ней мы переживем любую бурю.

Закрыв глаза, Зоя неодобрительно хмурится.

– Это вообще что за тип, а? Что за Алхимик? Чего за ним все бегают?

– Сейчас расскажу. Главное – я знаю, как на него выйти.

– Но ты же говорил...

– Это вчера было. Слушай меня, – говорю я.

Алхимик, тогда еще неизвестный никому, впервые попал в лучи софитов, когда я еще жил в Санкт-Петербурге. За его исследования его потихому вытурили из Польши, и на время он осел в тогда еще украинском Донецке. Там он в тайне продолжил свою работу, да так успешно, что в самый разгар гражданской войны к его лаборатории подъехали на БТР и разнесли весь дом из пулемета. Виктор Воронин лично договаривался о его экстрадиции, а когда не вышло договориться, БТР, его гараж и окружающий поселок попали в новостную сводку как очередная жертва украинских артобстрелов. Алхимик переехал сначала в Санкт-Петербург, а потом сюда. Здесь он стал объектом интереса многих. Алхимик был мастером в обращении с клещом. Людей он видел, как просто массу глины, и своим долгом он считал вылепить из этой глины что-то стоящее. В первые годы после закрытия города в ОКБ даже думали, что перед ним лежит выдающаяся научная карьера. Его специфические пристрастия открылись лишь позже...

Я пытаюсь поудобнее устроиться в кресле, а Зоя тем временем встает и начинает расхаживать по комнате.

Прозвище Алхимика стало синонимом скандала. В городе у него не было постоянного места обитания, никто не знал и расположения его клиники. Но для человека из органов сбор информации, главным образом компрометирующей – процесс естественный, и на Алхимика, среди прочих, я давно собирал досье. Так, в свободное время. На всякий случай. И вот вчера утром, в собранную мной мозаику...

– Эй! Ты слушаешь вообще?

– Нет, – отвечает мне Зоина спина. Зоя перебралась на мою силовую раму.

– Ну и кого ради я здесь распинаюсь?

– Мне скуучно... – тянет Зоя, и делает очередной выход силой.

– Алхимик – в Массиве, – говорю я. – Том самом, что за окраиной.

Зоя разворачивается ко мне лицом и делает еще повтор, медленней предыдущего.

– Сказал же – не пройти туда, – говорит она.

– Я много чего говорю. Такая профессия.

– Ну, тогда погнажи!

– Сейчас, только шнурки завяжу. Я сказал – не невозможно. Не значит легко.

– Ну не томи, я уже не могу вся.

– Не паясничай. Смотри, что покажу, – говорю я, направляясь к зашторенному аквариуму.

Завершая упражнение, Зоя делает сальто и оказывается рядом со мной. Маневр заставляет ее ремень чуть съехать, и на мгновение я вижу полоску алых кружев.

– Под кроватью нашла, – перехватив взгляд, заявляет Зоя, – что упало – то пропало. Я ей свои оставила. Уставные, зелененькие. Вернется – заберет.

– Не вернется, – усмехаюсь я.

Я подхожу к аквариуму и открываю шторы.

– Ебанный леший! – с гадливым любопытством Зоя прижимается носом к стеклу, а потом оборачивается ко мне. – Это что же ты за беспредел расплодил, а?

Спасаясь от света, беспредел пытается зарыться в гальку, но получается не очень хорошо. Все особи выглядят так, словно они уже испортились, не достигнув даже разделочной доски. Кистеперая жуть, в профиль напоминающая сома, вся поросла лишаем, мурена распухла от опухолей, а трое ракообразных еле ворочаются, путаясь в наполовину сброшенных шкурах. Морской еж светится как-то гнилостно, а его земноводный сосед, похоже, уже сыграл в ящик. Осьминог потерялся.

– Вот этого не надо делать, – говорю я, видя, что Зоя подняла крышку и уже лезет в аквариум.

– Че нет, когда да?

– Закрой крышку.

– Ну Петь!

– Не ну.

Я щелкаю тумблером, и по всей квартире лампы начинают лихорадочно мерцать. Обитатели аквариума пару раз бьются в судорогах и замирают. Еж гаснет, перегорев, а сом медленно оседает в гальку. Чернильное облако расплзается в дальнем углу – электрификация дошла и туда.

– Вот теперь можно доставать, – говорю я.

На кофейном столике я расстилаю клеенку, ставлю рядом столик с инструментами, сажусь на пол и натягиваю перчатки. В тазу, занявшем центр стола, прескверно смердят мои рыбки. Зоя пристраивается рядом.

– Когда расскажешь, зачем все вот это вот? – допытывается она, вертя в руках... ну, скажем, “краба”, для простоты. Неожиданно, “краб” приходит в движение и вцепляется в Зоину ладонь. Зоя бестолково трясет рукой, а потом несколько раз хорошенько прикладывает “краба” об стол и, освободившись, наводит на него пистолет. “Краб” бесстрастен перед ликом смерти. Отвлечшись на секунду от своей работы, я прижимаю “краба” к столу и отхватываю ему голову ножницами.

– Нахваталась?

– Хочу – и хватаю! – упрямо заявляет Зоя.

За время Зоиногo инцидента с “крабом”, я успел выпотрошить “сома”, и теперь извлекаю наружу его позвоночник. Позвоночник затвердевает буквально на глазах, я едва успеваю придать ему должную форму. Как только он становится твердым, как камень, я беру его в руки и, нажав пальцами с двух сторон, разъединяю шип, державший его вместе. В моих руках оказываются две симметричных костяных детали. Зоя щурится и недоуменно наклоняет голову.

– Знаешь, как будто на токарном точили, – говорит она, – они... они что, специально так выращены?

– Догадливая.

Таз с гадами начинает пустеть, а на стол перекачывают все новые детали: деформированные органы, кости и суставы загадочной формы. Чем больше их становится, тем сильнее кажется, что место им не в учебнике биологии, а в каком-нибудь техническом справочнике. Зоя следит за моими манипуляциями, нахмурившись и высунув от напряжения язычок. В какой-то момент она кивает сама себе и, потянувшись к куче деталей, вытаскивает и кладет перед собой несколько косточек и хрящей. Облизнув губы, она кивает еще раз, после чего начинает собирать детали воедино. Входя в пазы, каждая из них издает негромкий щелчок.

– Шептало... ударник... боевая пружина... курок, – Зоя берет одну из ножек краба и присоединяет ее к конструкции, – спусковой крючок.

Она поворачивается ко мне.

– Ударно-спусковой механизм!

– Путь в Массив у нас только один, – говорю я, не отрываясь от дела, – по старой линии монорельса. Монорельс еще ходит, доедем с ветерком. Но на станции нас ждет довольно пристрастный досмотр. Металл не пронести. Ничего там особо не пронести. На подобные случаи я держу свой гадюшник. Ты иди спать, я подготовлю детали для неполной сборки, и...

– Дудки! Показывай давай. Хочу все знать, понял?

Увидев, как загорелись ее глаза, я улыбаюсь.

– В таком случае, надень перчатки и собери плоды с куста, что у дивана стоит. Очень, очень осторожно, ясно?

– Ага.

Пока Зоя возится с кустом, я с трудом водружаю на стол керамический реактор и подсоединяю к нему кабель питания. Как бы опять район без света не оставить...

Зоя кладет на стол плоды куста. Каждый из них размером с хорошую свеклу, серый с коричневыми рубцами сверху. На каждом из рубцов – по дюжине почек, на конце которых горят неяркие огоньки.

– А на ощупь – как сиськи, – сообщает довольная Зоя.

– Ты их особенно не трети, – говорю я. – Гранаты, все таки.

– О. Ооо...

– Да. Те, что у которых рубцы образуют круг – свето-шумовые. С двойной сплошной – дымовые. С крестом – ядовитые. Ими можно стрелять, но если лень заряжать в гранатомет – можешь просто бросить. Отрываешь хвостик, и после этого любое сильное сжатие, так сказать, взводит детонатор. Отпускаешь...

– Бум!

– Бум. Садись, буду все показывать. Тут на час работы, не меньше.

К цели мы вылетаем с первыми лучами рассвета, пока город приходит в себя после шальной ночи. Следы беспорядков видны невооруженным взглядом: большинство магазинов, которые мы проезжаем, разграблены; 303-я бросила позиции, занятые вчера, и отступила назад, к ж/д узлу. С одного из встречных светофоров свисает человек с мешком на голове. На его спине кто-то прилежным почерком вывел: “КОЛЛАБОРАЦИОНИСТ”. Хаос пялится на нас из каждой подворотни. Прохожие редки, машины еще реже.

Зоя, что-то мурлыкая под нос, непринужденно обходит рытвины и провалы, периодически вылетая на пешеходную дорожку. На очередной колдобине нас подбрасывает так, что я едва не прокусываю язык. Становится ясно, что поспать в дороге не выйдет. Я прикрываю рот ладонью, чтобы скрыть зевок. Зоя тут же сладко зевает в ответ, показав зубки.

– Недоспал? – спрашивает она, и бросает джип в сторону, обходя старенькую “Весту”, в основном состоящую из сварных швов и клейкой ленты. Водитель припарковался поперек двойной сплошной.

– Более-менее, – отзываюсь я.

Я заснул в своем кабинете, слушая записи старых выступлений Виктории. Как обычно.

– Хорошая машина, – говорю я.

– Нравится? Ее с фронта эвакуировали, а потом бросили в аэропорту, в Питере. Я, пока не послали сюда, возилась с ней, от нечего делать. Пить надоело. Потом подсуетилась, чтобы ее на поезд с нами погрузили.

– Ты, наверное, не этого ждала от возвращения, – говорю я. Зоя вопросительно поднимает брови. – С войны на войну.

– Почему? У меня жизнь – одна сплошная развязка. Вчера я двигалась в одном направлении, сегодня двигаюсь в другом. Слушай, а че за плакаты? Синие, до этого розовые были, и оранжевые...

– Ммм?

– Ну вон.

Она кивает на трехэтажное заколоченное здание, которое мы проезжаем. Какие-то административные руины, толком уже не опознать. Просевшие стены от крыши до подвальных окошек покрыты уличной живописью, разделенной переплетением трещин. Угол здания, выходящий на перекресток, в семь слоев облеплен объявлениями, в основном ч/б. Объявления предлагают взять денег под залог имущества, продать б/у авто или цветмет, либо купить: “средства самообороны”, “лекарства” или кусочек тепла – по часам и на ночь. На черно-белом фоне ярко выделяется сердце, выложенное одинаковыми плакатами сине-лимонной расцветки. На плакатах – только адрес и размашистая надпись: “КОНКРЕТНАЯ БЫСТРАЯ ПОМОЩЬ”.

– Чего это? – снова спрашивает Зоя.

– Секты.

– А?

– Секты. Берут только метаморфизированных. “Коммуны взаимопомощи”. Там скальпелем помогают от телесных модификаций, постом и хлыстом – от умственных.

В одной из таких я прожил пару недель или пару месяцев – пока Удильщик не сжег его дотла.

– Вот про этот танк я говорил, – показываю я, – мимо него и прямо.

За последним перекрестком, еще как-никак мощеным, бетон и асфальт встречаются только намеками. Окраина начинается сразу за ним. Пропустить ее начало невозможно. Здания на обеих сторонах проспекта одинаковые, но на дальней – все без исключения обгоревшие; многие разрушены и потом частично восстановлены дворовыми силами. Как одинокий постовой, на середине перекрестка застыл Т-90МС, за время дежурства покрывшийся различными надписями. На эжектор танковой пушки кто-то пририсовал символ Марса.

Мы минуем танк и проезжаем пару кварталов по улице, состоящей главным образом из кратеров. Потом я даю отмашку.

– Вот здесь сворачивай. Я покажу, где спрятать авто.

Покинув улицу, мы проезжаем через заросший, пошедший трещинами двор и оказываемся в лабиринте ржавых гаражей. Пахнет детством.

– Вот тут, – показываю я.

– Может, поглубже заедем? Не больно дерзко-то?

– Сюда никто не ходит. Я выйду, а ты езжай за мной на самом малом. След в след.

Недоразумение вышло в свое время с этим местом: по ошибке на микрорайон сбросили тонн двенадцать кассетных бомб. Часть сдетонировала, большинство осталась в почве. Сквозь землю я вижу их, как слитки черной массы на фоне белого шума. Эти убить не убьют, но о большом футболе забыть заставят. И о малом.

– Сюда, – подзываю я.

Этот гараж раньше был домом для “Газели”, кажется, так что Зоин джип в него влезает, пусть и не без скрежета. Просочившись между стенкой и бортом машины, Зоя потягивается,

поднявшись на цыпочки, а потом открывает багажник. Вскоре, на земле оказываются две большие брезентовые сумки. Зоя ловко забрасывает свою за спину и помогает мне с моей. Пока она закрывает гаражные двери, я достаю зеркальце и проверяю целостность своей маскировки.

– Как грим смотрится? – спрашиваю я, нахлобучивая шапку на самые глаза.

– Пиздец.

– Вот и славно. Пошли. Отсюда до станции рукой подать.

– Ненавижу мины, – бормочет Зоя.

Как только я вывожу ее с минного поля, Зоя сразу вырывается вперед. Ветку монорельса видно уже отсюда – там и тут она торчит за разрушенными домами. Дома завешаны бельем и связаны паутиной медно-алюминиевых проводов. Выйдя на проспект, мы вливаемся в группу аборигенов, неторопливо шагающих прямо по нашему курсу. В основном это женщины и старики, неумытые и расслабленные, одетые аляповато, с пробелами гардероба, заполненными элементами уставной формы одежды. Все несут какую-то тару: кто – канистру, кто – трехгаллонную бутылку; двое плутоватого вида пенсионеров тащат котел с краником. По другой стороне улицы движется стая собак и детей.

Зоя вскоре опять начинает мурлыкать, а потом напевать что-то непонятное, то ли на финском, то ли на венгерском. Голос у нее действительно сильный, певческий. Спев пару куплетов и припев, Зоя косится на меня и замолкает.

– Да пой на здоровье, – говорю я.

Мы минуем расхристанного мужчину, лицом вниз залегшего посреди улицы. Упитанная облезлая кошка сидит у мужчины на спине, а ее странные, необычайно длинноногие и разноцветные котятки потихоньку обглаживают пальцы лежащего. Зоя чешет бровь пальцем, потом поправляет ляжку.

– Привычка у меня, – говорит она, – все никак не отвяжется. Все время пели, – добавляет она.

Пели – во множественном. Где пели? Не в хоре. Тогда где? Как же хочется Зою распросить про ее подразделение, но не стоит. Задумавшись за рулем, Зоя иногда тянется к потолку, но потом убирает руку. В ее джипе на потолке ничего нет, а вот в броневиках обычно бывает радиостанция.

У шедших впереди нас пенсионеров отламывается ручка, и их котел падает в пыль. Пенсионеры отстают от колонны, и нам в спину несется их взаимная брань. Зоя кисло-ухмыляется какой-то своей мыслью. У парадной дома, который мы минуем, курят трое с автоматами. Стрелки одеты в одинаковую грубо пошитую форму – такую, какой ни в каких родах и видах войск не найдешь.

– Пели, говоришь? – не удерживаюсь я. – В твоём подразделении?

– Все время, все вместе, – отзывается Зоя. – Один заведет – и понеслась. От нечего делать, и чтобы забыться, как в трансе. После подъема, перед завтраком, в автопарке, в бане, в патруле. Перед боем. Иногда в бою. Все, что по радио давали, и вообще все, что попало. Просто отдельные строчки. Слова. Был один тип, он вообще говорить разучился, знал только уставные команды, либо просто говорил случайные фразы. Стоит молча, и вдруг говорит: “до отсечки”. Или “въеби клопа”. Или “заниженная”. Скажет – и замолкает.

– Скучаешь по ним?

– Нет.

Слишком резко. Она и сама, кажется, поняла.

– Не знаю, – поправляется Зоя, – вроде только что было, но уже как во сне. Как... как... – она замолкает.

На заповоленной ржавыми скелетами детской площадке собралась небольшая толпа, что-то происходит. Пластиковые домики и горки по большей части были растащены, но один аттракцион остался – веселенькой раскраски космический корабль. Одутловатый мужчина,

вокруг которого столпились люди, стоит на коленях, просунув руку через оба носовых иллюминатора так, что его предплечье торчит с другой стороны. Мужчина смотрит на людей испугано и панибратски-подобострастно. Он одет не по погоде: в старые сандалии и майку с заплатами и надписью “Республика” снизу. Две тощие женщины, вооруженные кухонными ножами, что-то плаксиво кричат стоящему на коленях, а подросток, одетый в коричневую форму на вырост, лениво и беззлобно отпихивает их прикладом. Остальные зеваки равнодушно наблюдают.

– Что это? – с непривычным мне напряжением спрашивает Зоя. – Казнь, да?

– Почему казнь, – отзываюсь я. – Просто этот деятель украл у кого-то из своего района.

Ну или просто кто-то сказал, что он украл.

К кораблю подходят двое горожан. Один из них берет ладонь “деятеля” обеими руками, словно функционер, поздравляющий рабочего-ударника. Его товарищ, хорошенько размахнувшись, бьет “деятеля” березовым поленом по локтю. Наказуемый издает неожиданно тонкий, дурашливый крик. Никто из нашей толпы даже и взгляда не уделяет этой экзекуции, зато Зоя слегка вздрагивает. Теперь я смотрю только на нее. В ДШМГ она долго не прослужила, это точно, но при этом ясно, что на войне она явно не с понедельника. Кто же научил ее носить кобуру на груди?

Мы оставляем площадку позади. Оглянувшись, я вижу, как экзекутор бьет поленом еще дважды, но ничего у него не выходит. “Деятель” подвывает и скулит, но вырваться даже не пытается. Наконец, хорошенько замахнувшись, экзекутор со всего размаху опускает полено на руку наказуемого. Раздается характерный треск, и рука изгибается в неправильную сторону. Вой “деятеля” переходит в поросычий визг. Почти сразу же его отпускают, и он, с плачем и истерикой вырвавшись из рубки корабля, падает в пыль, баюкая сломанную руку. Зеваки потихоньку расходятся.

Толпа гражданских сворачивает и направляется туда, где между двумя опрокинутыми домами стоит побитая осколками водонапорная башня. Мы же идем прямо еще пару минут, пока не выходим к станции.

На счастье, особого беспокойства в округе не видно. Все, как всегда. Станция находится на самом краю промзоны, она – предпоследняя на линии. Дальше – стена внешнего периметра, а за стеной – уже пустошь. Чужая земля. Когда-то эта станция, громада из бетона и мрамора, тянувшаяся к высотному монорельсу, была впечатляющей. Теперь ее бетон порябел, а мрамор раскрошился. Стены и лестницы станции исписаны ругательствами и странными лозунгами вперемешку с эндемичной для города наскальной живописью. Путь к станции перегорожен проволочным забором, опутанным колючкой. Толпа народу, человек в сто, наверное, трется у ворот. Публика разная; некоторые, как мы, тащат на себе битком набитые баулы. У ворот дежурят несколько вооруженных молодчиков, одетых в неладную, но крепко сшитую форму коричневого цвета. Над воротами красуется табличка с размашистой надписью: “ВЛАСТЬ СОВЕТАМ, А НЕ ПАРТИЯМ!”

– Совсем страх потеряли, – ухмыляюсь я. – Смотри внимательно, Зоя. На самом деле, ополчение Массива негласно контролирует и разбомбленный район тоже, но тут, у станции, начинается их полноправная вотчина. Будь начеку.

– Всегда.

При моем приближении горожане расступаются, морщась и сплевывая под ноги. Их неприязнь легко объяснить – мое перекошенное лицо покрыто наростами и лишаями, столь же омерзительными, сколь и фальшивыми.

– Так, давай, пошли! – командует старший коричневых, глянув на часы. Толпа гудит одобрительно и подается вперед. Усиленно работая локтями, мы с Зоей проникаем в первые ряды.

Одного человека уже пропустили – он спешит вверх по лестнице; слева от ворот молодчики обыскивают пару сумок, принадлежащих очень сомнительного вида личности в черном капюшоне.

– Фу, сука, вот ебало! – глянув на меня, морщит нос часовой. – Семен, речников принесло.

– Пораньше встанешь – побольше сделаешь, – приветливо скриплю я, сверкая железными коронками.

– Э, а где этот, который? – хмурится Семен, косолапя к нам. Крест на рукаве – значит, сержант ополчения. – Ну этот, обычно который?

– Косой, что ли? – скалюсь я. Семен неуверенно кивает. – Анемийка прижала. Оклема-ется – приедет.

– Ну-ну, – кивает Семен. – Показывай, че привез, речник. Нет, ты ставь, сам посмотрю. Там стой. Ты тоже, девка.

Я сразу предъявляю солдатам свой набор отмычек и мультиинструмент. Они не вызывают интереса. Семен начинает без особого энтузиазма копать в набитых гадами баулах, а нас с Зоей проводят сквозь металлодетектор, а потом дотошно обыскивают двое в перчатках и масках. Зоя даже бровью не ведет, когда ее бесцеремонно шупают за грудь и между ног.

– Нахуй с ними связалась, девка? – бормочет сержант, копаясь в своем подсумке. – У этого небось уже отгнило все.

– Че ты знаешь, дуб? – бойко отзывается Зоя. Семен жмет плечами.

– Шла бы к нам, у нас все ладом, – развивает мысль он.

– Время – денежки, товарищ сержант, – деликатно тороплю я.

– Сфинкс тебе товарищ, речник, – хмурится он. Я прикусываю язык.

Семен извлекает из подсумка громоздкий дозиметр и, включив его, проводит сначала над одной сумкой, потом над второй. Пройдя пол сумки, дозиметр внезапно начинает трещать. Семен сразу же замирает, а потом внимательно смотрит на меня. Холодок возникает в моей груди.

– Санек – смотри его, – командует сержант. Со стороны пулеметного гнезда доносится клацанье затвора. Семен лезет в сумку обеими руками. Несколько раз ему попадаются костяные детали, но пока он лишь недоуменно смотрит на них.

– А чистить мне, что ли? – тихо ворчит он. – И дерут же втридорога, шкуры. Не помню, когда селедку нормальную ел, без этого триппера. У малого что ни день – живот крутит...

Он все больше углубляется в сумку. Зоя бросает мне обеспокоенный взгляд. С каждой рыбой лицо Семена становится все более хмурым.

– О! – вдруг озадаченно говорит он, и снова смотрит на меня. – А это че?

Я чувствую, как вокруг напрягаются ополченцы. В толпе намечается недовольство – спрашивают, когда уже пропустят, ругают речников. Новоприбывшие напирают. Я поспешно подхожу к Семену и сажусь рядом, на корточки – так, чтобы закрыть собой сумку. Гримасу боли играть не приходится. От Семена смердит дешевым одеколоном.

На самом дне баула, вся покрытая слизью и жиром, притаилась маленькая баночка с желтоватой жидкостью. Попав на свет, пиявки, облепившие стенки баночки, оживляются.

– Это че такое? – нехорошо ухмыляется Семен.

– Давай договоримся, а, сержант? – заискивающе улыбаюсь я, и лезу в карман.

– Уже договорились, – говорит Семен и, забыв брезгливость, берет баночку и кладет себе в карман, после чего снова поднимается в полный рост. Всем своим существом я выражаю плохо скрытое негодование.

– Съел, речник? – говорит Семен. – Теперь иди. Продавай своих гадов, – скалится он. – Этих пропускаем, Санек.

В последний момент сержант ловит меня за локоть и, придвинувшись вплотную, говорит с неприкрытой угрозой:

– В следующий раз чтобы столько же принес. Понял? Или твоя соска натурой заплатит.

Я любезно киваю и, раскланявшись с ополченцами, подбираю сумку с земли. Только на подходе к лестнице, когда мы уже проходим пулеметное гнездо, Зоя решается заговорить.

– Елки-палки, я уж думала – все! Ну даешь. Че ж ты мне про банку не сказал?

Я первым начинаю подъем по лестнице, стараясь не кряхтеть.

– Знаешь, – говорит Зоя. – Мне все как-то не по себе от того, что мы Аркашу так оставили, Петя.

– Ничего с ним не будет. Сутки проспит, как минимум. Успеем вернуться. Если не успеем – я попросил девчонок из левого крыла подойти. Потому и дверь запер на один замок – от него у них есть ключ. Они обо всем позаботятся.

– Не больно-то веришь им?

– Я – чекист, Зоя. Сдать меня некому, обокрасть – себе дороже. Это они все знают, – говорю я.

Девочки также знают, какая часть выручки их конторы приходится командованию Управлению, а какая – конкретно моему подразделению. А еще они знают, что я ем, где убираться в моей квартире, и когда ко мне положено приходиться одной и с массажными принадлежностями, а когда – с подругой и на всю ночь.

– Неужели тебе его ничуть не жалко, а? – спрашивает Зоя. – Брат, все таки. Семья.

Вместо ответа я набираю скорость. Достигнув верхней площадки, я выглядываю из-за угла. На платформе уже стоят человек двадцать, не меньше. Ждут поезда.

– “Тот, кто сотворит зверя из себя, есть тот, воистину, кто избавит себя от страданий бытия людского”, – вдруг говорит Зоя. – “Да будут вечно жить труды Виктории Ворониной”.

Вздвигнув, я оборачиваюсь к ней, и Зоя кивком указывает на надпись, украшающую вход в помещение станции. Надпись нанесена газетным шрифтом, явно по трафарету. – Не нравится мне это, Петя, – говорит Зоя.

– Можем обратно повернуть, – предлагаю я. В ответ Зоя только фыркает.

На платформе я оставляю свою спутницу в компании сумок и пробираюсь к служебному помещению. Сквозь хлипкую дверцу я улавливаю силуэты работников монорельса: двое у приборной панели, один на коммутаторе и трое – у радиоприемника. “Динамо”, похоже, ведет. Подловив момент, когда группа пассажиров, идущих мимо, загораживает меня, я вытаскиваю мультиинструмент и проникаю в висящий на стене щиток. Я думаю о том, какие звуки будут издавать пальцы сержанта Семена, когда я стану отделять их плоскогубцами и раскладывать перед ним на тарелке, фалангу за фалангой.

– Ну, чего? – спрашивает Зоя, когда я возвращаюсь.

– Порядок. Часа три у них связи не будет. Думаю, обернемся.

Поезд прибывает строго по расписанию. Состав немного похож на ракету: стальной локомотив имеет форму сплюснутого цилиндра, также как и три его вагона. Из его труб валит белый дым, быстро окутывающий станцию. Зоя закуривает, и дым от ее сигареты смешивается с дымом локомотива. Я помню, что раньше вагонов у поезда было гораздо больше. Помню, что у него не было этого грязного оттенка, и не был он обшит арматурой. Он пронесился по белоснежному монорельсу над головами людей, и, хотя все мы знали, что будущее таит в себе много тяжелых испытаний, этот белый болид всегда оставался для нас символом надежды. То время прошло.

Двери вагона открываются, и наружу степенно выходит панцирная крыса. Хамская самоуверенность написана на ее физиономии. Кажется, еще мгновение – и крыса потребует с нас билетика. Зоя скармливает ей кусочек рыбы. Внутри вагона темно и тесно; его стены гораздо

толще, чем кажется снаружи. Сам отсек забит пассажирами. По носу сразу бьет запах нечистот. Сор хрустит под ногами. Толстые мутные стекла закрыты сетью металлических полос. На счастье, прямо напротив входа освобождается место, на короткой лавке у окна.

Я сбрасываю сумку и ставлю ее рядом с лавкой. Ровно в этот момент, толкнув меня плечом, на лавку садится коренастый тип с пластиной, выступающей из под жидкого зачеса. Тип кладет ноги на мою сумку и смотрит мимо меня остановившимся взглядом. Его покрытый чирьями сосед сначала недружелюбно пялится на меня, а потом переводит взгляд на Зою. На его лице сразу же появляется кривонозкая ухмылочка. Он торопливо встает с места и услужливо отступает в сторону. Зоя явно что-то чувствует, потому что берет меня за рукав.

– Петя, не...

Слегка отклонившись назад, я бью сидящего на лавке ногой в лицо. От встречи с подкованной подошвой ломаются, кажется, сразу все кости его лица. Пассажир извергает поток зубов, кровавых слез и соплей; по черепной пластине идет трещина. Я помогаю ему не упасть ударом в солнечное сплетение. Тип трясется, захлебываясь, пару секунд, потом дурашливо закатывает глаза.

– Безбилетник, – поясняя вагону я. После этого я хватаю коренастого за грудки и выбрасываю на платформу, как почтовый мешок.

Только садясь на лавку, я замечаю, что чирьеватый сосед куда-то испарился. Я с сожалением вздыхаю и устраиваюсь поудобнее.

– Садись, – говорю я Зое. – Еще находимся.

Пассажиры перетекают в вагон с платформы, аккуратно переступая через лежащего человека с пластиной. Большинство собираются в кучки, но некоторые, как и мы, держатся на отдалении от прочих. Тоже, наверное, едут в гости. Постояв с минуту, поезд дает гудок, и платформа уходит влево.

Мы проезжаем над цехами сталепрокатного завода, над стоянкой грузовиков, мимо кирпичной башни пожарной станции и окраинных двухэтажек. Клин ширококрылых летунов следует параллельно нашему курсу. В какой-то момент, гудение поезда и приглушенный вой ветра перекрывает надсадный кашель. Мы с Зоей поворачиваемся на звук и видим, что в другом конце вагона материализовался коренастый мужчина пенсионного возраста, одетый в ватник и каску. Меж его кавалерийских ног стоит баул на колесиках. Поправив каску, мужчина дальнорочно шурится и занимает позу оратора.

– Ну с утра-то зачем... – бормочет Зоя. – Слушай, а расскажи мне про этот твой Массив, куда едем.

– С радостью. Что именно?

Зоя с ногами забирается на лавку и обхватывает руками колени.

– Не знаю. Чего-нибудь. Погромче.

– Массив... что тут скажешь. Его возвели для приезжих рабочих и инженеров – тех, кто стоил Новый Город. Сначала одну многоэтажку, потом другую. Потом фабрики, гидропонные оранжереи, ветрогенераторы. Весь комплекс – как один большой муравейник, каждый блок соединен с другими системой высотных переходов. Со временем Массив так разросся и сросся, что с первое здание кроме как с воздуха не разглядишь. Теперь его называют Блок “А”, и в него-то мы с тобой и едем.

– ...две ложки на стакан – и хер стоит, как автокран! – заглушает меня пенсионер, потрясая пакетом с початками, которых не найдешь в энциклопедии. Его голос одновременно зычен и полон безысходного смирения; его лицо выглядит так, словно он перестал считать инсульты. Доселе инертные пассажиры начинают разворачиваться к нему. – Не имеет аналогов в мире!

Порывшись в сумке, он извлекает наружу громоздкий предмет, представляющий собой систему линз и излучателей. Предмет покрашен облупившейся салатовой краской и весьма

радиоактивен. – Ни одной паленой! – заявляет пенсионер, поддерживая прибор клешней своего протеза. – Все светят, гарантированно!

Последние городские постройки кончаются, уступая место полосе отчуждения. Опершись на спинку лавки, Зоя приподнимается, чтобы посмотреть в окно.

– Ух ты! – говорит она.

– Что, еще производит впечатление?

Стена городского периметра возвышается на девять с лишним метров, почти доставая до монорельса. Она тянется на восток и на запад, обручем охватывая городские окраины. Когда-то стена состояла из цельного железобетона, но годы не были с ней ласковы. Появившиеся бреши заделывали тем, что было под рукой: листами стали, мешками с песком, сварной решеткой. На равных промежутках стену разделяют сторожевые башни, на площадках которых громоздятся прожектора и автоматические орудия.

– Эти уже года два как отстрелялись, – говорю я. – Одни остовы, на самом деле. Пару лет назад кто-то срезал всю проводку на лом.

Цены на проводку я утверждал лично.

Сразу за периметром город обрывается, словно кулья. То, что когда-то было домами пригородных поселков, буря сравняла с землей; даже очертания дорог стало сложно рассмотреть. Громада Массива, похожая отсюда на крейсер, теперь явно различима на фоне утреннего неба. От цели нас отделяет только кусок пустоши, покрытый волнами сопки. Мы быстро сокращаем дистанцию.

– Ничего себе, – говорит Зоя, широко раскрыв глаза. – Это сколько же в нем народу живет?

– Десятки тысяч. Никто точно не знает. Переписей там ох как давно не проводят.

Мы вплотную приближаемся к комплексу. Состав сбрасывает скорость, скрипят тормоза. Тень наползает на поезд, отсекая солнце. По обе стороны от вагона вырастают стены многоэтажных домов, сращенных воедино. Слышен гул открывающегося гермозатвора – мы прибываем на станцию.

Платформа, поднятая над землей на бетонных опорах, напрямую соединяется с небольшой площадью, ведущей к парадной блока “А”, расположенной на высоте пятого этажа. Раньше была еще одна такая же платформа, со стороны реки. Оттуда вторая ветка монорельса вела к окраинам Нового Города. Она теперь нерабочая.

– Ну чего, на выход? – с хорошо скрываемым волнением спрашивает Зоя.

– Гляди в оба, глаза на затылке.

Торговец на полуслове обрывает рифмованную тираду и, катя баул за собой, выходит первым. Пассажиры неторопливо вытекают вслед за ним. Помедлив, мы берем свои сумки и тоже покидаем вагон. С шипением, двери поезда закрываются за нашей спиной.

Когда наш поезд уходит, он проезжает через тоннель, сделанный в здании, и створка ворот закрывается за ним. Мы оказываемся в своеобразном дворе, со всех сторон окруженном стенами многоэтажных домов. Из окон долетают мощные басы и монотонный вокал. Ветер доносит запах копченой рыбы и каннабиса. Кто-то очень плохо играет на гитаре; пьяно орут строевую песню. Палатки и лотки торгашей пестреют по обе стороны от монорельса; вокруг каждой трутся люди и животные. Возле обезглавленной и оскверненной статуи собрались стайкой девочки, скверно покрашенные и еще хуже одетые. Они глядят на приезжих голодно и искательно. Как перекасти-поле, ветер гоняет по площади летучий сор.

После падения Нового Города, Массив пережил тяжелые времена. Зарплаты и пенсии рухнули ниже плинтуса, люди месяцами находились в отпусках. Здания комплекса перестали ремонтировать, началось самовольное строительство. Управление отделилось от Массива. Из инженеров и механиков, поддерживавших работу комплекса, сформировался неформальный

совет, который взял на себя управление делами Массива. После появления Удильщика и Предательства Воронина, железобетонный улей стал главным центром преступности в городе, берлогой для всех его отбросов. Со временем, многочисленные банды, нашедшие прибежище в комплексе, объединились в ополчение, подвластное совету Массива. После нескольких неудачных рейдов и провалившегося проекта сноса комплекса, Массив был брошен властью на произвол судьбы. С годами, он превратился в лабиринт, по устройству которого в моей альма-матер сдаются зачеты. Все те, кто подверглись преследованию Управления, но не смогли покинуть пустошь, осели здесь.

Мы стоим посреди платформы, и я чувствую, как в нашу сторону постепенно обращается все больше любопытных взглядов. Мутные персонажи, что ехали вместе с нами, быстро проходят мимо. Некоторые останавливаются, чтобы поговорить с теми, кто трется возле палаток. Большинство, не задерживаясь, проходит в парадную через тяжелые двойные двери. Кроме этих дверей выходов с платформы не видно. Зоя собирается было идти к дверям, но я придерживаю ее за локоть.

– Ничего не замечаешь? – спрашиваю я. Зоя заметно напрягается и коротко качает головой. Ее глаза начинают молниеносно перескакивать с окна на окно, с лица на лицо, обыскивая двор в поиске угрозы. Но, как она ни вглядывается, ей не видно того, что я заметил сразу. Над двойными дверьми, ведущими в парадную, раньше были окна. С моего последнего визита кто-то заделал их. Вот только плохой, видно, был каменщик. Тут и там в кирпичной кладке виднеются разновеликие отверстия, диаметром от кулака до баскетбольного мяча. За каждым из них я вижу жар человеческих тел, биение возбужденных сердец и сталь.

– Нас ждут, не иначе, – говорю я. – Не дергайся. На три часа, над дверьми.

– Ах ты ж тварь, – шепчет Зоя. – Прямо на линии огня мы.

– Три... нет, четыре автомата или винтовки и... пулеметный расчет.

– Сука. Думаешь, Семен стуканул?

– Может быть, может и нет. Может, они и не нас вовсе ждут. Так или иначе, по-хорошему не вышло. Раз так – будем как всегда. Спинай повернись.

Из Зоинной сумки я извлекаю большой шар, слепленный из серой бумаги. Аккуратно сняв с шара верхушку, я закрываю полученное отверстие рукой. Я ощущаю, как что-то ползет по моей ладони, царапая кожу лапками. Потом я чувствую легкий укол. Я закрываю крышку. Через несколько секунд после этого, шар ощутимо вибрирует, словно десятки маленьких крыльев одновременно ударили по воздуху. Зоя отшатывается.

– Это что? Это у меня в... в сумке было? Ебаный...

– Успокойся, – говорю я. – Без сигнала они не проснутся.

– В нем что, пчелы?

– Не совсем. Мы называем их светляками...

– Ненавижу всю эту жужжащую проблядь!

– Я учту. Теперь положи ладонь на улей.

– Чего?! Ты совсем ебнулся? Убрал эту залупу от меня, пасечник хуев! – шипит Зоя. На ее лице написано величайшее отвращение.

– Не капризничай, вот так.

– Я тебе перебебу сейчас, понял? – вдруг совершенно ровным голосом говорит Зоя. – Нет – значит нет.

– Эээ...

Зоя молча смотрит на меня.

– Знаешь, – помешкав, говорю я, – а я вот моли боюсь. И тараканов.

– Врешь! Как можно бояться моли, Петя? Это уже... фарс какой-то.

– Сама ты фарс. Тебя просто в чулане не запирали. На полдня.

Зоя пренебрежительно фыркает, но чуть-чуть да расслабляется.

– Положи руку, пожалуйста, – прошу я. – Я рядом. Больно не будет, обещаю.

Помедлив, Зоя глядит мне в глаза, а потом все-таки накрывает улей ладонью. Ее рука сильно дрожит, и, особо не задумываясь, я накрываю ее ладонь своей. Если она сейчас дернется, ничего хорошего не случится.

– Еще чуточку. Видишь – ничего страшного, – говорю я. Зоины глаза округляются, когда часовой начинает карабкаться по ее ладони. Она порывается убрать руку, но я удерживаю ее. – Он просто хочет познакомиться. Все как надо.

– Ничего хорошего! – нервно говорит Зоя. – Сказал же – они спят.

– Часовые никогда не спят. До самой смерти.

– Ненавижу мух. И ос. Все это говно... ненавижу, – говорит Зоя. Она морщится, когда часовой берет пробу ее крови. Улей отзывается гудением, и я закрываю его крышкой.

– Вот и все, – говорю я, – теперь осталось только подобраться поближе...

– Не надо, – обрывает Зоя. – Как этим пользоваться?

– Вращаешь по часовой стрелке, потом резко – против часовой. Если этого не сделать, они посыпятся из улья, как горох...

– Дай! – Зоя отбирает у меня улей. Она яростно вертит его, а потом бросает одним плавным движением, грациозно изогнувшись всем телом. Выпущенный, словно снаряд, улей мчится над платформой и попадает прямо в бойницу, за которой притаился пулемет.

– Ничего себе! – не удерживаюсь я.

– Первый юношеский по метанию ядра, – хвастается Зоя. Она собирается добавить что-то еще, но тут из здания напротив раздается душераздирающий визг.

– Пошли! – команду я. Прежде, чем кто-то во дворе успевает сообразить, что происходит, мы оказываемся внутри здания.

Вестибюль встречает нас громогласными воплями и жужжанием крыльев. Ополченцы беспорядочно мечутся, пытаясь стряхнуть с себя светляков; одни бросаются из стороны в сторону, врезаясь во все на своем пути, другие уже валяются с пеной у рта, суча ногами. На нас светляки не обращают никакого внимания. Тяжелые, как атомолеты, они разлетаются в поисках целей, обманчиво медлительные и грозные. Их белая кровь пульсирует в темноте, просвечивая сквозь внутренности. Я переступаю через тела, попутно освобождаясь от грима.

Дверь, ведущая к служебной лестнице, заперта на оскорбительно хлипкий замок, дужку которого я перекусываю, практически не сбавив скорости. Мы проходим на лестницу, а позади нас весь блок приходит в движение.

4. А

рбатский палач

– Давай стволы достанем, а? – опять просит Зоя.

– Рано.

– Но прикрытие-то наше сорвано, Петь.

– Там, куда мы поднимаемся, прикрытие нам без надобности. Сюда.

Посреди заваленного покрывками коридора находятся лифтовые двери. “ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ” – гласит размашистая надпись.

– Помоги-ка мне с дверями, – прошу я.

– Но написано же – не работает!

– В конституции про права написано. Тоже веришь?

Лифт находится прямо за дверями; не приходится ни подтягиваться, ни заползать. Лампочку украли, кнопки расплылись, пол в два слоя покрыт окурками, а стены – ругательствами. Как пахнет, не хочется и говорить. Однако, как только я нажимаю на кнопку, лифт сразу же начинает подниматься. Зоя нервно оглядывается, смешно распахнув глаза, тщась что-то разглядеть в абсолютной тьме.

– Я предполагаю, что цель – в этом блоке, – говорю я.

– Предполагаешь?

– Мы поднимемся на пять этажей – туда, где живет одна моя знакомая. Она подскажет, куда дальше. Эти пять этажей – самые важные для нас, их иначе как на этом лифте не миновать.

– А чего так?

– На них расположены казармы ополчения.

– Ой, блять.

– Ничего. Про этот путь мало кто знает.

Лифт замирает, и, как только двери распахиваются, кабину заливают интенсивный розовый свет. С этажа в лифт врывается какофония звука: синтезированная музыка, шум голосов, хохот и стоны, запах “Победы”, пиявок, половых отправлений и кто знает, чего еще. На табуретке, стоящей аккуратно напротив дверей, прикорнул обтянутый кожей скелет, вооруженный “Сайгой”. При нашем внезапном появлении скелет вскакивает и с неожиданной прытью вскидывает ружье.

– Вольно, товарищ сержант, – говорю я.

– Петр Климентьевич?!

Выпучив желтоватые глаза, скелет опускает ружье.

– Во плоти, – киваю я. Зоя косится на меня.

– Но вы же... вас же сюда не...

– Персона нон-грата, знаю. Мне претят подобные формальности. Где Саша, сержант?

– Во второй студии, товарищ комгруппы.

Я киваю ему и даю Зое знак следовать за мной.

– Всегда рады вам, товарищ комгруппы! – в спину нам говорит скелет.

Мы заходим в коридор, освещенный неоновыми трубками. Через равные промежутки здесь расположены большие входные двери; надписей и указателей нет. Нам навстречу, хихикая, выходит стайка юных девиц, одетых в белые рубашки, белые чулки с подвязками, туфли и красные галстуки. За ними следом, с лицом отца, пришедшего платить алименты, шаркает ожиревший пенсионер, наряженный в форму генерала американской морской пехоты. В авоське генерал несет несколько каучуковых шаров и моток веревки.

– Это что за место? – полным недоумения голосом спрашивает Зоя, снова и снова оглядываясь на миновавшую нас процессию – до тех пор, пока та не скрывается за углом.

– Это? Это “Бездуховность”, – говорю я. – Крупнейшая в пустоши фабрика развлечений для масс.

Вторая студия, как и все остальные, отделена от главного коридора металлической звукопроницаемой дверью, над которой неоновыми трубками выложена цифра “2”. Я пропускаю пожилую уборщицу, сметающую бумажки, и берусь за ручку двери.

– Хочешь – подожди меня в баре, – предлагаю я. – Он там, за поворотом. Я быстро.

– Дудки, – решительно отвечает Зоя.

С дивана, стоящего напротив двери, мне навстречу поднимается пара бордовых буйволов. Несмотря на расслабленные позы, животные дышат тяжело; их майки липнут к телам от пота. Жира в их телах вообще нет, в принципе; бугристые вены покрывают их лица и руки плотной паутиной. Кажется, один из них на определенном этапе жизни был женщиной. За спинами буйволов – закрытые офисные двери, справа – перегородка из стекла.

– Тише, товарищи, – говорю я. – Это же я.

– А, – говорит один. Второй согласно кивает. Диван мучительно трещит, принимая обратно их вес.

– Е-мое, – говорит Зоя, прижавшись носом к стеклу.

За стеклом находится просторная и ярко освещенная комната с убранством в духе рококо и кроватью с балдахином посередине. Перед кроватью стоят несколько камер, на кровати лежат несколько юношей и девушек, рядом с кроватью стоит пегий жеребец.

– Это что? – абсолютно неверяще спрашивает Зоя. – Это... конь?

– Конь, – киваю я.

За стеклом намечается движение.

– Приготовились! – раздаётся из комнаты. – “Драгунская баллада”, сцена три, дубль... где зонды? Кто опять проебал зонды?!

– Не опять, а снова! – доносится с постели.

Говорившая первой выходит из-за камеры, и я вижу, что это – стройная и элегантная женщина лет тридцати пяти, одетая в пуловер и обтягивающие джинсы.

– Это она, – показываю я. – Саша. Она поможет нам добраться до Алхимика.

– Сахаров! – вещает Саша, – еще раз рот открой – будешь Бригадиру сосать, вместо Пушкиной.

– А хоть бы и так! Я не в силах работать в таких условиях!

– Ебало задраил, сучоных! Настя, ты помнишь – сначала Игнатьев кончает, а потом, и только потом ты подставляешься Бригадиру. Поняла? Игнатьев, помни – на лицо, но в рот тоже постарайся попасть.

– У меня опять упал, Александра Сергеевна.

– Как хочешь поднимай! Где зонды, блять?

Дверь из коридора открывается, и в комнату входит девица с подносом в руках. Кроме туфель на ней ничего не надето. Волосы у нее монотонно синие, как безоблачное небо. На ее подносе лежат портсигар и футляр с уретральными зондами, выполненными из серебра. Телохранители провожают девицу абсолютно безразличными взглядами. Улыбнувшись нам, девица мыском туфли открывает стеклянную дверь и проходит в “спальню”, качая пышными бедрами.

– Наконец-то! – восклицает Саша, и берет с подноса портсигар. Раскуривая сигариллу, она поворачивается спиной к камере и видит нас. Я машу ей. Саша сначала недоуменно хмурится и поправляет очки, но потом отвечает. Девица, оставив футляр, возвращается в комнату и сразу подходит ко мне.

– Александра Сергеевна сейчас подойдет. Садитесь, я вам пока минетик сделаю.

– Нет, спасибо.

– Может, куни? – девица белоснежно улыбается Зое.

– Ну коняшку-то зачем? – не в силах оторваться от стекла, бормочет моя спутница.

– Может, принести чего-нибудь? – услужливо спрашивает девица.

– Чай из листьев китайской камелии. Зоя?

– Кофе. Черный, без сахара.

– Сейчас все принесу, – снова улыбается девица. – Пожалуйста, раздевайтесь, садитесь.

Вещи можно тут оставить.

Пристроив куртки на вешалку, мы устраиваемся в креслах. Синеволосая приносит чай и кофе, а потом остается, чтобы помассировать нам плечи. Я не противлюсь.

– Откуда? – спрашивает Зоя, отхлебывая кофе. – Как, Петя? Я ни хуя не понимаю.

– Откуда меня все знают? В свое время я занимался здесь... деятельностью. По приказу командования.

– А именно? – спрашивает Зоя, и закидывает ногу на ногу.

– Обеспечивал защиту. Поставлял кадры. Много чего.

Я отхлебываю чай. Напротив, за стеклом, мятежный Сахаров оказался под конем.

– Управление, Зоя, находится в состоянии холодной войны с Массивом. Находилось. При этом Массив является неотъемлемой частью городского бюджета. Казино, водочный завод, оружейные мастерские, метамфетаминные кухни, бордели – вот только часть расположенных здесь организаций, и многие городские предприятия так же принадлежат комплексу. Ты удивишься, если узнаешь, какие высокие чины по вечерам ездят в Массив. Совет ополчения спон-

сирует художников и музыкантов, в замен те представляют Массив в культурном обществе, в пустоши и за пределами. В соседнем блоке расположена единственная в пустоши печатная машина, на коей производят все, начиная от еженедельных газет и до плакатов про то, что делать при столкновении со сфинксом. В основном, конечно, порнографию. Интернета больше нет, так что люди вроде Саши печатают деньги.

– И ты здесь управлял? В “Бездуховности”?

– Курировал. Помогал, чем мог. Взамен, часть их налогообложения причиталась моей группе. Остальное шло командованию Штаба, которое назначило меня сюда.

– И что случилось?

– Не важно. Грязная история. Ополчение в то время как раз набрало силу, и нас окончательно вытеснили. Эти красотки, – я киваю на телохранителей, – не часть ополчения, но формально ему подчиняются... Связь комплекса с городом осталась, и налоги Массив платит, но Управление сюда теперь – ни ногой. Очень многим в Штабе это не по нраву.

Раздается глухой звон, и мы вчетвером резко на него разворачиваемся. Но это просто Саша задела дверь кобурой, выходя из спальни.

– Пойдем, – говорит она мне.

Мы выходим в коридор, и Саша закрывает дверь. Я замечаю, что в губе она по-прежнему носит колечко с александритом. Браслет на руке, правда, новый.

– Привет, Смерш, – говорит Саша, и легонько чмокает меня в уголок губ.

Я молча кладу руки в карманы.

– Прости, – говорит она, – нервы. Давно тебя не было. Что случилось?

– Не здесь, – отвечаю я, и Саша кивает.

Она проводит нас в соседнюю студию и закрывает дверь. В центре студии сидит на табурете и грызет яблоко обнаженная девушка лет пятнадцати. Напротив нее стоит мольберт, за мольбертом скрючился мрачный художник. На нас художник даже не оглядывается. В дальнем углу стоит пианино, и кто-то на нем играет, едва касаясь клавиш.

Мы занимаем столик рядом с окном; через полминуты подходит девица с подносом и расставляет сосуды для напитков – две чашки, граненый стакан и бутылку. Пока она разливает, Александра достает откуда-то пластиковую бутылочку, а из бутылочки – одну таблетку. Как только синеволосяя уходит, Саша кладет таблетку себе под язык, скидывает балетки и вытягивает свои длинные ноги на диванчике.

– Ты, надеюсь, не забыл, чем все в прошлый раз закончилось, – говорит Саша, – тебе тут нельзя обретаться.

– Я только на минутку, – отвечаю я. Саша задумчиво кивает чему-то своему.

– Дрянь твой чай, – замечает она. – Как ни вари.

Она снимает очки, до половины наполняет свой стакан, а потом достает из кармана маленький металлический флакончик. На тыльную сторону ладони она насыпает две горсточку белого порошка, и втягивает их – одну левой ноздрей, вторую правой, остатки слизывает языком. Не теряя импульса, она берет стакан и опрокидывает его в себя. Потом Саша откидывается на спинку диванчика и распускает свои длинные каштановые волосы.

– Будешь? – спрашивает Саша, открывая портсигар.

– Я буду, – говорит Зоя.

– Не связывайся с ним, конопатая, – расслабленно наставляет Саша, протягивая Зое портсигар. Та берет две сигариллы. – Он только выглядит, как Марк Антоний.

– Как кто?

Александра только тяжело вздыхает и закуривает.

– Саша в свое время была замминистра культуры, – улыбаюсь я. Саша мрачно качает головой. – Потом возглавила министерство пропаганды, перед самой войной, – добавляю я. – Ей только дай поговорить о потерянной культуре.

Зоя задумчиво шевелит ушами.

– Так вот, – говорю я, – я хотел...

– погоди, – перебивает Зоя. – Минпроп? Это не твоя конторка все эти ролики клепала? “Я – молодой разведчик”, “Без боя нет победы”? – сыплет вопросами Зоя. Ее глаза загорелись. – И этот, ну тот, где танки десантируются и в конце еще сам Воронин такой говорит: “хочешь узнать больше?” Это он настоящий был? Виктор?

– Настоящий, – улыбается Саша. – И да, это наши поделки. Понравились?

– Ага, – отвечает Зоя. Саша, хмыкнув, расправляет волосы.

– Чего? – спрашивает Зоя.

– Просто не ждала такого энтузиазма от... хм.

– От кого, от солдата? Почему? Мечтать все любят.

Саша снова улыбается, но в этот раз грустнее.

– Мне тут гораздо больше нравится, – говорит она. – Тут честнее гораздо. Если хочешь, приходи ко мне потом. Скучно не будет.

– Я подумаю, – отвечает Зоя.

– Минпроп, кстати, вообще разогнали, слышал? – говорит Саша, повернувшись ко мне. – Теперь просто крутят речи Романова в прайм-тайм. За одну неделю сократили десять тысяч человек, просто выкинули на улицу. Как меня. Меня-то хоть за дело – за тот самый ролик с Виктором. Народу это все теперь без нужды – так говорит товарищ адмирал. Народ до последнего ляжет за родную землю! Пффт...

– Ты не согласна?

Саша жмет плечами и затягивается. Потом наливает себе еще полстакана и выпивает залпом, вынув сигариллу из губ.

– Последнюю демонстрацию год как расстреляли, – говорит она, и снова затягивается. – С тех пор народ молчит. Когда он заговорит, он будет говорить без слов.

Она выдыхает дым в потолок.

– Я слышала про Штаб, – говорит Саша. – Что там стряслось?

– Я не знаю. Никто не знает. Даже Удильщик, – отвечаю я. Саша хмурится.

– Он тебя послал, так?

– Нет.

– Да. Я знаю – это ты на станции бардак устроил. Кроме как для него, ты бы такого не сделал.

– Послушай...

– Не буду. Твоя жизнь. Что хочешь – то и делай, Смерш. Я тебе не указ. Теперь говори, что тебе нужно. Я помогу.

– Я пришел за Алхимиком.

Саша морщится.

– Чтобы ликвидировать, я надеюсь?

– Нет. погоди, ты знаешь, что он здесь? Его весь город ищет!

– Неделю как узнала. Позвонил бы – сам узнал.

Я поднимаю брови.

– Прости, – Саша разгоняет дым ладонью. – Это я зря... знаю про него, да. Он жил тут с полгода, может дольше, но неделю назад всплыл, активизировался. Начал свои поганые эксперименты. У него убежище на девятнадцатом.

– Что еще скажешь?

– Он никогда не выходит, но из его лаборатории постоянно что-то выносят, – говорит Саша, и стряхивает пепел в пепельницу. – В мешках, – с отвращением добавляет она. – У него охранники. Много, отлично вооружены. Ополченцы. Я хочу тебе помочь, но не могу – Совет нас в бараний рог согнет. Им наша свобода и так поперек глотки.

- Я бы и не стал просить. Значит, Алхимик работает на ополчение?
- Может быть. Не знаю. Что-то мутное там творится. Недавно к нему были посетители.

Военные.

- Не из 303-й?
- Не знаю... Не знаю. Что-нибудь еще?
- Нет, – говорю я, и поднимаюсь. – Спасибо тебе, Саш.
- Я вас провожу, – говорит Александра. Прежде чем встать, она берет бутылку и делает

из нее несколько больших глотков, запрокинув голову. Она встает не покачнувшись.

Забрав свои вещи, мы проходим по извилинам коридоров к служебной лестнице, выход на которую закрыт стендом с постером фильма “Рыцари Анального Полураспада”. Саша поднимает засов и открывает дверь ключом.

- Четыре этажа вверх, ребята, – говорит она. Зоя тут же исчезает за дверью.
- Славная девочка, – улыбается Саша. – И фигуристая. В этот раз не облажайся, Смерш.
- Я...

– Мне вешать не надо, я тебя знаю. Помнишь, я тебе говорила – забудь про нее. Забудь. Она ушла, ты ее не вернешь. Двигайся дальше.

- Я двигаюсь. Четвертый месяц в завязке – не пью, не срачиваюсь...
- Хорошо, если так. Ты можешь быть нормальным – я-то знаю.
- Спасибо... ну, что веришь в меня после всего.
- Конечно верю. Знаешь, у меня к тебе поручение.

– Только скажи.

- В берлоге Алхимика может быть вычислитель, либо архив физических видеозаписей.

Если найдешь его – будь добр, изыми.

- А что на этих записях?

– Не важно. Знай, что этот урод насолил очень многим людям. Я не знаю, какое у тебя задание, но поверь – лучше будет, если Алхимик его не переживет. Он, и его архив.

- Сделаю все, что могу. Спасибо тебе еще раз, Саш. Прости, что я без предупреждения.

Думал – выходной, может, поменьше будет народу. Ты уверена, что все нормально будет?

Она как-то по-особому щурится, а потом снова достает флакончик с порошком.

- Не бойся, – говорит она. – Ничего не бойся. Никогда.

– Мне нельзя, ты же знаешь.

- Капельку – можно, – ласково говорит она. – От спины.

Саша насыпает себе горстку на тыльную сторону ладони, а левую руку кладет мне на шею. Она тянет меня за затылок – совсем не сильно, но настойчиво, пока я не склоняю голову и не втягиваю весь порошок до крупинки. Я целую ее руку, чтобы убрать остатки.

– Вот теперь иди, – говорит Александра, поправляя мне воротник. – Иди и покажи им всем. Не бойся за меня. Ничего не бойся.

Как только дверь за мной закрывается, в замке щелкает ключ.

Судя по отдаленным крикам, светляки по-прежнему вызывают ажиотаж у невольных энтомологов Массива. Мы минуем положенное количество ступеней, после чего я легко и непринужденно взламываю дверь, ведущую на восемнадцатый этаж, и аккуратно ее открываю. Катясь, капризно звякают бутылки, а после воцаряется тишина. Я внимательно прислушиваюсь, потом киваю Зое. Мы выходим и направляемся к главной лестнице. Небо за окнами наглухо закрыто пересечением бетонных многогранников; на ветру плещется рвань, свисающая с высотных переходов и из окон. Буря пробует силы.

- Чего затихла? – спрашиваю я.

– Ммм?

- Ну, там – в “Бездуховности”.

- Не хотела вам двоим мешать, – жмет плечами Зоя.
- Мы – просто товарищи.
- Теперь.
- Теперь.

Девятнадцатый этаж – такой же обшарпанный, как и восемнадцатый: штукатурка повисла лохмотьями, из освещения работает дай Бог если половина ламп, стены изрисованы от пола до потолка. Однако, с лестницы заглянув в коридор, я вижу, что у входа в одну из квартир стоят двое громил. Еще несколько трутся в дальнем конце коридора. Дверь охраняемой квартиры выглядит гораздо прочнее, чем у соседних. Похоже, стена тоже укреплена. Изнутри доносится приглушенная музыка. Не сказать точно, что играет, но явно что-то запрещенное.

- Нам сюда, – говорю я.
- Слушай, а как ты догадался, что Алхимик вообще в Массиве?
- Дедукция, мой дорогой В... – тут Зоя больно тыкает меня под ребра.
- Ну ладно, – ухмыляюсь я. – Слушать надо было. Помнишь дом №12, вчера вечером?
- Как я такое забуду?
- Эти операции... я видел результаты таких раньше. Я знаю, что за последние два месяца в комплексе находили трупы, сращенные таким методом, и все чаще. Только один специалист способен на такое.

- Он что, практиковался? Больной уебок.
- Алхимик, – говорю я, прислоняясь к стене, – не самый приятный в общении человек, но работает он только по найму.

- И на кого тогда он пахал?
 - Сама-то как думаешь? На Удильщика, конечно. Как и мы.
- Зоя качает головой, глядя себе под ноги.

- Ну а как ты понял, в каком блоке искать?
- А тут все просто. “А” – своего рода деловой район, – говорю я. Зоя обводит лестничный пролет взглядом, полным скепсиса. – “Бездуховность” ты уже видела. Помимо предпринимателей, тут селятся сутенеры, контрабандисты, ростовщики – весь свет. Если где-то и искать Алхимика – то здесь. Он имеет пристрастие к роскоши.

- Не он один, – говорит Зоя, глядя мне в глаза.

- Так все равно же пропадает – так лучше на меня, чем на бомбу, – говорю я. – Давай-ка взглянем, что это там за кадры стоят.

Тот охранник, что стоит ближе к нам, не доходит мне ростом и до груди, зато в плечах он шире раза в два. Его узловатые руки почти достают до колен, а ладонь лежит на рукояти огромного тесака, свисающего с пояса. Лица не разглядеть – оно скрыто за литой дюралевой каской, похожей на кастрюлю. Из-под каски торчит только скошенная, безгубая челюсть. Его товарищ отличается немногим, только вместо холщовой косоворотки и панциря он одет в кожанку грубой работы и вооружен палицей, а голову обмотал каким-то тряпьем.

- Что за козлوبيща? – шепотом спрашивает Зоя.

- Речники во втором поколении. Дети строителей Нового Города. Родились на неправильной стороне реки, незаконно перебрались через Вознесенский мост. Этим двоим еще повезло. Речники быстро вырастают, и умирают тоже быстро. Клеточные нарушения накапливаются. Если смогут к тебе подобраться – пиши пропало. Я видел, как такие голыми руками сгибают рельсы на городской свалке – там большинство подрабатывают.

- Понятно. Ну что, начали? – говорит Зоя, скидывая лямку с плеча.

- Нет. В лоб не пойдем – нет элемента внезапности. Неизвестно, кто там в соседних квартирах сидит. Есть мысль посочнее. Запомни номер квартиры.

Этаж, расположенный над нашей целью, заброшен. Освещение здесь не работает вовсе, а под нашими ногами хлюпает вода, вытекающая из прохудившейся батареи. Разбитые окна заколочены, и на этаже должна бы царить полная темнота. Но все не так.

Тут и там, крошечную тьму коридора растопляют небольшие скопления огней, озаряющие стены и потолок мягким светом. Зоя подходит к одному из этих скоплений и присматривается. Вблизи огоньки оказываются скоплениями луковиц, похожих на нераскрывшиеся цветы. Лепестки имеют металлический оттенок, и сквозь этот металл просвечивает что-то, мерцающее в центре луковицы. Все цветы мерцают вразнобой, но, если присмотреться, можно заметить, что в каждом соцветии цветы мерцают похоже друг на друга, а иногда все соцветия повторяют одну и ту же последовательность мерцаний. От каждого соцветия к другим тянутся тончайшие линии того же металлического оттенка, что и цветы. Зоя опускается на колено рядом с одним из соцветий и осторожно подносит к нему руку. Цветы начинают мерцать ярче, а частота мерцания меняется.

– Можешь потрогать, – говорю я, – они безвредные, насколько я знаю.

Мы называем их железноцветом. Чем ближе к реке, тем чаще они встречаются. Им не нужен ни свет, ни влага. Никто не знает, как они выживают и чем питаются. Пару лет назад кто-то доказал, что они реагируют на особый вид радиации, излучаемый мозгом. Что-то там про альфа-волны.

Зоя подносит руку к одному из цветков и прикасается к его лепесткам.

– Горячие, как угольки, – говорит она. Словно отвечая на ее слова, железноцвет раскрывается и выпускает из себя облачко мерцающих огоньков. Изнутри, его лепестки сияют так ярко, что Зое приходится щуриться. Вслед за одним цветком раскрываются и остальные. Потом линии, ведущие от соцветия к соцветию, начинают светиться, и по всему коридору соцветия начинают пульсировать, а потом раскрываются, выпуская облака мерцающих огоньков. Их свет – мягкий, похожий на свет неоновых трубок. Летящие огоньки обволакивают нас со всех сторон. Облако огней меняет оттенок, переливаясь из белого в лазурный, из лазурного в темно-синий, а потом обратно. Зоя встает с колен, и на ее лице я вижу выражение, как у маленькой девочки, увидевшей новогоднюю елку. Она смотрит на меня, не находя слов. Вокруг нее огни кружатся в калейдоскопе тонов, и каждый мерцает по-своему, но в гармонии с облаком.

– Знал, что тебе понравится, – говорю я, и довольно улыбаясь.

Я помню, как Виктория принесла пару соцветий домой. Как она улыбалась им. Тогда она еще умела улыбаться. Ночью мы вместе смотрели, как цветки железноцвета мерцают и распускаются, выпуская свои огни. Смотреть на них было интереснее, чем в телевизор – огни каждый раз они мерцали по-разному, и от них было не услышать о рекордных сборах сахарной свеклы в Мордовской республике.

– Пойдем, – говорю я. – Когда выберемся отсюда, я тебе подарю такие, если хочешь. Они везде растут, надо только поискать. Пошли, – я трогаю Зою за плечо, и она наконец отрывается от цветов.

Сквозь глазок двери нужной нам квартиры пробивается свет. Свет резкий, ярко контрастирующий с неоновым сиянием железноцвета. Зоя вопросительно смотрит на меня.

– Бродяги какие-нибудь, – говорю я.

– А, ну тогда просто. Будь наготове, – говорит Зоя, и скидывает сумку с плеч.

Подойдя к двери, она быстро снимает с себя куртку, доспех и свитер. Оставшись в одной майке, Зоя расстегивает на груди все пуговицы, поводит плечами, откашливается, а потом громко стучит в дверь.

– Помогите пожалуйста! – зовет она, долбя в дверь. На ее лице появилось выражение неподдельного страха. За дверью слышится какая-то возня, потом шум прекращается. – Кто-нибудь, помогите! Меня ограбили! – умоляет Зоя, и я вижу, что ей на глаза навернулись слезы.

Каким-то образом, ей удалось поднять голос на несколько октав. – Ребят! Ну пожалуйста! Кто-нибудь... – причитает Зоя.

– Слишком жирно, – усмехаюсь я.

– Сгнил отседова, – все тем же ангельским голоском цедит пострадавшая. Я встаю справа от двери, готовый вломиться в квартиру.

За дверью снова слышно движение. Щелкает засов. Зоя не теряет слезливого выражения лица, но все ее тело напрягается, как пружина. Она переносит вес на одну ногу. Дверь раскрывается бесшумно, без всякого предупреждения. Зоя замирает, и ее лицо принимает крайне растерянное выражение. Я выглядываю из-за угла.

Передо мной стоит тощее создание, закутанное с ног до головы в грязный саван. От плеч до пояса создание обмотано электрическими проводами, подключенными к натриевым лампам. Все лампы горят насыщенным оранжевым светом. В руке создание держит еще одну лампу. Эта рука, торчащая из-под савана, иссушена, словно у коматозной лягушки; пальцы покрыты черным налетом.

– Здравствуйте, – говорит существо. У него скрипучий, бесполой голос, напоминающий карканье вороны. – Вы пришли, чтобы почтить алтарь?

– Да, – только и могу выговорить я.

– Пожалуйста, проходите, – скрипит существо, после чего неторопливо удаляется вглубь квартиры. При каждом его движении я слышу едва различимый хруст костей. Его тело почти не излучает тепла.

– Как оно нас видит? – шепотом спрашивает Зоя.

– Не думаю, что оно видит. Может быть, и не слышит тоже. Пойдем за ним. Похоже, это прибежище сектантов Высотного Храма. Они не опасные.

Мы проходим внутрь квартиры. В нос бьет резкая, щелочная вонь, к которой примешивается приторный запах, чем-то напоминающий мне о церкви. Кроме увешанного лампами сектанта, источников света здесь нет. Стены покрыты какими-то рисунками – портретами, может быть – но я не приглядываюсь. В одной из комнат я вижу операционный стол и столик, на котором стоит поднос с хирургическими инструментами. Ламп освещения в операционной нет.

– Как они живут тут? – спрашивает Зоя, морща нос.

– Они почти ничего не чувствуют, – говорю я. – Обычно, за несколькими жрецами присматривает послушник – он, как правило, еще может видеть и слышать. У жрецов есть определенные таланты, и часто люди вроде Алхимика их используют для своих операций, как медбратьев.

Мы углубляемся в квартиру. Это бывшая коммуналка – судя по всему, здесь раньше жили три или четыре семьи. Сквозь картонные стены я вижу других жрецов. Они сидят на стульях или стоят без всякого движения. В квартире царит гробовая тишина. Зоя одевается на ходу, нервно оглядываясь по сторонам.

– Чего с ними случилось? Че они такие?

– Из-за клеща. Даже при правильном употреблении клещ крайне опасен. Любой, кто заигрывает с клещом, становится такими, как они. Такими, или... или...

Пустые глазницы, сочащиеся ненавистью, встают передо мной. Я замолкаю на полуслове.

Мы оказались в комнате, освещенной только железноцветом. Убедившись, что мы зашли, жрец делает жест в сторону алтаря и удаляется восвояси.

– Петя, глянь, – зовет Зоя. Я подхожу к ней, и тут мое дыхание перехватывает.

Алтарь – это просто три деревянных стенда, один в центре и два – по бокам. Стенды стоят на небольшом деревянном постаменте, перед которым горят десятки ароматных свеч. Некоторые из них почти растаяли, другие – явно свежие. Стенды увешаны газетными страницами и вырезками из научной литературы – я успеваю заметить титульный лист из “Специальной Нейрохимии и Введения в Органическую Криптографию” за авторством К. Леонова и В.

Ворониной, прежде чем вижу рисунки, покрывающие алтарь. С каждого из портретов на меня смотрит лицо Виктории. Это лицо я не перепутаю ни с одним другим во всей Вселенной. Ее прекрасные черты переданы с идеальной точностью; в заросшей железноцветом комнате глаза Виктории словно бы сияют. Рисунки покрывают все стены вокруг, и даже потолок. Часть нарисована на листах, часть – прямо на обоях и оголенном бетоне. Зоя осторожно снимает один из листов с алтаря и пристально смотрит на него.

– Почему они поклоняются ей? – спрашивает она.

– Я не знаю, – говорю я.

Но знаю, почему я поклоняюсь ей.

– Эй! Вы кто? – раздается позади нас тонкий голосок.

Я молниеносно разворачиваюсь и вижу низкую фигурку, стоящую на пороге комнаты. Я делаю шаг вперед и понимаю, что передо мной – ребенок. Фигурка отшатывается с испуганным возгласом – в отличие от сектантов, она явно может видеть. Зоина рука ложится мне на плечо.

– Не пыли, дурень. Ты ее пугаешь, – говорит Зоя, и в ее голосе вдруг звучат металлические нотки.

Медленно и плавно, Зоя приближается к двери и останавливается, как только девочка начинает пятиться назад. Тогда Зоя становится на колени, чтобы сравняться с девочкой по росту, и протягивает к ней руку.

– Привет, – говорит она. – Меня Зоя зовут. А это мой друг, Петя. Ты не бойся его, его просто в детстве часто роняли.

– А, тогда ясно, – говорит девочка, осторожно выступая из-за угла.

Одного взгляда мне хватает, чтобы понять, что это – та самая девчушка, которую Удильщик использовал как свою переводчицу. Та же белая кожа, те же огромные золотые глаза, те же татуировки. Только теперь она одета в ручного шитья штаны и рубашку. Девочка замирает на месте, узнав меня. Она бросает взгляд на Зою, потом снова на меня. Ее глаза на мгновение закрывают прозрачные мембраны. Она неуверенно переминается с ноги на ногу.

– Привет, – говорю я.

Девочка наклоняет голову, шурится и делает маленький шаг назад.

– Не уходи, пожалуйста, – просит Зоя. – Как тебя зовут? Ты здесь живешь?

– Ариадна, – говорит девочка и, помявшись, подходит к Зое чуть ближе, продолжая смотреть на меня. Я замечаю, что она все время слегка приподнимается на мысках. – Я тут не живу. Но иногда прихожу помочь этим, – она показывает пальцем через плечо. – Кто им еще поможет?

– А где твоя мама? – спрашивает Зоя.

– Ее нет, – невнятно отвечает Аря, и поеживается.

– Ты мерзнешь? – тут же спрашивает Зоя. – Хочешь, я тебе свитер подарю? Он теплый! – говорит Зоя, и начинает было стаскивать с себя куртку, но Ариадна останавливает ее жестом. – Ну хорошо... может, подойдешь поближе, а? Пожалуйста. Я тебя не трону. Пожалуйста, – просит Зоя, и протягивает к Ариадне обе руки.

Ариадна ненадолго задумывается, а потом осторожно проходит оставшееся до Зои расстояние. Зоя обнимает девочку так крепко, что я боюсь, как бы ей не было больно, но Ариадна только хихикает. Зоя сжимает ее так, как будто это последнее, что она может сделать в своей жизни. Она нежно гладит Ариадну по голове, и я вижу, что ее глаза блестят, теперь – по-настоящему. Все мысли о том, чтобы попытаться что-то рассказать Зое, вылетают из моей головы.

– Прости меня. Прости, пожалуйста, – едва слышно шепчет Зоя.

Я стою без движения и как могу стараюсь превратиться в элемент интерьера. У меня нет сомнений в том, что Зоя извиняется не перед этой девочкой. Подержав ее еще чуть-чуть, Зоя наконец выпускает Ариадну из своих объятий и смахивает слезы.

– Извини, че-то я расклеилась, – говорит она.

– Ничего, – просияв, говорит Ариадна. – Ты хорошая, я знаю, – она переводит взгляд на меня, – присматривай за Петей, а то он наворотит дел, – серьезно добавляет девочка.

– Обещаю! – отвечает Зоя. – Послушай, здесь сейчас будет очень опасно, поняла? Тебе надо спрятаться.

– Хорошо, – послушно кивает девочка.

– Ты ведь не в этом блоке живешь?

– Не-а.

– Тогда беги отсюда, далеко-далеко, договорились?

– Ага.

Прежде, чем умчаться восвояси, Аря бросает через плечо последний взгляд, и этот взгляд адресован мне. Сколько вопросов хотел бы я задать ей, но не могу. Прежде, чем я успеваю передумать, девочка исчезает. Звук ее шагов не слышен. Зоя провожает Ариадну тяжелым взглядом, а потом поднимается с пола.

– Не спрашивай про это, понял?

– Я и не собирался.

– Маленьких нужно защищать, – с каким-то ожесточением добавляет Зоя. – Не важно, какие они.

– Хорошо. Пойдем, нам еще квартиру штурмовать.

– Ладно, я только в туалет схожу.

– Я буду в гостиной.

Гостиная пуста, за исключением ковра и нескольких грязных тюфяков, лежащих по углам. Должно быть, сектанты здесь спят. Я достаю свою модифицированную рацию и посылаю несколько сигналов, а потом пристально присматриваюсь к эху от волн, идущему сквозь плиты. Насмотревшись, я снимаю сумку с плеча. Из ее смердящего нутра я извлекаю две фляжки, ставлю обе на пол и скручиваю крышки. Зоя как раз заходит в комнату.

– Мы прямо над противником, – говорю я, указывая на пол. – Готовься к штурму.

Зоя молча кивает, скидывает куртку и закатывает рукав свитера. Ее доспех теперь предстал во всей красе, матово блестящий костяными пластинами.

– Сколько целей? – спрашивает она.

– Меньше десяти. Сказал бы точнее, но больно переборки толстые. Основное скопление там, – говорю я, указав в дальний угол комнаты. – Обедают. Может, в карты играют. Это отлично – Алхимик компанию не любит, он наверняка в другом помещении.

Я беру фляги и, примерившись, начинаю высыпать на полу две порошковые дорожки, одну поверх другой, образуя круг диаметром около метра. Зоя наблюдает.

– Тебя же удар хватит, – говорит она. – Может, на двоих давай?

– Тебе хиханьки, а одному эта смесь четыре пальца съела, – говорю я. – Потом назад отрастил, но его все равно звали – Кирюха-Шестипалый... мой друг.

– А теперь он где?

– Он умер. От того, что я убил его. Доставай оружие.

Зоя опустошает сумку на пол. Из кучи уже подгнивших морепродуктов она извлекает компоненты оружия.

– Собирай, как я показывал, – говорю я.

Очистив от кожицы, Зоя вставляет ствол, затвор и ударно-спусковой механизм в трехгранную тазовую кость, затем соединяет все это с половиной бедра, к которому подсоединяет костяную пистолетную рукоять и целик из половины челюсти.

– Как блять, наряд по столовой! – ворчит она. – А желудок куда? Горячий, тварь.

– Ну вперед же, под УСМ. Смотри – тяжелый. Вот так. Желудок – твоя патронная фабрика. Не забывай – для производства боеприпасов ей нужна масса энергии и материала – для этого понадобится штык.

Глаза Зои нехорошо сверкают.

– Теперь магазин – вот эта круглая трубка. Нет, не эта. Это...

– Гранатомет, все я знаю.

– Он полуавтоматический, помнишь? Внутри него – органический поршень, его нужно взводить перед каждым выстрелом. Теперь поверни сустав.

Зоя следует указанию. Раздается негромкий скрип, и из зада ствольной коробки вырастают несколько длинных и гибких отростков.

– Теперь – в боевое положение.

Зоя вскидывает оружие; отростки, дойдя до ее плеча, изгибаются и принимают его форму.

– Отдачи почти нет, – говорю я, – импульса хватает ровно настолько, чтобы обеспечить ход затвора. Помни – после двухсот метров точность боя резко падает, но в пределах двухсот метров под него лучше не попадаться. Отцовские лаборанты прозвали его Зубилом.

Закончив с порошковым кругом, я оперативно собираю свое собственное оружие. На Зоино оно совсем не похоже: боевая часть представляет собой штук двадцать костяных “кистей”, сплетенных пальцами, словно у влюбленных скелетов. Сплетенные пальцы образуют своего рода тоннель, выход которого я стараюсь ненароком не навести на ноги. Облучатель легко ложится в руку; щека приклада мягкая и пружинистая, как мох. Гашетка напоминает человеческий язык. Даже не стреляя, это оружие способно натворить бед – об этом факте ее конструктор узнал тогда, когда рентгеновский снимок показал, что его руки за месяц работы были поглощены остеосаркомой. Последние дни он провел наедине со сращивателем и своим незаконченным прототипом. С ним в руках его и нашли.

– Помни, – говорю я Зое, – в магазине у тебя сто выстрелов, но вылетят они в миг, так что...

– Не лечи меня, Петь.

– Фото Алхимика показать еще раз?

– Такого уroda ни с кем не спутаешь.

– В него старайся не стрелять, даже если сильно захочется. Держи, – говорю я, и протягиваю Зое пару ватных затычек.

– Уже хотела от майки оторвать.

– Стрельба – это пол беды. – Вот вторая половина, – говорю я. Покопавшись, я выпрастываю из кармана предмет, похожий на рессорную пружину, сделанную из хряща. – У нас будет двадцать секунд тишины, чтобы уничтожить все, что под нами, за исключением Алхимика. Готова?

– Всегда.

Я поднимаю воротник свитера, чтобы закрыть нос, и снимаю крышку с перечницы. Зоя вынимает из подсумка свето-шумовую гранату. Я замечаю, что ее губы беззвучно движутся.

Днем город, как город,

И люди, как люди, вокруг...

Как только я перчу созданный мною круг, гремучая смесь начинает громко шипеть; вверх летят искры, которые прожигают мой рукав. Я вскидываю облучатель. Гремучая смесь исчезает, оставляя на своем месте черную полосу, сквозь которую начинает пробиваться свет. Снизу вдруг доносится придушенный вопль.

– Поехали.

Изо всех сил, я бью “пружиной” об пол, и тут же ощущаю, как она начинает вибрировать. Она быстро нагревается в моей руке. С ростом вибрации в пружине все звуки вокруг

нас растворяются. Весь мир погружается в замогильную тишину, и с тишиной приходит боль: кажется, изнутри черепа кто-то засунул пальцы в мои уши, возжелав выдавить мои перепонки наружу. Стиснув зубы, я показываю Зое три пальца. Она загоняет в гранату в гранатомет. Ее лицо посерело от напряжения.

*...Но вечер приходит,
И все изменяется вдруг...*

Пол обваливается, и Зоя немедленно стреляет в отверстие из гранатомета. Метнув пружину вперед себя, я ныряю в дыру. Мой разум спокоен и руки мои тверды – время сомнений прошло.

Приземляюсь в туче бетонной пыли, и рефлекторно стреляю в возникшую передо мной мишень. Удар импульса заставляет кровь врага вскипеть; его аорта лопается, а сердце взрывается, как паровой котел. Делаю шаг в сторону и поскальзываюсь на чем-то. Прицел сбит, мишень номер два уходит с траектории. Проклятье.

Я не слышу, как Зоя открывает огонь, но вижу поток костяных игл, дробящих врага в винегрет. Требуха виснет на люстре. Моя первая мишень падает, и за ней я наблюдаю следующую. Импульса ему досталось немного, но достаточно. Мишень делает неверный шаг и падает, выронив автомат. Кипящая кровь струится из его носа. Я обращаю свое внимание на центр комнаты.

Дезориентированная мишень пытается бежать, но костяная очередь перенаправляет ее в ад. Еще одна мишень лезет за пазуху, но я вправляю ей мозги, и мишень стреляет себе же в бок, не достав пистолет из кобуры. Крайняя мишень, оглохшая и ослепшая, пытается схватить лежащий на бильярдном столе автомат, но Зоя отбирает желание вместе с руками. Пыль, поднятая упавшим потолком, разлетается по залу. Бесшумно, не выдержавшая веса требухи люстра падает на стол, и миллион хрустальных брызг разлетается по комнате, словно салют. Ну, вот и все, кажется.

Напряженная, словно тетива, Зоя замерла, чуть наклонившись вперед, предвосхищая отдачу. В ее руках, Зубило дергается из влево-вправо, как стрелка сломанных часов, сканируя комнату. Ее глаза блестят, а на щеках горит румянец. Ее губы шепчут:

*...Погаснут свечи, уйдет любовь,
Но этот вечер вернется вновь...*

Я осторожно касаюсь ее плеча и показываю ей большой палец. Зоя бессмысленно кивает, как во сне. Я вижу, что она силится сдержать улыбку; ее грудь часто вздымается. Не опуская облучатель, я указываю ладонью вперед, и мы начинаем двигаться вглубь обширной комнаты. Тишина оглушительна: кажется, что кто-то сдавил мои ушные косточки в тисках. Обходя бильярдный стол, я вижу, как моя пружина подпрыгивает и бешено вертится под ним, катаясь из стороны в сторону. От вибрации она словно бы слилась в единый серый цилиндр, который постепенно удлиняется.

Теперь у меня появляется возможность оценить роскошное убранство квартиры. Не удивлюсь, если эти бархатные портьеры и антикварную мебель Алхимик купил у мародеров, разграбивших Оружейную Палату. Окна в квартире заделаны, вместо них повсюду висят зеркала, большие и малые, многократно увеличивающие пространство и умножающие наши с Зоей потрепанные фигуры. По центру комнаты возвышается большое, старомодного вида медицинское кресло. В нем, спиной к нам, полулежит голый пациент. Интересный пациент: прямо к его конечностям присоединен своего рода металлический внешний скелет, опутанный проводами. Главная часть этого механизма, похожая на стальной хребет, отрезана и валяется на

полу. Спина пациента вскрыта, и прямо к оголенному позвоночнику подсоединено несколько кожаных трубок, ведущих к сращивателю, водруженному на покрытый резьбой дубовый стол. На столе стоят десятилитровые склянки с клещами. На кресло направлена тяжелая студийная телекамера, провода от которой тянутся к стоящему в стороне вычислителю.

Неожиданно, один из подстреленных вскакивает и бросается на Зою. Сталь сверкает в его кулаке. Зоя реагирует молниеносно. Одно движение пальца – и сбоку от трехгранного цевья возникает зазубренный штык. Зоя подается вперед и тут же отскакивает, делая выпад оружием. На лице обманутого врага ликование сменяет растерянность, затем – боль. Финка выпадает из занесенной было руки. Оскалившись, Зоя поворачивает костяной вентиль, и Зубило приходит в движение. Кожаные трубки, соединяющие штык с мешком, наполняются красным, и оружие жадно трясется, высасывая соки из еще живого тела. Лицо врага желтеет, а глаза закатываются; его колотит, словно от тока. Удерживая на штыке его вес, Зоя медленно опускает врага на пол. Он похож на мумию к тому моменту, когда касается паркета. Кожаный мешок Зубила немедленно приходит в движение, перерабатывая сырье.

Я делаю шаг в направлении спальни, указывая Зое в сторону кабинета. Висящая у входа в спальню картина привлекает мое внимание. Да это же “Пан” Врубеля! К краскам подлинника, впрочем, теперь примешались чьи-то внутренности. На мгновение, я опускаю облучатель, и немедленно осознаю ошибочность этого действия.

Новая мишень появляется прямо из-за операционного кресла. Одет в белый халат, один глаз – перламутровый, в руках – очень большой карабин. Алхимик!

Не могу стрелять. Не успею спрятаться. Скорый поезд врзается мне в грудь, и вместо Алхимика я стреляю в стену. Всю Солнечную систему, весь Млечный Путь заполнили черные мухи; я забыл, как дышать, и последнее, что я увижу в своей богом проклятой жизни – это сверкающая, острозубая улыбка врача-убийцы. Я пячусь. Пячусь. Падаю. Конец.

Впрочем, кажется, Алхимик с такой концовкой не согласен. Вместо того, чтобы убивать меня, он трясется и качается, как алкоголик, и смотрит свою руку, от которой почему-то идет сильный дым. Через секунду у него отваливаются пальцы, через две – вся остальная рука. Алхимик делает шаг назад, и немедленно его правая нога ломается, как спичка. Как печка дымясь, доктор падает навзничь. Я замечаю, что дымится не только он, но и пол вокруг, и даже потолок. Хирургическое кресло, за которым прятался добрый доктор, поплыло, как масло, а нафаршированный железом пациент стекает на пол. Мой нос невыносимо жжет, и через пару секунд ноздри закладывает наглухо. Я пытаюсь встать и тут же падаю обратно, прямо на труп одного из ополченцев. А это не “Шестопер” ли у него в кобуре? Такой же, как мой. Откуда? Нет сил думать.

Зоя подбегает ко мне. На последнем ее шаге я слышу, как звуки начинают возвращаться. Моя глушилка перестала вертеться; назвать ее пружиной теперь язык не повернется – она приняла форму стержня, раскаленного до синевы. Паркет дымится вокруг нее.

Зоя встает рядом со мной на колени и начинает торопливо расстегивать мою куртку.

– Дышать можешь? Моргни дважды, если да! Здесь больно? А здесь?

– Нет, – шепчу я, выдавливая крайние капли воздуха из легких, и отталкиваю ее руку.

– Это... это что я с ним, Петь?

– Боевой... микотоксин, – хрипит вдалеке антикварный граммофон, имеющий к Петру посредственное отношение. Давно в меня не стреляли.

– Но... но я же...

– Шумовые – с кругом, – говорю я. – А с крестом – ядовитые.

– Сука, блять!

– Ничего. Ты мне жизнь спасла. Проверь... спальню и остальное. Я пока полежу.

В мире не осталось ничего, кроме черных мух, и я сдаюсь под их натиском.

Когда я открываю глаза, то вижу, что Зоя замерла на пороге спальни, осторожно заглядывая внутрь. Из-за этого она не видит врага, выскочившего из противоположной двери.

То, что враг давно перестал быть человеком, ясно с первого взгляда. Его спинные мышцы настолько гипертрофированны, что делают его похожим на кобру; вес собственного торса вынуждает его горбиться. Его желтое тело исполосовано хирургическими швами, а из одежды на нем – только толстая цепь, опутавшая торс. А еще у него нет головы. Не то чтобы это меня смущает. Нагнувшись вперед, я выхватываю “Шестопер” из кобуры мертвого ополченца. Я успеваю сделать два выстрела, прежде чем моя цель достигает бильярдного стола.

Достигнув плоти врага, мои пули превращаются в трехсантиметровые блины. Эти нихромовые снаряды разносят все на своем пути, разрывая мышцы, как бумагу. Молибденовый сердечник пробивает оболочку пуль и прошивает мишень навывлет. Оболочка разрывается, и осколки расходятся во все стороны, рубя кости. Заключение в пуле ртутные соли попадают в сердце цели. Гидроудар превращает легкие врага в желе, когда первая пуля проникает ему в грудь. Вторая бьет в промежность, вынося ошметки гениталий вперемешку с костями за пределы бедренной полости. Он падает, как сбитый товарняком бомж. Он должен быть мертв. Должен быть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.